СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXI.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2147

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ХРОНИКА РУССКАГО ВЪ ГЕРМАНІИ.

Веймаръ, $\frac{\text{23 Іюля,}}{\text{6 Августа,}}$ 1840. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня въ 11 часовъ; справился, когда ожидаютъ сюда изъ Вильгельмсталя Великую Княгиню, и узналъ, что она должна сегодня выѣхать оттуда, обѣдать въ Эйзенахѣ, и къ вечеру быть уже въ здѣшнемъ *Belvedere*. Я рѣшился ожидать Ея Высочество здѣсь, и возобновилъ знакомство съ г. *Липманомъ*, наставникомъ Государя Наслѣдника, который доживаетъ теперь вѣкъ свой, въ ученомъ досугѣ, корреспондентомъ Министерства Просвѣщенія. Но возвратимся къ послѣднему дню въ Берлинѣ, откуда я въ послѣдній разъ писалъ къ вамъ. Я выѣхалъ оттуда въ 5 часовъ послѣ обѣда 1-го Августа, въ 8-мь былъ уже въ Потс-

дамѣ, проѣхавъ прекрасныя дачи, на пескѣ построенныя, братьевъ королевскихъ, гдѣ я бывалъ прежде и гостилъ у принцессъ; въ Потсдамѣ остановился, по-прежнему, у *Пустынника*, zum Einsiedler, и немедленно взялъ коляску и отправился въ Sans-Souci къ Гумбольду, съ *Лейбницемъ* подъ рукою (т. е. съ его проектомъ, Петру I-му представленнымъ). Мнѣ сказали, что Гумбольдъ пьетъ чай у Короля въ Шарлотенгофѣ. Начинало уже смеркаться. Я пошелъ бродить въ паркѣ и набрелъ неожиданно на Шарлотенгофъ, откуда выходилъ Король со свитою. Придворныя коляски и таратайки ждали Королеву; она вышла съ двумя дамами, замѣтила незнакомое лице, и, какъ я послѣ узналъ, подождала минуты двѣ, думая, что я имѣлъ до нея дѣло. Но я распознавалъ въ числѣ королевской свиты Гумбольда; онъ узналъ меня и подошелъ ко мнѣ; успѣлъ сказать мнѣ, что дѣло мое, какъ говорятъ, въ шляпѣ, что Король дастъ приказаніе объ удержанныхъ пяти рукописяхъ. Гумбольдъ хотѣлъ на другой день зайти ко мнѣ, но я предварилъ его. Изъ Шарлотенгофа онъ поѣхалъ къ Королю въ Sans-Souci ужинать, а я побрелъ въ Потсдамъ съ попутчикомъ, кадетомъ, который расказывалъ мнѣ анекдоты о новомъ Королѣ, о его дѣятельности, о привѣтливости ко всѣмъ и о его образѣ жизни въ Потсдамѣ. Кадету все было извѣстно — и казалось, что онъ готовился въ камеръ-юнкеры или флигель-адъютанты... Я добрелъ до *Пустынника*, довольный моей вечернею прогулкою и встрѣчами. На другой день, въ воскресеніе, всталъ въ

6 часовъ и встрѣтилъ утро въ Потсдамскихъ окрестностяхъ. Я попалъ прямо на бронзовый бюстъ Александра I-го, окруженный пушками. Неподалеку другой бюстъ генерала *Шарнгорста*, сподвижника Государей, спасавшихъ Европу отъ Наполеона. Зашелъ въ Католическую церковь: огромное, но бѣдное, полу-каменное, полу-деревянное зданіе, на дворѣ оружейной фабрики; побрелъ по дорогѣ въ Sans-Souci, увидѣлъ песчаную площадь съ какой-то башенкой: тутъ собиралось нѣкогда... *Табашное общество*, Tabacks Kollegium, коего трубки разной формы и калибра показывали мнѣ въ кунст-камерѣ: теперь—всѣ салоны обратились въ табашныя коллегіи... Я пришелъ въ Sans-Souci въ 8 час. утра: Гумбольдъ уже гулялъ въ паркѣ, и минутъ черезъ 10 возвратился. Я успѣлъ насладиться въ тѣни алей прохладою утра и взобрался ко дворцу по каменной лѣстницѣ, уставленной померанцевыми деревьями. Италія въ пескахъ Бранденбургіи! Капризъ генія, неугадавшаго первыхъ началъ политической экономіи, создалъ сіи громады, для употребленія капиталовъ, для убѣжденія Европы, что семилѣтняя война не истощила казны его! Представитель XVIII-го вѣка, хозяинъ и строитель сей державной обители, король и Фридрихъ II и завоеватель, во враждѣ съ пол- Европой, мечталъ о *беззаботномъ* отдыхѣ. *Беззаботный*—и во враждѣ съ двумя Государынями, съ коими только смерть и побѣда примирили его! Я нашелъ Гумбольда, читающаго моего *Лейбница*, коего я ему наканунѣ оставилъ. Онъ пожелалъ имѣть копію съ замѣчаній о

магнитной стрѣлкѣ, кои Лейбницъ представилъ Петру Великому. Я обѣщалъ прислать ему сіи копіи (кажется, тайна природы можетъ быть уже не тайна государственная). Мы проговорили около часа о разныхъ предметахъ; отъ политики переходили къ книгамъ, къ властямъ предержащимъ, къ совопросникамъ вѣка сего. Все, что слышу о новомъ Королѣ, меня радуетъ: для будущаго много надеждъ. Онъ долго наблюдалъ, со многими совѣтовался, и пріобрѣлъ опытность государственную, безъ личной отвѣтственности въ томъ, что совершалось въ глазахъ его: размышленіе и опытность употребитъ онъ на пользу государства. Кто, на тронѣ, умѣетъ наслаждаться и пользоваться Гумбольдомъ, за того *общее мнѣніе*. Уже патріотъ *Арндтъ*, въ страшную годину Пруссіи сподвижникъ Штейна, празднуетъ свое политическое и профессорское возрожденіе съ друзьями освобожденной отъ Наполеона Германіи. Почти наканунѣ дня сего издалъ онъ свою біографію: «Errinerrungen aus dem äuszeren Leben von Ernst Mor. Arndt (въ ней много и объ Императорѣ Александрѣ, много, много и о тогдашнихъ обстоятельствахъ...).» Скоро послѣ изданія его біографическихъ записокъ оправдались его слова, его вѣра въ Провидѣніе. *Янъ* также уже на полной свободѣ; ветерана поэтовъ Германіи, *Тика*, изъ Дрездена призываютъ въ Берлинъ. Гумбольдъ показалъ мнѣ новый романъ его; ожидаютъ, что *Эйхгорнъ*, также другъ и сподвижникъ Штейна, занимающій нынѣ важное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (ему поручены дѣла по сноше-

нію со всѣми Нѣмецкими государствами), будетъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія: публика заранѣе радуется сему назначенію. Гумбольдъ знакомъ не съ одними высотами Чимборазо, но и съ низостями нѣкоторыхъ литераторовъ, намъ извѣстныхъ. Я удивился его всевѣдѣнію! онъ изъявилъ искреннее негодованіе на статью противъ умнаго и благороднаго нашего литератора Мельгунова; я хвалилъ ему книжку *Кенига*. Гумбольдъ повторилъ мнѣ обѣщаніе Короля отдать мнѣ и 5 удержанныхъ рукописей о Россіи; я все получу въ свое время чрезъ нашу миссію, а Гумбольдъ увѣдомитъ меня письменно обо всемъ, что сдѣлано будетъ. Еще многое говорено было; все, все сохранится въ моемъ благодарномъ сердцѣ. Насталъ часъ литургіи, и Гумбольдъ предложилъ мнѣ довести меня въ Гарнизонную церковь. Я опять видѣлъ тамъ Короля, Королеву, принца Карла, и выслушалъ довольно посредственную проповѣдь зятя епископа Эйкерта; изъ церкви я возвратился къ своему *Пустыннику*; отобѣдалъ, послалъ за лошадьми и въ часъ уѣхалъ изъ Потсдама; часа два отдыхалъ на пути и въ 7 часовъ утра пріѣхалъ въ *Галле*; освѣжился, побѣжалъ къ *Цвечкѣ*, моему знакомому книгопродавцу, бывшему товарищу утопившагося въ Невѣ Мейера; купилъ университетскій каталогъ и въ 7¼ слушалъ уже лекцію *Эрдмана*: Ueber die Religions-Philosophie. Я уже слыхалъ его прежде; онъ говоритъ хотя слишкомъ скоро, но внятно и вразумительно, не смотря на отвлеченность предмета. Содержаніе лекціи я

записалъ только про себя, замѣтивъ въ Эрдмановой кое-что, напоминавшее мнѣ *мысли Жубера:* онъ не читалъ ихъ. Эрдманъ Лифляндецъ; его приглашаютъ снова въ Дерптъ; я совѣтовалъ принять приглашеніе: это выгодно для него и для Дерпта. Послѣ Эрдмана, отъ 8 до 9, слушалъ я Нравственность (die Moral) у малютки *Вегшейдера*. Онъ говорилъ о *любви*, о *бракѣ*, о *семейственной жизни:* сначала было мало новаго, но давно-извѣстное развѣ не входитъ въ планъ полнаго курса? Отъ *многоженства* (полигаміи) перешелъ къ поліандріи, т: е: многомужству: оно еще безнравственнѣе и противнѣе выгодамъ гражданственности, потому-что совершенно уничтожаетъ достоинство человѣка-мущины, и дѣлаетъ невозможнымъ воспитаніе дѣтей, неизвѣстностію отца. Въ Страбонѣ, въ Кесарѣ, въ новѣйшемъ путешественникѣ Форстерѣ указалъ онъ на примѣры поліандріи: «Бракъ, въ благородномъ видѣ своемъ, есть основаніе всякаго человѣческаго образованія, корень всякой нравственности, и только онъ дѣлаетъ возможнымъ воспитаніе дѣтей.» Я написалъ нѣсколько страницъ въ своей карманной книжкѣ изъ каждой лекціи; но не хочу васъ вести на студентскую скамью. Отъ 9 до 10 слушалъ я знаменитаго *Гезеніуса*, оріенталиста, и особенно гебраиста, коему привезъ поклонъ отъ Гумбольда. Онъ читаетъ о *Книгѣ Бытія* по Еврейскому тексту, для меня непонятному, но онъ переводитъ тексты самъ на Нѣмецкій и объясняетъ ихъ превосходно. Эрдманъ передъ лекціей познакомилъ меня съ нимъ. Я и его

слыхалъ уже здѣсь. Онъ проходилъ въ тотъ разъ 28 главу стихъ 19, о *Іаковѣ*. Занимательно и любопытно было объясненіе *Восточной идилліи* о сватовствѣ Іакова. Гезеніузъ почитается первымъ гебраистомъ въ Германіи; для богослововъ необходима книга его. Отъ 10 до 11 слушалъ я *Толука*, моего Кисингенскаго пріятеля, коего слыхалъ только по сію пору въ церкви. Я нашелъ его уже женатымъ, выздоровѣвшимъ. Я люблю книги его. Die kleine Schriften и теперь со мною. Онъ былъ нѣкогда Протестантскимъ проповѣдникомъ, едва ли не первымъ, при Берлинской миссіи въ Римѣ; превосходно опровергалъ Штрауса, а теперь издаетъ здѣсь и богословскую газету. Онъ читаетъ нѣсколько лекцій; я попалъ на *объясненіе Евангелія отъ Іоанна*, 13 *главы*. Сверхъ того онъ читаетъ о посланіяхъ Св: Павла и толкуетъ Пророковъ. Желалъ бы передать вамъ все слышанное, или по крайней мѣрѣ записанное на сей лекціи, но времени не достанетъ; въ Толукѣ много души или, лучше, Gemüht. Съ нѣкотораго времени на него нападаютъ за нѣкоторое отступленіе отъ прежнихъ убѣжденій, но я еще не успѣлъ ознакомиться съ этой полемикой; больно мнѣ только было слышать отзывъ Толука, искренно мною уважаемаго, о моемъ *Неандерѣ*. Когда я спрашивалъ Неандера о Толукѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ болѣе *молчаніемъ*, и хвалилъ только религіозное чувство и многосторонность учености Толука, между тѣмъ какъ сей послѣдній говорилъ о немъ съ какой-то внутреннею досадою, трунилъ надъ нимъ по-свое-

му. Толукъ позвалъ меня на вечеръ, съ историкомъ *Лео* и съ двумя молодыми богословами. Отъ 11 до 12 слушалъ я *Юліуса Мюллера,* о коемъ Неандеръ говорилъ мнѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Онъ читаетъ церковную исторію. Послѣ лекціи я съ нимъ познакомился и передалъ ему сердечное привѣтствіе Неандера. Мюллеръ вспомнилъ, что встрѣчалъ меня въ Гетингенѣ, въ 1837, на вѣковомъ празднествѣ. Хвалятъ очень его книгу: Ueber die Sünde. Отъ 12 до 1 слушалъ я *Новѣйшую Исторію* у *Лео:* вы знаете его по Исторіи Италіи, изданной имъ для *Герена* и *Укерта*; по *Всемірной Исторіи*, коей вышло уже четыре части, знаете, наконецъ, и по ссорѣ его съ Гегеліанцами (die Gegelinger — въ насмѣшку надъ Gegelianer). Я вечерялъ у него за три года предъ симъ, и тогда слушалъ лекціи его о какой-то древней Нѣмецкой поэмѣ. Теперь онъ проходилъ Французскую революцію во всей подробности; исчислялъ происшествія, дѣлалъ характеристику партій и ихъ корифеевъ, «der Flügelmänner der Zeit», какъ онъ ихъ назвалъ. Описалъ даже нѣкоторыхъ изъ живущихъ; напр: *Пасторета*; но удачнѣе всего сдѣлалъ портретъ *Карно, устроителя побѣды* (о немъ сказалп: il a organisé la victoire), потомъ и Дантона, Мирабо, Jsnard (онъ былъ Бемистъ и въ духѣ *Сенъ-Мартена*), Мерли де Тіонвила, Вазира, Шабо, Ла-Круа, Камбо, Рюля, Талейрана, и наконецъ описалъ буйство въ Авиньонѣ. Онъ оживляетъ лекціи какимъ-то жаромъ, не краснорѣчія, а какъ-бы *участія* въ происшествіяхъ и въ лицахъ, о

коихъ повѣствуетъ. *Ранке* думаетъ болѣе о себѣ, хочетъ изумить повѣствуемымъ и остротами, можетъ быть, заготовленными; *Раумеръ* сухъ въ своемъ велерѣчіи; но *Лео* проникнутъ убѣжденіемъ искреннимъ, чувствомъ негодованія или энтузіасма къ повѣствуемымъ событіямъ, или къ описуемымъ лицамъ и къ духу времени. Онъ увлекаетъ за собою: volentem et nolentem trahit. Послѣ лекціи мы возобновили знакомство, и я зашелъ къ нему послѣ обѣда. Современная исторія занимаетъ его; онъ самъ былъ нѣкогда журналистомъ въ Берлинѣ, гдѣ не всѣ его любятъ. Послѣ 4 части своей Всеобщей Исторіи онъ покоится на лаврахъ, обработывая только свои лекціи. Скоро займется 5-ю и послѣднею частію своей Исторіи. Обыкновенно я спрашиваю знатоковъ такаго разбора, какъ Лео, о новыхъ книгахъ; онъ наименовалъ мнѣ одну, неизвѣстнаго автора, въ *Базелѣ* изданную, какъ примѣчательную въ своемъ родѣ: «Das göttliche Recht und die Verstandes-trügen»; вышла у книгопродавца *Шпитлера*. Отобѣдавъ на-скоро въ трактирѣ, я отправился въ книжную лавку *Цвечкена*, просмотрѣлъ новости ученой литературы, обошелъ часть города и въ 4 часа опять явился въ университетское зданіе, гдѣ преподаются почти всѣ лекціи. Отъ 4 до 5 слушалъ опять *Гезеніуса Археологію*. Это его любимая наука, и книга его признана классическою. Съ какою подробностію описывалъ онъ: die Stiftshüte, устроеніе оной; въ ней горѣлъ огонь безпрестанно, зажженный Іеговой, «coelo delap-

sus», всѣ снаряды, орудія, сосуды, яства (*артосъ*), подсвѣшники, размѣръ и форму оныхъ, Святую Святыхъ — кивотъ, и прочее. Онъ предложилъ мнѣніе ученыхъ оріенталистовъ о каждой части кивота; о Херувимахъ, ихъ назначеніи; описаніе храма Саломона также съ величайшею точностію; его положеніе, устройство. Одно изъ лучшихъ описаній сего храма сдѣлано недавно нашимъ Дерптскимъ ученымъ, *Кейлемъ*, 1840. Жаль, что Гезеніусу неизвѣстно твореніе *Ланчи*, профессора и аббата Римскаго, гдѣ многое объяснено иначе; но я вѣрю болѣе Гезеніусу. Фоліантъ Ланчи, съ превосходными рисунками, о Еврейскихъ древностяхъ, напечатанъ въ Римѣ. Отъ 5 до 6 слушалъ я Древнюю Исторію у *Дункера*, экстраординарнаго профессора, сына Парижскаго книгопродавца, моего знакомаго (я закупилъ у него теперь книгъ рублей на 150). Дункеръ читалъ: о происхожденіи демокраціи въ Аѳинахъ, кажется, болѣе по *Беку* (Бекъ, Берлинскій знаменитый археологъ). Онъ разбиралъ внутреннее устройство Аѳинской республики ясно и удовлетворительно. У Дункера мало слушателей; но онъ еще только въ началѣ своего академическаго поприща, и самъ 27 лѣтъ: только въ Германіи можно въ семъ возрастѣ быть глубокимъ ученымъ и истиннымъ профессоромъ. Вообще Университетъ въ Галлѣ, какъ и всѣ Университеты въ Германіи, теперь не такъ богатъ студентами, какъ прежде, когда число ихъ простиралось до 2000. Нынѣ только около 800; но Гезеніусъ, Толукъ, Мюллеръ, Эрдманъ,

поддерживаютъ еще древнюю славу его; Гальскія ученыя вѣдомости еще читаются въ ученой Европѣ; но всего болѣе — по крайней мѣрѣ для меня — процвѣтаетъ Галле разсадникомъ благочестія и христіанскаго милосердія, насажденнымъ безсмертнымъ Франкомъ: *Сиротскимъ Училищемъ*, *Школою для миссіонеровъ* и *Библейскою типографіею*, разсылающею *Слово Божіе* во всѣ концы вселенной. Я уже описывалъ прежде сіи заведенія, возрожденныя лептою Франка и его сподвижниковъ; вѣтьви сего древа внутренняго благочестія расширились и покрыли плодами своими не одну Европу, но и сидѣвшихъ въ сѣни смертней. *Вѣра* въ Провидѣніе возрастила сіе древо, сіе зерно горчишно, Франкомъ брошенное въ землю. Я поклонился еще разъ его памятнику, окруженному рядомъ огромныхъ зданій, въ коихъ помѣщаются школы, типографія, книжная лавка и многіе другіе институты. *Нимейеръ*, сынъ знаменитаго педагога, хотя и неолога, послѣдовалъ отцу въ устроеніи *Франковскихъ* заведеній. Лучшею чертою въ жизни Короля Фр. Вильгельма III-го есть постоянство, съ коимъ онъ, въ самое критическое время своего царствованія, благодѣтельствовалъ Франковскимъ заведеніямъ; когда Наполеонъ громилъ его государство, и оно распадалось на части, Король не ослабѣлъ въ щедротахъ своихъ къ сиротамъ и къ школѣ Франка (Богу поручилъ ихъ первоначальный установитель, а «въ семействѣ Бога нѣтъ сиротъ,» сказалъ нашъ Жуковскій), и Фридрихъ Вильгельмъ пре-

былъ отцемъ ихъ въ годину искушенія — на верху славы и счастія, послѣ Іенайской битвы и въ стѣнахъ Парижа. Его называютъ вторымъ основателемъ сихъ заведеній, вторымъ Франкомъ (Король гордился быть *первымъ* послѣ нищаго). Въ концѣ XVIII столѣтія доходы уменьшились до того, что уже помышляли ограничить школы, уменьшить число воспитанниковъ. Уже, когда въ 1799 году Фр. Вильгельмъ III оживилъ ихъ своимъ присутствіемъ и щедротами, онъ прибавилъ 4/т. талеровъ ежегодно въ пользу Педагогическаго Института и Сиротскаго дома. Въ 1806 году (въ какую страшную годину для Пруссіи!) Король ознаменовалъ столѣтнюю благодѣтельную дѣятельность сего разсадника просвѣщенія и благочестія новыми дарами, хотя ему представляли уже объ ограниченіи средствъ, коими онъ существовалъ. Вмѣсто сего Фр. Вильгельмъ III обезпечилъ содержаніе сихъ заведеній и на будущее время указомъ, подписаннымъ въ Потсдамѣ $\frac{14}{26}$ Апрѣля 1806 г. Іенайское побоище и политическій хаосъ — въ которой Германію погрузили Наполеоновы побѣды — ненадолго пріостановили благодѣтельное вліяніе Королевской попечительности о сиротахъ Франка. Уже изъ *Шомона*, $\frac{\text{20 Апрѣля,}}{\text{2 Мая,}}$ 1814 г.—слѣдовательно прежде совершеннаго торжества и прежде совершеннаго возрожденія Пруссіи и возстановленія порядка въ финансахъ и въ источникахъ государственныхъ доходовъ—Король отвѣчалъ директорамъ Франковскаго института, обѣщая имъ вспоможеніе, и послалъ имъ, изъ своихъ собствен-

ныхъ доходовъ, 1000 червон. Въ послѣдствіи дары и привиллегіи умножились, и въ 1829 году, на самомъ мѣстѣ, гдѣ процвѣтаетъ дѣло Франка, воздвигнутъ ему памятникъ. Колоссальная статуя его, у подножія коей съ благодарнымъ благоговѣніемъ взираетъ на него *Сирота* (въ слѣпкахъ во всей Европѣ извѣстный), стоитъ посреди зданій, воздвигнутыхъ Франкомъ при жизни его на суммы, имъ собранныя. Здѣсь приличнѣе бы увѣковѣчить память его одною надписью, посвященною Британскому зодчему *Врену*: Si monumentum quaeris—circumspice!» или сказать, какъ Державинъ Бецкому: «И камни здѣсь твой трудъ гласятъ!» Но сколь живые монументы (краснѣйшіе памятниковъ сихъ!) говорятъ о Франкѣ (какъ о нашемъ Бецкомъ: дома̀ воспитанія): сироты, *живые* и *мертвые* благовѣстники, т. е. миссіонеры и библіи! Я прошелся по длинному двору, раздѣляющему два ряда зданій, гдѣ прогуливались ученики и сиротки; вмѣстѣ съ ними еще разъ подошелъ къ памятнику съ молитвою въ сердцѣ, которую, казалось, и они раздѣляли. Это сердечное умиленіе предъ ихъ благотворителемъ насъ какъ-то сблизило въ сію минуту: они понимали меня, я угадывалъ ихъ сердце; мы простились какъ единомышленники. Жизнь и подвиги Франка — вотъ мое любимое безсмертіе! вотъ моя любимая слава, на землѣ непроходящая и въ небѣ дозрѣвающая!

Въ блаженномъ расположеніи духа пришелъ я къ философу Эрдману — на чай! Мы разговорились о

его занятіяхъ: онъ издаетъ біографію и полныя сочиненія *Лейбница* — и ему пригодились мои рукописи изъ нашего архива; онъ узналъ изъ нихъ, что Лейбницъ былъ Русскимъ *Тайнымъ Юстиц-ратомъ* и получалъ 1000 ефимковъ жалованья отъ Петра I: въ сіе званіе пожалованъ онъ указомъ, подписаннымъ въ Карлсбадѣ 1 Ноября 1712 года. Такъ-какъ, можетъ быть, немногимъ и изъ Русскихъ указъ сей извѣстенъ, то я его сообщаю вамъ вполнѣ: «Мы, Петръ первый, «Царь и Самодержецъ Всероссійскій, и пр. и пр. «и пр. Изобрѣли мы за благо всемилостивѣйше Кур«фирштскаго и Княжаго Брауншвигъ-Люнебургскаго «Тайнаго Юстицъ-рата Годфрида Вильгельма фонъ «Лейбница, за его намъ выхваленныя, и отъ насъ «изобрѣтенныя, изрядныя достоинства и искусства, «такожде въ Наши Тайные Юстиц-раты опредѣлить «и учредить: чтобы и онъ, понеже Мы (такожде) из«вѣстны, что онъ ко умноженію математическихъ и «иныхъ искусствъ, къ произыскиванію гисторіи и къ «приращенію наукъ много вспомощи можетъ, и его ко «имѣещему Нашему намѣренію, что науки и искусства «въ Нашемъ Государствѣ въ вящей свѣтъ произошли, «употребить, и Мы для вышеупомянутаго его чина «нашего Тайнаго Юстиц-рата годовое жалованье по «тысячѣ ефимковъ ему опредѣлить изволимъ, которые «отъ Насъ ежегодно исправно заплачены быть имѣютъ. «И къ сему Мы надлежащій указъ дать изволимъ; а «его служба начинается съ нижеписаннаго числа. Въ «увѣреніе того сіе за Нашимъ собственнымъ руко-

«писаніемъ и собственныя Нашея печати дано въ Карлс-«бадѣ Ноября въ первый день 1712 года.» Подписано Государевою рукою:

«Петръ.»

Эрдманъ сносился съ Гурауеромъ, издателемъ неизвѣстныхъ сочиненій Лейбница, о нѣкоторыхъ письмахъ и проектахъ сего философа, увезенныхъ маршаломъ *Мортье* изъ Брауншвейга; но все еще недостаточно объяснено, которыя изъ нихъ извѣстны публикѣ. Отъ Эрдмана пошелъ я къ Толуку, гдѣ уже нашелъ и *Лео*. Мы разговаривали о богословахъ нашего времени, объ историкахъ, и пр. Въ 10½ я былъ уже въ трактирѣ. Лео проводилъ меня. Въ 11, въ темную ночь, выѣхалъ я въ Веймаръ; въ семь часовъ утра, $\frac{\text{23 Июля,}}{\text{4 Августа,}}$ я былъ уже въ Экартсбергѣ, а въ 11, въ Веймарѣ. Я остановился опять zum Erbprinzen; освѣдомился о Великой Княгинѣ: она еще въ Вильгельмсталѣ; 5-го къ вечеру пріѣдетъ въ *Бельведеръ* — и я рѣшился ожидать ее здѣсь. За столомъ сошелся опять съ *Липманомъ*. Онъ живетъ здѣсь уже другой мѣсяцъ и, въ исполненіе обязанности своей, готовитъ донесеніе нашему Министру Просвѣщенія о томъ, что замѣтилъ новаго и примѣчательнаго по ученой и учебной части въ Германіи. Я осмотрѣлъ новыя комнаты дворца, изъ коихъ одна посвящена Виланду, другая Гердеру, третья Шиллеру, четвертая Гете. Виландъ и Шиллеръ въ своихъ главныхъ произведеніяхъ уже изображены живописцемъ: онъ

взялъ для сего сцены трагедій и балладъ Шиллера и поэмъ Виланда. Гердеръ и Гете еще не кончены (въ Минхенѣ то же, но въ большемъ размѣрѣ). Послѣ обѣда обходилъ паркъ, и былъ у домика Гете: онъ былъ запертъ, и все пусто вокругъ него: однѣ розы благоухали безсмертіемъ... Ввечеру пилъ чай у Липмана и бесѣдовалъ съ нимъ о Россіи, о Жуковскомъ, о поэзіи... На другой день, $\frac{\text{25 Іюля,}}{\text{6 Августа,}}$ въ 4 часа утра, отправился въ *Іену* (2½ мили отсюда); проѣхалъ театръ бѣдственныхъ событій для Пруссіи въ 1806 году, находившейся подъ игомъ Наполеона *семь лѣтъ* (какъ нѣкогда столько же въ борьбѣ съ полъ-Европою)! Вдали указываютъ на бивуакъ Наполеона, съ 13-го на 14-е Октября, при *Ландграфенбергѣ*. Прусаки, какъ говорятъ, были побѣждены прежде сраженія: планъ *Гогенлоге* отвергнутъ; главнокомандующій, герцогъ Брауншвейгскій, прострѣленъ въ глаза — и возникъ раздоръ между генералами. Деревенька *Ауерштетъ*, неподалеку отъ Іены, дала имя *Давусту*; но я не въ станѣ воинскомъ, а въ тихомъ, древнѣйшемъ убѣжищѣ музъ Протестантскихъ! Университетъ учрежденъ въ 1558 году — первый Протестантскій. Сначала въ грамотѣ Императора Фердинанда I-го не дозволено было Университету производить въ *богословскія* ученыя степени; но одинъ изъ медиковъ здѣшнихъ вылечилъ другаго Императора — и право поставлять въ доктора богословія даровано факультету Іенайскому. Въ XVII-мъ столѣтіи *Іена* была Нѣмецкою Болоніей; число студентовъ доходи-

ло до 5000, нынѣ—нѣтъ и 500! Уже въ мое *Гетингенское* время процвѣтала она Кантовою философіею —и *Рейнгольдомъ.* Перемѣщеніе его въ Киль было чувствительно для Іенскаго Университета *. Іенайскія *ученыя вѣдомости* — при послѣднемъ издыханіи; скоро ихъ изданіе прекратится; давно уже, какъ сказывалъ мнѣ молодой профессоръ *Луденъ*, сынъ историка, здѣшніе профессоры не участвуютъ въ сихъ вѣдомостяхъ, и печатаютъ статьи свои и критики въ *Берлинскихъ литературныхъ лѣтописяхъ* и въ другихъ періодическихъ сочиненіяхъ. Издатель Іенайскихъ недостаточно платитъ имъ за статьи журнальныя. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ для каждой науки, для каждой отрасли человѣческихъ знаній, завелись особливые журналы: теологическіе, философическіе, историческіе, камеральные, юридическіе, съ разными подраздѣленіями сихъ главныхъ отраслей, съ тѣхъ поръ универсальныя вѣдомости, каковы напр. Іенайскія, Гальскія, Гетингенскія, Гейдельбергскія, и пр. начали упадать; ибо каждый факультетскій ученый, каждый читатель предпочитаетъ *спеціальные* журналы. Криминалистъ подписывается на Митермайера, богословъ на Толука, медикъ на Гуфеланда, и пр. и пр. Журналы общіе, всѣ части науки и литерату-

* Здѣсь *Шиллеръ* былъ профессоромъ исторіи, и переписывался съ Вильгельмомъ Гумбольдомъ и Гете, и читалъ прекрасную, первую —и, кажется, во всѣхъ отношеніяхъ, *единственную* лекцію о *Всемірной Исторіи* (Was heisst und zu welchem Ende studirt man Universal-Geschuhte?). Здѣсь еще и теперь живетъ біографъ и издательница писемъ его, г-жа *Фольцогенъ.*

ры объемлющіе, имѣли и теперь еще имѣютъ большія преимущества: они приносили пользу тѣмъ, что *специальный* ученый имѣлъ случай, для пользы своей частной науки (онѣ всѣ въ связи и отрасли однаго древа), заглядывать и въ другія области, замѣчать важнѣйшія и знакомиться съ тѣмъ, что для него полезно и часто необходимо въ произведеніяхъ другихъ отраслей: такъ медикъ изъ философскаго факультета выбиралъ лучшія психологическія книги; юристъ—историческія, и т. п.. Іенайскія, Гальскія, Гетингенскія вѣдомости достаточно удовлетворяли сей потребности. Теперь ученый едва имѣетъ время обозрѣть явленія своего отдѣльнаго вѣдомства, журналы, по его особенной части выходящіе, и не заглядываетъ въ энциклопедическіе журналы. Въ *Іенѣ* издается и Архенгольцова *Минерва*, столь давно намъ извѣстная, особливо въ Россіи, гдѣ она была нѣкогда почти единственнымъ запасомъ политическихъ статей для нашихъ издателей газетъ и журналистовъ; но издатель Минервы не совсѣмъ вѣренъ ей, и на его содержаніи—или его содержитъ—и другая газета, коею онъ, какъ молодой супругой, кажется, болѣе занимается. Къ характеристикѣ Іенайскаго Университета принадлежитъ и образъ жизни и академическія привычки студентовъ, между коими было прежде болѣе, такъ называемыхъ, *реномистовъ*, нежели теперь. Они преимущественно дрались на шпагахъ, но впрочемъ безъ большаго кровопролитія: болѣе шума, гласности, нежели дѣла. Они давно уже присми-

рѣли; а между-тѣмъ, послѣ обѣда, увидѣлъ я въ разныхъ мѣстахъ площади кучки студентовъ за журналомъ, или за стаканомъ легкаго *бѣлаго пива*—другіе ратоборствовали на рапирахъ, мирно, безъ всякаго задора, смѣняясь другъ съ другомъ. Многіе изъ ратоборцевъ на площади были въ шлафрокахъ, разноцвѣтныхъ, пестрыхъ. Жители привыкли къ симъ явленіямъ и прислушались къ невинному шуму безкровныхъ оружій и сшибокъ. На проѣзжающаго странная одежда, бородки, рапиры — всѣ сіи особенности Іенайскаго студента, конечно сначала произведутъ невыгодныя для Академіи впечатлѣнія. Но здѣсь все это *въ порядкѣ вещей*—безъ сомнѣнія не совсѣмъ безъ неудобствъ для академической тихой жизни — но не мѣшаетъ полному и свободному развитію юношескихъ способностей, не мѣшаетъ талантамъ созрѣвать, трудолюбію слушать и записывать лекціи и дополнять ихъ чтеніемъ въ библіотекѣ и ночнымъ бдѣніемъ. Юность выкипаетъ — жаръ души и свѣтъ ума и привычки труда остаются на всю жизнь; дружба въ молодости, спасительная для сердца, оживляетъ его и въ старости — и кто изъ насъ-студентовъ равнодушно встрѣчалъ университетскаго товарища — *и взора* грустнаго *назадъ не обращалъ*!.. Гетингенъ, Гетингенъ! ты еще и теперь жизнь моего *отжившаго* сердца; ты еще и теперь раздѣляешь господство надъ нимъ съ Симбирскомъ и Волгою...

Я купилъ и здѣсь, какъ въ Берлинѣ и Гале, каталогъ лекцій; отмѣтилъ профессоровъ, коихъ желалъ слышать, и въ 7 часовъ утра былъ уже на лекціи *Гюэта* (Gueyt), преподающаго *пандекты*; но зашелъ къ нему ошибкою, ибо намѣревался слушать *Германское и Феодальное право* у *Ортлофа*, по книгамъ мнѣ извѣстнаго. Отъ 8 до 9 слушалъ молодаго профессора *Гримма*, объясняющаго четырехъ Евангелистовъ; отъ 9 до 10 знаменитаго богослова *Баумгартена-Крузіуса*, коего удалось мнѣ слышать одинъ разъ, въ проѣздъ мой черезъ Іену, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Онъ читаетъ догматическое богословіе съ какою-то особенною важностію, ясно и, въ отношеніи къ своей богословской системѣ, удовлетворительно. Онъ извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ. Онъ объяснялъ — *вознесеніе Христово* (ссылаяся на *Грисбаха*), значеніе выраженія «*одесную Бога сѣдящаго*», въ смыслѣ владычества надъ міромъ; началъ третью часть своей *Христологіи* — о Св. Духѣ. Я все записалъ. Хотѣлъ слушать еще многихъ, но зашелъ къ *Людену* — и, вмѣсто историка-отца, попалъ къ юристу-сыну, заговорился съ нимъ о Іенайскомъ Университетѣ и о Германской ученой дѣятельности вообще. Сынъ читаетъ юридическія лекціи, а отецъ *Исторію Германіи*, которой издалъ уже семь или восемь томовъ, но не дошелъ въ нихъ даже и до реформаціи! Сынъ безпристрастно судилъ книгу отца и желалъ, чтобы я и съ нимъ познакомился. Я уже слыхалъ его лекціи, но воспользовался предложеніемъ сы-

на и нашелъ старика *Людена*, диктующаго секретарю своему. Глаза его слабы, но онъ еще трудится, хотя уже и не продолжаетъ *Нѣмецкой Исторіи*. Мы проговорили около часа, такъ-что я не попалъ уже ни на одну лекцію до обѣда! Не жалѣю: Люденъ былъ для меня любопытнымъ явленіемъ, и я жалѣю только, что не навелъ разговора на происшествіе, бѣдственное для Германіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ едва ли и не для всей Европы, происшествіе, къ которому особенный случай сдѣлалъ и его прикосновеннымъ. Я хочу говорить объ убійствѣ *Коцебу Зандомъ*... Вы помните, что Коцебу далъ одному здѣшнему писцу *Коху*, довольно безграмотному, переписать какія-то бумаги. Кохъ, не разобравъ его рукописи, показалъ нѣкоторыя мѣста *Линдлю*, жившему съ нимъ въ одномъ домѣ. Замѣтивъ, что въ бумагахъ Коцебу много важнаго, Линдль удержалъ ихъ, подъ предлогомъ лучшаго прочтенія мѣстъ, неразобранныхъ Кохомъ, списалъ ихъ и передалъ *Людену*, который тогда издавалъ *Немезиду*. Люденъ напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ. *Зандъ* прочелъ ихъ въ *Немезидѣ*; голова его загорѣлась — и въ Мангеймѣ, гдѣ совершилось злодѣяніе, вы видите двѣ могилы: изступленнаго и жертвы его. Сіи подробности раскazывалъ самъ Люденъ моему пріятелю. Я помню это время, ибо читалъ *Немезиду* и всѣ статьи журналовъ о семъ происшествіи. *Виландъ*, сынъ поэта, издавалъ въ тоже время Oppositions-blatt. Во всей Германіи, въ Европѣ отозвалось это происшествіе. И все произошло отъ

одной необдуманной брошюры, напечатанной въ Ахенѣ, во время конгресса.

Я просидѣлъ у Людена до самаго обѣда, послѣ коего уже не могъ собраться на его лекцію и возвратился въ Веймаръ; провелъ вечеръ у гр. Фредро, бродилъ въ здѣшнемъ паркѣ, читалъ на скамьѣ, подходилъ не разъ къ домику Гете, гдѣ все было такъ тихо и уединенно... взошла луна...

Веймаръ, $\frac{\text{26 Іюля.}}{\text{7 Августа.}}$ Великая Княгиня пріѣхала вчера прямо въ Бельведеръ, за полчаса отсюда, въ 9 часовъ вечера, и сегодня въ 8 час. утра пригласила меня къ себѣ туда къ обѣду. Священникъ нашъ далъ мнѣ знать, что она будетъ служить благодарственный молебенъ въ Русской церкви, и что я могу туда явиться ровно въ 11½ ч. Великая Княгиня пріѣхала туда съ Прусской принцессой, Августой, младшей своей дочерью. Въ церкви были только онѣ и семейство нашего священника. Послѣ молебна съ колѣнопреклоненіемъ, за счастливое совершеніе путешествія и пребыванія въ Вильгельмсталѣ, Великая Княгиня, сказавъ слова два священнику, и освѣдомившись объ одномъ изъ пѣвчихъ, не пришедшемъ за нездоровьемъ, подошла ко мнѣ, распросила о моихъ странствіяхъ, послѣ нашего свиданія въ Кисингенѣ, о новостяхъ Европейской литературы и о моихъ новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ, представила меня своей дочери и пригласила опять на обѣдъ и на вечеръ, т. е. на

весь день въ *Бельведеръ*. Принцесса давно знаетъ меня и угощала меня въ своей прелестной виллѣ, въ пескахъ Потсдамскихъ. Она благодарила меня за присылку ей двухъ книгъ г-жи Павловой, хвалила ихъ, распрашивала объ авторѣ-переводчицѣ, и отложила дальнѣйшій разговоръ до Бельведера. Онѣ отправились пѣшкомъ во дворецъ принимать пріѣхавшую вчера же графиню Эделингъ, урожденную Стурдзу, мою сосѣдку въ трактирѣ: она также съ нами обѣдаетъ и вечеряетъ. Я радъ ея пріѣзду: одна изъ умнѣйшихъ женщинъ въ Европѣ, другъ Св...ной, и недавно гостила у нея въ Парижѣ. Уже четверть вѣка, какъ мы не встрѣчались! Она вѣроятно привезла мнѣ вѣсточку и о Жуковскомъ, ибо была недавно въ Эмсѣ. До молебна я осматривалъ здѣшній государственный архивъ. Много рѣдкаго, историческаго; древнѣйшая рукопись 763 года, разумѣется, на пергаменѣ: это *даровая запись* (Schenkung) монастырю *Пипина-малаго*, Маіора-Дома. Она принадлежитъ не къ здѣшнему собранію дипломовъ, но куплена бывшимъ герцогомъ со многими другими для преподаванія въ *Іенѣ Дипломатики*. Древнѣйшій отечественный документъ, Vaterländische Urkunde, 944 года: король *Оттонъ* 1 даритъ вассалу своему Бклингу дачу, помѣстье. Къ записи привѣшена тяжелая восковая печать; подпись или монограмъ Оттона представляетъ двѣ буквы *O*, изъ коихъ одна вверху строки, другая внизу, а по бокамъ ихъ, съ обѣихъ сторонъ, находятся буквы *T*, изъ чего и выходитъ *Otto*. Архиваріусъ показалъ намъ ори-

гинальныя рукописи главнѣйшихъ Евангелическихъ реформаторовъ: связку писемъ Лютера большею частію къ тогдашнимъ князьямъ и владѣтелямъ Германіи. Первое изъ сихъ писемъ 1523 года, послѣднее 1545, слѣдовательно года за два до его кончины (1547). Рука твердая, какъ его характеръ. Лютеръ живалъ въ Веймарѣ, и память его сохранилась еще въ имени одной улицы, гдѣ было его жилище, *Lutters-Gasse.* Богословъ *Dewette*, что нынѣ въ Базелѣ, пользовался симъ собраніемъ писемъ Лютера; *Mignet*, незнающій по-Нѣмецки, выписалъ, чрезъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, списокъ съ оныхъ; но что онъ съ ними сдѣлаетъ? обогатится ли симъ сокровищемъ его Исторія Реформаціи? Почеркъ Лютера ясный; но какой сотрудникъ Минье разберетъ старинныя Нѣмецкія рукописи! Другая, хотя и не столь толстая, связка писемъ *Филиппа Меланхтона* также къ князьямъ Нѣмецкимъ того времени. Имена другихъ реформаторовъ, коихъ письма здѣсь: *Major*, *Menius*, *Amsdorff*, *Spalatia*, *Iustus Ionas.* Сколько еще сокровищъ для Нѣмецкой Исторіи! Едва не стало Лютера, какъ Смалькальдская война загорѣлась, и сто лѣтъ лилась кровь надъ его пепломъ! Другая любопытная связка въ здѣшнемъ архивѣ состоитъ изъ переписки героевъ тридцатилѣтней войны: Фридриха Ульриха, Георга Брауншвейскаго, герцога Лауенбургскаго; убійцы, какъ полагаютъ, Густава Адольфа, фельдмаршала Густава Горна. Въ числѣ сихъ писемъ есть и Французскія, на пр. Фридриха Вильгельма Кассель-

скаго; одно писано изъ Парижа о тогдашнихъ происшествіяхъ. Этотъ корреспондентъ подписался: votre très humble serviteur, «que cognoissez.» Тутъ же письма герцога Бернгарда, канцлера Оксенштирна. Шиллеру были извѣстны сіи бумаги, но прекрасную свою исторію тридцатилѣтней войны черпалъ онъ не изъ неизвѣстныхъ документовъ; только изъ одной здѣшней рукописи заимствовалъ онъ кровавую сцену въ *Валенштейнѣ*. Мы видѣли также переписку Максимиліана I съ Фридрихомъ *Мудрымъ,* курфирстомъ Саксонскимъ. *Ранке*, для своей Исторіи Реформаціи, коей, недавно вышли двѣ первыя части, не пользовался ею. Въ предисловіи къ ней онъ благодаритъ начальство здѣшнихъ архивовъ, особливо *общаго* архива, т. е. Веймарскаго и Готскаго (Саксонскаго дома, Эрнестиновой линіи) за свободный доступъ къ его сокровищамъ. Онъ былъ здѣсь въ 1837 г., и увѣряетъ, что для той эпохи въ исторіи реформаціи, въ которую Саксонскій домъ игралъ столь блистательную роль, нѣтъ богатѣе архива, какъ здѣшній. Ранке въ пророческомъ предчувствіи заключаетъ предисловіе своей исторіи словами, которыя желалъ бы я произнести во услышаніе всѣхъ архиваріусовъ *нашего времени*, но старинныхъ правилъ придерживающихся, отъ Колпашнаго переулка до Липовой Алеи. «Ich sehe die Zeit kommen», говоритъ историкъ папства и реформаціи, «wo wir die neuere Geschichte nicht mehr auf die Berichte selbst der gleichzeitigen Historicker, ausser in so weit Ihnen eine originale Kenntniss bei-

wohnte, geschweige dann auf die weiter abgeleitèten Bearbeitungen, zu gründen haben, sondern aus den Relationen der Augenzeugen und den ächtesten, unmittelbarsten Urkunden aufbauen werden» («Я вижу, что настаетъ время» говоритъ историкъ папства и реформаціи, «когда мы перестанемъ основывать новую исторію и на повѣствованіяхъ современныхъ писателей — развѣ они представятъ намъ оригинальное знаніе — не только-что на сочиненіяхъ, еще болѣе отходящихъ отъ этой цѣли, но будемъ созидать ее на сказаніяхъ очевидцевъ и на истинныхъ, непосредственныхъ свидѣтельствахъ»). Утѣшительно было для меня читать то, что *Ранке* говоритъ о нашихъ общихъ занятіяхъ, о занятіяхъ тѣхъ, коихъ нѣкогда заклеймили названіемъ *архивскихъ крысъ*. «Man bedaure den nicht, der sich mit diesen anscheinend trocknen Studien beschäftigt, und darüber den Genuss manches heiteren Tages versäumt. Es ist wahr, es sind todte Papiere, aber sie sind ein Residuum des Lebens, dessen Anschauung dem Geiste nach und nach aus ihnen emporsteigt» («Не сожалѣйте о томъ, кто занимается этимъ, по наружности, сухимъ изученіемъ, и отъ того лишаетъ себя наслажденія многихъ свѣтлыхъ дней. Правда, эти бумаги мертвы, но въ нихъ — Residuum жизни, которой образъ мало по малу возникаетъ изъ нихъ»). И я находилъ новую жизнь въ этихъ подвалахъ смерти, «in diesen Grabgewölben der Zeit» (въ этихъ гробовыхъ сводахъ времени), и тѣмъ болѣе наслаж-

дался, что, углубляясь въ область прошедшаго, я могъ забывать *свое время*, «weil ich darüber», какъ говаривалъ Мюллеръ при Наполеонѣ, «meine Zeit meist vergessen konnte» («Это заставляло меня забывать большую часть моего собственнаго времени»). Тѣни Петра, Екатерины и ихъ колоссальныхъ сподвижниковъ рисовались предо мною. Происшествія двухъ эпохъ нашей и Европейской исторіи могъ я изслѣдовать въ самомъ ихъ зародышѣ, планы политическіе и воинскіе въ первоначальныхъ ихъ начертаніяхъ, и указывать на истинныхъ виновниковъ новыхъ судебъ цѣлой части свѣта. *Легитимисты* Франціи не въ-правѣ винить Екатерины за равнодушіе къ судьбѣ Бурбоновъ. Словомъ и дѣломъ, совѣтами и войсками — шла она на помощь ихъ; но словъ они не послушались, войска пришли бы поздно для ихъ спасенія. Долго ли сіи новые патенты на безсмертіе, сіи оправдательные документы въ процессѣ, еще неконченномъ, будутъ оставаться подъ спудомъ для обвиняемыхъ? Какая же надежда для слабыхъ, для безгласныхъ, и прежде-нежели смерть положитъ храненіе устамъ ихъ?

Изъ архива зашелъ я опять къ нашему священнику и снова разсматривалъ его небольшую, но избранную библіотеку. Я сообщу о нѣкоторыхъ книгахъ, кои, по мнѣнію его, были бы очень полезны нашимъ духовнымъ академіямъ, особливо по части Еврейскихъ и Христіанскихъ древностей. Священникъ

Сабинин съ ученостію обширною и глубокою соединяетъ истинное христіанское православіе; пишетъ на Русскомъ о предметахъ высшаго богословія; знаетъ Еврейскій языкъ и словесность превосходно; слѣдитъ за всѣми новыми явленіями въ церковной и богословской литературѣ; труды Гезеніуса и другихъ новѣйшихъ гебраистовъ ему извѣстны; тексты переводитъ онъ съ оригинала, и пользуется лучшими, новѣйшими и старыми коментаторами; отбрасывая лжемудріе, онъ избираетъ чистыя толкованія Св. Писанія; предпочитаетъ Неандеровъ Штраусамъ. Онъ читалъ мнѣ прекрасное предисловіе къ переводу *Іова*, исполненное духа благочестія и глубокаго знанія библейскихъ древностей. Онъ уже въ Копенгагенѣ занимался церковною и духовною литературою, и особенно Еврейскою. Статьи его, хотя не всегда въ полномъ видѣ, помѣщаются въ «*Христіанскомъ Чтеніи*», издаваемомъ нашею С. П. Б. Академіею (о состояніи Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ, объясненіе пророчества Ноева о будущей судьбѣ потомства его, и пр. и пр.). Въ Копенгагенѣ имѣлъ онъ удобный случай познакомиться съ Исландскими Сагами и написалъ объ нихъ нѣсколько разсужденій. Въ Москвѣ, при мнѣ, получена была любопытная статья его о нашей древней исторіи, въ Историческомъ Обществѣ, коего онъ сдѣланъ корреспондентомъ; и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія печатались статьи его; напр: 1837 г., «о происхожденіи наименованій Бояринъ и Болярипъ». Но любимая часть его—библейская

филологія. *Павскій* былъ нѣкогда его учителемъ, и едва ли не одинъ могъ бы быть совмѣстникомъ его на каѳедру Еврейскихъ древностей въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. *Стефанъ Сабининъ* дѣлаетъ честь нашему духовенству и въ ученой Германіи — просвѣщеніемъ, благочестіемъ, ученостію своею и какою-то благородною людскостію въ обхожденіи. Супруга его также очень образованная и умная женщина; девятеро дѣтей цвѣтутъ и радуютъ ихъ. Старшій сынъ издалъ уже на Нѣмецкомъ первую часть повѣстей *Пушкина*, въ 1840, съ небольшою біографіею поэта и съ письмомъ Жуковскаго о послѣднихъ минутахъ его. Это Русское милое семейство съ жадностію бросилось на мои Русскія новинки въ литературѣ. Ахъ! намъ, на чужбинѣ—«и смрадъ отечества пріятенъ». Но я привезъ и дѣльную, патріотическую «*оборону Русскихъ лѣтописей*,» Буткова, и подарилъ ему статью того же автора о Шафарикѣ.

Въ 2½ часа отправился я въ *Бельведеръ*, куда приглашена была и наша соотечественница, графиня Эделингъ, урожденная Стурдза. Я тутъ возобновилъ знакомство съ Іенайскимъ кураторомъ университета. Скоро прибыла Великая Княгиня съ дочерью, Прусскою Принцессою, и съ дѣтьми ея, своими внучатами. Я удостоился сидѣть за обѣдомъ подлѣ послѣдней, и разговоръ нашъ не прерывался. Мы перебрали Нѣмецкую и Французскую литературу, Гумбольда, Берлинскихъ профессоровъ, и пр. Я привезъ

ей *Жубера*, а Великой Княгинѣ рукопись о Россіи... Послѣ обѣда гостей развели по комнатамъ; я началъ читать книгу, коею на всякой случай запасся; но скоро бросилъ ее, и пошелъ бродить въ паркѣ Бельведера и любоваться прекрасными видами на Веймаръ, въ пріютной и живописной долинѣ покоющійся. Глаза наслаждались; воображеніе оживилось воспоминаніями о корифеяхъ Нѣмецкой словесности, кои подъ симъ же горизонтомъ, въ сихъ же кущахъ были славою вѣка, Германіи и Аѳинъ ея. И памятники, и бесѣдки, и кора деревьевъ, и журчаніе рѣчки («Klein bist du», и пр. «ты *мала*, но *журчишь не одну безсмертную пѣснь*!» marhes unsterblihes Lied.) — все здѣсь переноситъ васъ къ Виланду, Гердеру, Шиллеру, Гете и Гете — коего опустѣлый домикъ обвитъ плющемъ и розами. Они напоминаютъ страннику его же стихи:

«Morgen wird der Wandrer kommen
«Und wird, und wird — mich nicht finden...

(Завтра придетъ странникъ — и не найдетъ меня.)

7 часовъ пробило, и насъ пригласили къ чаю въ бесѣдку; тамъ снова разговоръ оживился. Графиня Эделингъ видѣла недавно, въ Парижѣ и въ Эмсѣ, Жуковскаго, Рекамье — эту Европейскую знаменитую красавицу, еще милую, цвѣтущую душою и сердцемъ, и умомъ блестящимъ и образованнымъ, освѣ-

жаемымъ всѣми приливами Европейскаго общества. Рекамье проводилъ въ Эмсъ *Амперъ*, но черезъ два часа возвратился въ Парижъ. Вѣрный Баланшъ не могъ, за болѣзнію, быть снова ея спутникомъ въ чуждой ей Германіи. Она была бы въ Эмсѣ въ совершенномъ одиночествѣ, если бы маркизъ Кюстинъ, авторъ романовъ и писемъ о Гишпаніи, не остался при ней. Полетѣлъ бы къ ней! Если узнаю, что она еще въ Эмсѣ, можетъ быть, заверну туда и прежде Киссингена! Я забылъ сказать, что послѣ обѣда я проводилъ графиню Эделингъ въ ея комнаты, и мы долго болтали о Парижскихъ нашихъ знакомыхъ: о С***ной, Циркуръ, Рекамье, и другихъ многихъ. Графиня Эделингъ узнала Парижъ, какъ не многіе и долго тамъ живущіе знаютъ его. Она описываетъ его безпристрастно: въ расказахъ ея много новаго и для меня, на пр: общество изъ молодыхъ людей, до 1200 простирающееся, подъ названіемъ братства de Sent-Vincent de Paul, коего цѣлію бѣдные и больные и лишенные духовной помощи на одрѣ смертномъ. Мои знакомые, братья Melun, корифеями сего христолюбиваго братства милосердія.

Послѣ чаю въ бесѣдкѣ Великая Княгиня пригласила насъ гулять въ паркѣ; мы спустились по дорогѣ къ Веймару, и скоро возвратились въ замокъ, гдѣ снова началась бесѣда въ салонѣ; потомъ ужинъ — и послѣ 10-ти часовъ мы разъѣхались въ Веймаръ, съ

приглашеніемъ опять возвратиться сюда завтра на весь день.

1840, $\frac{\text{Іюля 27.}}{\text{Августа 8.}}$ Утро. Вчера же осмотрѣлъ я и здѣшнюю библіотеку, гдѣ нѣкогда часто встрѣчалъ здѣшнихъ ученыхъ и литераторовъ. Главная зала уставлена бюстами и портретами: Герцоговъ, отца и дѣда нынѣшняго, Гердера, Шиллера, Виланда и Гете. Два колоссальные бюста Гете и Шиллера по сторонамъ портрета, въ ростъ, ихъ друга-Герцога, который велѣлъ похоронить себя посреди ихъ. Подъ бюстомъ Гете стихи Шиллера, подъ Шиллеромъ — Гете; вотъ первые:

«Selig, welchen die Götter, die gnädigen, vor der «Geburt schon
Liebten, welchen als Kind Venus im Arme gewiegt,
Welchem Phöbus die Augen, die Lippen Hermes gelöset,
Und das Siegel der Macht Zeus auf die «Stirne gedrükt».

Schiller.

(«Блаженъ, кого боги благіе любили еще до рожденья; кого младенцемъ укачивала на рукахъ Венера; кому Фебъ открылъ глаза, Эрмій—уста, а Зевесъ положилъ на чело печать могущества.»)

Шиллеръ.

Или, какъ сказалъ Жуковскій:

«Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ;
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца.»

Подъ бюстомъ Шиллера:

«Denn er war unser, mag das stolze Wort
«Den lauten Schmerz gewaltig übertönen,
«Er mogte sich bei Uns, im sicherm Port
«Nach wildem Sturm zum dauernden gewöhnen,
«Indessen schritt seiu Geist gewaltig fort,
«Ins ewige des wahren, guten, Schönen,
«Uud hinter Ihm in wesenlosem Scheine
«Lag was uns alle bändigt—das Gemeine.»

Göthe.

(«Онъ былъ нашъ — да раздадутся эти гордыя слова громче, гораздо громче нашей громкой печали! Онъ могъ, у насъ, какъ въ вѣрной пристани, послѣ неукротимой бури, пріучаться къ прочному; между тѣмъ, какъ духъ его съ могучею силою стремился впередъ, въ безконечность истиннаго, добраго, прекраснаго, а за нимъ, въ безжизненномъ свѣтѣ, лежала обыкновенность, тяготѣющая надъ нами.»)

Гете.

Я не нашелъ много новаго въ библіотекѣ. Увѣряютъ, что прежде казна отпускала гораздо болѣе на обогащеніе оной новѣйшими произведеніями Европейской литературы. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ канцлеръ Мюллеръ показывалъ мнѣ цѣлыя тетради писемъ Гердера, Гете, и пр., изъ Италіи. Герцогъ поручилъ ему разобрать оныя и приготовить къ печати: съ тѣхъ поръ письма сіи, коихъ Германія съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, все еще не изданы Мюллеромъ. Письма Гете къ Герцогинѣ и къ Герцогу кратки, но благоухаютъ Италіей и напоминаютъ его прелестныя четверостишія. Гердеръ подробнѣе въ описаніяхъ; его письма, помнится, длиннѣе. Здѣсь негодуютъ на Мюллера за то, что онъ такъ долго лишаетъ современниковъ сей общей, Германской собственности. Сейчасъ написалъ нѣсколько строкъ къ Жуковскому, въ Дармштатъ, адресовавъ ошибкою во Франкфуртъ на Майнѣ. Спрашиваю его о Вяземскомъ, и проч. Сейчасъ корреспондентъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Липманъ, прочелъ мнѣ свое донесеніе Министру о Real und Normal-Schulen въ Германіи и о новыхъ примѣчательныхъ книгахъ въ Нѣмецкой ученой словесности. Вѣроятно, вы прочтете сей рапортъ умнаго педагога въ журналѣ Народнаго Просвѣщенія. Сабининъ принесъ мнѣ свои «Письма въ Конференцію С. П. Б. Духовной Академіи, написанныя изъ Копенгагена.»

28 Іюля. / 9 Августа. *Воскресенье, утро.* Вчера, осмотрѣвъ Музей, гдѣ есть прекрасные картоны и эскизы славныхъ мастеровъ, нѣсколько замѣчательныхъ картинъ, я зашелъ и въ кабинетъ чтенія, гдѣ можно читать множество Нѣмецкихъ и иностранныхъ журналовъ, и гдѣ книгопродавцы выкладываютъ на нѣсколько дней все, что получаютъ новаго. Оттуда отправился пѣшкомъ, съ книгою, въ Бельведеръ; останавливался два раза подъ тѣнистыми деревьями алеи читать *замѣчанія на Пентархію*, и менѣе, нежели въ часъ, былъ уже въ паркѣ Бельведерскомъ. Зашелъ съ визитомъ къ графинѣ Фричь, здѣшней гофдамѣ, и къ Прусской фрейлинѣ или гофдамѣ, ибо въ Пруссіи фрейлинъ нѣтъ. Къ обѣду явились: нашъ Липманъ, священникъ Фрорипъ, зять географа Бертуха, извѣстный ученою своею дѣятельностію... графиня Эделингъ и — Дворъ. Я успѣлъ написать два слова къ Жуковскому съ проѣзжавшимъ мимо фельдъегеремъ. Послѣ обѣда опять роздыхъ—я продолжалъ читать: «Glossen zu der Schrift: die Europäische Pintarchie, v. Giehne»—и въ 7 часовъ опять чай, опять прогулка въ саду, опять живой разговоръ въ салонѣ—и за ужиномъ Великая Княгиня расказывала намъ много любопытнаго о пребываніи своемъ въ Вѣнѣ во время конгресса. Я возвратился съ графинею Эделингъ, моею сосѣдкою. Мы условились сегодня, въ воскресенье, итти въ 10-мъ часу слушать Веймарскаго суперинтендента *Рера*, который недавно прославился полемикою своею по случаю торжества въ память реформаціи и Гутенберга. Здѣсь еще есть слѣды

прежняго, взаимнаго ожесточенія двухъ Христіанскихъ исповѣданій. Въ церковномъ богослуженіи католиковъ или лучше, въ нѣкоторыхъ несущественныхъ обрядахъ онаго, сдѣланы ограниченія. Прѣнія ратоборцевъ 30-лѣтней войны тлѣютъ въ подвалахъ архивскихъ: могила и Вестфальскій миръ ихъ успокоили. Когда же примирятся проповѣдники Евангелія?

29 Іюля / 10 Августа. Вчера, позавтракавъ два раза, дома и у графини Эделингъ, я отправился слушать Рера. Проповѣдь умная, но сухая. Онъ коснулся слегка и предмета прѣній между Ботенемъ и его епархіальнымъ епископомъ въ Страсбургѣ. Въ церкви была и Принцесса Прусская и наслѣдный Принцъ здѣшній, возвратившійся изъ Дармштата и Эмса. Изъ протестантской прошелъ въ Русскую церковь, гдѣ уже нашелъ Великую Княгиню, съ ея гофдамой, съ Русскими каммермедхенами и съ многочисленнымъ семействомъ священника. Потомъ пріѣхали и Принцъ наслѣдный съ сестрою. Я опять отправился въ Бельведеръ съ Липманомъ къ обѣду, на который приглашены были нѣкоторыя знаменитости—honoratiores—Веймара, Французскій повѣренный въ дѣлахъ, Ларошфуко (братъ принцессы Боргезе). Экипажи Императрицы уже пріѣзжаютъ: Ея Величество ожидаютъ сегодня ввечеру, или завтра поутру, если останется почевать въ Эрфуртѣ. Послѣ обѣда я заѣхалъ къ графу Фредро: онъ съ семействомъ живетъ уже здѣсь три года

подъ крыломъ державной хозяйки. Въ послѣдній пріѣздъ Государя, онъ вдругъ онѣмѣлъ, и теперь еще едва кой-какія полу-слова намекнуть можетъ. Дѣти, сыновья, утѣшаютъ его: оба воспитаны очень хорошо. Старшаго пенсіонируетъ Государь: онъ живописецъ и поѣдетъ въ Римъ совершенствоваться въ искуствѣ своемъ. Въ 6½ опять у Великой Княгини; но уже въ здѣшнемъ паркѣ, гдѣ пили чай, играли въ карты, въ павильонѣ. Къ вечерней бесѣдѣ приглашены были новыя лица. Къ ужину уѣхала Великая Княгиня въ Бельведеръ, встрѣчать Принца Вильгельма Прусскаго. Графиня Эделингъ увела меня къ пріятельницѣ своей, госпожѣ Фольцогенъ, пріѣхавшей для свиданія съ нею изъ Іены. Тамъ она поселилась съ воспоминаніями о Шиллерѣ, ея beau frere, коего написала прекрасную біографію, въ 2-хъ частяхъ, 1830 г. Она была дружна съ Шиллеромъ и съ Гумбольдами; съ Александромъ и понынѣ въ перепискѣ. Недавно написала романъ: *Корнелія* — а ей 77 лѣтъ! Я нашелъ въ ней необыкновенно умную женщину, не только начитанную, но погруженную въ глубины философіи Канта. Она хвалила мнѣ лучшаго его истолкователя *Фриза*, и пригласила сегодня къ себѣ, въ *Іену*, чтобы познакомить съ нимъ и съ другими Іенскими знаменитостями, съ перепискою Шиллера, Гете, Гумбольдовъ. Фризъ—другъ ея. Я заслушался ея разговора о Шиллерѣ, который былъ ея другомъ. Сестра ея, жена Шиллера, не имѣла ея дарованій. Я ѣду въ Іену съ графинею

Эделингъ — и опишу вамъ салонъ Фольцогенъ, уже по возвращеніи, или изъ Кисингена. Великая Княгиня приказала отыскать для меня Русскія грамоты, списанныя въ *Готѣ*, и сегодня мнѣ принесутъ ихъ: и отсюда возвращусь я не безъ добычи для Русской Исторіи.

Полдень. Сію минуту видѣлъ каталогъ рукописямъ о Россіи, въ Готѣ хранящимся, изъ коихъ многія еще не переписаны для Аделунга. Надѣюсь достать копіи. Въ библіотекѣ видѣлъ грамоты Французскаго республиканскаго правительства, подписанныя Дантономъ, Шиллеру, переименованному въ *M. Gille*, и прелестное письмо Виланда, 1776 г. Фр. Якоби, о первомъ его свиданіи съ Гете, въ Веймарѣ. Все для меня, и слѣдовательно для васъ, переписывается. Великая Княгиня опять приглашала въ Бельведеръ; а въ 8 часовъ вечера я уже буду пить чай у Фольцогенъ въ Іенѣ, съ графинею Эделингъ и *Fries*, коего сей-часъ видѣлъ' вторую и послѣднюю часть Исторіи философіи, весьма выхваляемой.

Веймаръ. $\frac{\text{Іюля 31.}}{\text{Августа 12.}}$ 1840. Вчера, вѣроятно, отправился къ вамъ пакетъ съ письмами, кои третьяго дня приготовилъ я, передъ отъѣздомъ моимъ въ Іену съ графиней Эделингъ. Я обѣдалъ въ Бельведерѣ. Возвратившись въ Веймаръ, я перешелъ въ коляску графини Эделингъ, и, къ 8 часамъ вечера, мы были уже въ Іенѣ;

заказали комнаты въ *Солнцѣ*, и поѣхали пить чай къ *г-жѣ фонъ-Фольцогенъ*, о которой я уже писалъ вамъ. Профессоръ *Фризъ*, философъ и математикъ, издавшій на сихъ дняхъ вторую и послѣднюю часть философіи, о коей журналы отзываются съ величайшею похвалою, не могъ притти на-вечеръ, и мы провели его втроемъ. Г-жа *Фольцогенъ* сама писательница, и провела вѣкъ свой въ самой искренней дружбѣ съ *Шиллеромъ*, съ другомъ его *Дальбергомъ*, съ *Гумбольдами* и со всѣми знаменитостями прежняго Веймара. Въ Парижѣ и здѣсь знавала она *г-жу Сталь*; была съ нею въ перепискѣ — и теперь, надъ прахомъ друзей, на томъ же самомъ пепелищѣ, гдѣ нѣкогда провела нѣсколько лѣтъ съ *Шиллеромъ*, въ самые поэтическіе годы его жизни, она живетъ воспоминаніями, схоронивъ единственнаго сына, въ совершенныхъ лѣтахъ, который принялъ изъ рукъ ея ружье, чтобы — умышленно или неумышленно, знаетъ одинъ Богъ — застрѣлиться имъ. Она говоритъ о *Шиллерѣ* и по сію пору съ какимъ-то тихимъ энтузіазмомъ, раскызываетъ подробности его здѣшней жизни поэтической и семейной; указала мнѣ изъ окна гору, къ которой обращены стихи Шиллера:

«Sey mir gegrüszt mein Berg»...

И обѣщала подарить аутографъ Шиллера. Его покровитель и другъ, Дальбергъ, до самой кончины своей былъ и ея другомъ, завѣщалъ ей пани-

сать его біографію изъ матеріаловъ, имъ оставленныхъ, и по собственнымъ воспоминаніямъ. Кончивъ недавно романъ, г-жа Фольцогенъ (почти 80 лѣтъ) принимается писать жизнь друга или его апологію для Германіи. Она живетъ теперь въ совершенномъ одиночествѣ; дѣтей Шиллера, ея племянниковъ, здѣсь нѣтъ (одинъ изъ нихъ умираетъ отъ куренья и горячихъ напитковъ, у другаго два сына, внучата поэта). Одинъ разъ въ недѣлю собираетъ она у себя нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ ученыхъ; но чаще другихъ видитъ Фриза; занимается съ нимъ астрономіею; показала и расхвалила намъ его *Популярную астрономію*; читаетъ Канта, Шеллинга: въ дряхломъ тѣлѣ душа ея живетъ полною духовною жизнію и бесѣдуетъ съ геніями всѣхъ вѣковъ и народовъ. Профессоръ *Ганъ* читаетъ ей иногда Софокла, Эврипида и — Нѣмецкія легенды. Но всего больше душа и сердце ея заняты памятію о Шиллерѣ. Въ 10 часовъ мы разстались. На другой день, въ 6 час. утра, я былъ уже на лекціи профессора философіи *Шейдлера*. Онъ читаетъ *педагогику*; въ этотъ часъ проходилъ системы *Локка*, *Руссо*, и диктовалъ *главныя начала* своей науки слушателямъ. Я замѣтилъ какую-то странную перемѣну въ его голосѣ; иногда онъ необыкновенно возвышалъ его, иногда говорилъ тихо. Послѣ мнѣ сказали, что *Шейдлеръ* совершенно глухъ, и не слышитъ самаго себя. Отъ *Шейдлера* пошелъ я на лекцію молодаго богослова *Штикеля*. Онъ объяснялъ пророка Ісаію, по Еврейскому тексту. Я замѣтилъ въ

своей записной книжкѣ тѣ мѣста, кои, въ объясненіяхъ и въ импровизированномъ переводѣ его, мнѣ особенно понравились, и повѣрю ихъ на досугѣ съ Славянскимъ текстомъ. Поспѣшаю довести до свѣдѣнія Русскихъ богослововъ слышанное отъ Штикеля: Англійскій профессоръ въ Оксфордѣ (кажется, Ниль,) открылъ новое сочиненіе *Евсевія*. Содержаніе онаго здѣсь еще неизвѣстно. Отъ 8 до 9 часовъ долженъ былъ я слушать *Газе*; но онъ не читалъ сегодня. Студенты очень хвалятъ его лекціи. По мнѣніямъ, по системѣ своей, онъ приближается къ *Шлейермахеру*; но не смѣло, не безусловно его придерживается. Я воспользовался часовымъ досугомъ своимъ, и зашелъ къ профессору *Фризу*, коего предварила обо мнѣ г-жа Фольцогенъ. Онъ познакомилъ меня съ своею литературною и академическою дѣятельностію, которая начинается въ эпоху *Канта* и *Рейнгольда*; продолжается въ бурное время, такъ называемыхъ, демагогическихъ затѣй университетскихъ, отъ коихъ страдалъ, въ 1817 — 19 годахъ, и *Фризъ*, оставивъ подъ спудомъ одну часть (*политику* и *права*) своего философическаго полнаго курса, разставшись, на время, съ философской каѳедрой для преподаванія *математики*. Нынѣ онъ занимаетъ обѣ каѳедры, и въ исторіи философіи передаетъ сущность всѣхъ системъ, отъ древнѣйшихъ временъ до *Гегеля*, не включая однакожъ въ книгу свою *Гегеліанцевъ*. Онъ горюетъ по сынѣ, блуждающемъ гдѣ-то на Востокѣ... *Фризъ* отличается какимъ-то дѣт-

скимъ простосердечіемъ и глубокомысліемъ: дитя — математикъ и психологъ; такія явленія менѣе рѣдки въ Германіи. Профессоръ, въ уединенномъ Нѣмецкомъ, не-столичномъ университетѣ — затворникъ Бенедиктинецъ въ кельѣ. Въ 1833 году вышло второе изданіе его *Populäre Vorlesungen über die Sternkunde*, съ таблицами и картами, въ Гейдельбергѣ. Книга сія посвящена г-жѣ Фольцогенъ.

Отъ Фриза пошелъ я къ *президенту Верхняго Апелляціоннаго Суда, Фонъ-Зигезаку*, съ коимъ познакомила меня давно уже Великая Княгиня. Онъ былъ съ Ея Высочествомъ въ Петербургѣ, и теперь занимаетъ здѣсь первое мѣсто въ высшемъ судебномъ трибуналѣ, для всѣхъ Саксонскихъ владѣній учрежденномъ, т. е. для Веймарскаго, Готскаго, Альтенбургскаго, Рейскаго и Мейнингенскаго княжествъ. Человѣкъ радушный и образованный, чиновникъ дѣятельный, неутомимый. Онъ познакомилъ меня съ Іенскою ученою литературою и съ ея главнѣйшими представителями; но болѣе всего я ему обязанъ за книгу профессора *Шейдлера*: *Paränesen für Studierende. Zur Methodik des akademischen Studiums*, въ семъ году вышедшую въ Іенѣ. Она служитъ пополненіемъ *Годегитики*, того же автора, въ прошедшемъ году изданной. Сіи *Paränesen* состоятъ изъ введенія къ онымъ самаго Шейдлера и изъ разсужденій разныхъ авторовъ о предметѣ академическаго воспитанія и ученія. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ да-

вно-извѣстнымъ мыслителямъ, корифеямъ философіи и учености Нѣмецкой, наприм: *Фихте*, *Стефенсу*, *Титману*, и т. д. Я обрадовался статьѣ, взятой изъ Гершеля. Полагаю, что это переводъ его книги о пользѣ естественныхъ наукъ вообще, о которой давно я говорилъ во Франціи, Германіи и Россіи, желая, чтобы скорѣе она переведена была съ Англійскаго. *Sir Iames Makintosh* сказалъ о ней, что, послѣ органона Бѐкона, не было книги, въ семъ родѣ, примѣчательнѣе Гершелевой. Брумъ и Галламъ, за обѣдомъ у коего я это самъ слышалъ, согласились съ его мнѣніемъ. Поспѣшите пріобрѣсть книгу Шейдлера *Паренезы* и его же *Годегетику* или путеводительницу (*годосъ* — путь). Не знаю, послушаются ли моихъ совѣтовъ, воспользуются ли моими указаніями; но въ нихъ единственная польза моихъ литературныхъ набѣговъ въ ученыя области Германіи, Франціи, Англіи—почти всей Европы. *Своимъ* я бѣденъ, а желалъ бы обогатить *своихъ* чужимъ добромъ; въ этомъ искреннемъ, постоянномъ, сильномъ желаніи Русскаго сердца—все мое утѣшеніе, все мое оправданіе! Я часто припоминаю себѣ слова моего наставника Шлейермахера, кои желалъ бы подписать подъ его памятникомъ, послѣ Евангельскихъ:

«Thaten am Geiste des Menschen — grössere giebt es nicht.»

Зигезакъ пригласилъ меня къ обѣду. Я поспѣшилъ на лекцію Баумгартенъ Крузіуса; онъ выходилъ изъ первой аудиторіи, кончивъ лекцію о посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Я успѣлъ съ нимъ познакомиться на улицѣ, и отъ 9-ти до 10-ти слушалъ уже у него же *догматику*. Сначала объяснялъ онъ ученіе о Св. Троицѣ, и разсматривалъ критически мнѣніе *Сака*. Потомъ говорилъ объ искупленіи (opus Christi), о царствѣ Божіемъ; разсматривалъ сочиненіе *Ансельма* (изъ 12 столѣтія): «*Cur Deus homo?*» мнѣнія *Социніановъ*, *Піетистовъ*, *Гернгутеровъ*. Я записалъ многое; но сообщу вамъ только слова его объ ученіи Греческой Церкви, относительно сихъ важныхъ вопросовъ: «Die Griechische Kirche hat sich in diesen Artickeln mit Einfachheit an die alt-biblische Lehre gehalten, und niemals war Streit in Ihrdarüber wie in der Lateinischen.» *Б. Крузіусъ* посмотрѣлъ на меня при сихъ словахъ, а я преклонилъ слегка голову, въ знакъ согласія и благодарности.

Закупивъ нѣсколько книгъ для графини Эделингъ, кои везетъ она къ брату, я не могъ найти здѣсь для нея *Критической Исторіи Ново-Греческой и Русской Церкви*, *Іосифа Шмита*, которую купилъ для себя въ Берлинѣ (Mainz., 1840 г., 8). Имена Стурдзы, Преосвященнаго Филарета, Муравьева, встрѣчаются на страницахъ сей книги, коей и пробѣжать не успѣлъ. Она для насъ любопытна, а можетъ быть, и полезна, хотя авторъ строгій и слѣдовательно односторонній като-

лпкъ (я знавалъ его по другому сочиненію). Пригласивъ милую спутницу, графиню Эделингъ, уроженку Невшателя, гулять въ окрестностяхъ города и составивъ планъ нашей прогулки, я отправился съ нею прежде всего въ садъ Шиллера, въ коемъ теперь устроена обсерваторія. Профессоръ астрономіи насъ встрѣтилъ и ввелъ въ садикъ поэта: онъ самъ живетъ въ домѣ, гдѣ Шиллеръ написалъ *Валленштейна* и нѣсколько мелкихъ пьесъ своихъ. Въ углу садика стояла прежде бесѣдка; въ ней Шиллеръ иногда работалъ, мечталъ... Бесѣдка сломана, мѣсто засажено цвѣтами. За этимъ садомъ гора съ буераками, гдѣ часто студенты подслушивали Шиллера, когда онъ читалъ вслухъ стихи свои, сцены изъ своихъ трагедій. И отсюда видна, съ другой стороны, гора, имъ воспѣтая; но въ ней мало поэзіи. Вообще окрестныя горы Іенскія зеленѣютъ деревьями или желтѣютъ колосьями только снизу, но вершины ихъ голы и безплодны. Изъ Шиллерова садика отправились мы въ садъ Грисбаха, бывшаго здѣсь теолога, купленный Великою Княгиней для воспитанія здѣсь дочерей ея, нынѣ Прусскихъ Принцессъ. Онъ обширнѣе и живописнѣе другихъ, и виды отсюда во всѣ стороны веселые: горы въ нѣкоторомъ отдаленіи. Здѣсь поставила Великая Княгиня памятникъ *Гете* еще при его жизни. Надъ колонною летящій орелъ. Кто-то сочинилъ для памятника три надписи или сентенціи, надъ коими Великая Княгиня сама слегка смѣялась; но, не смотря на

нихъ, мысль памятника понравилась Гете, хотя все одобреніе его состояло въ тихомъ восклицаніи: «ого!» Сюда пріѣзжаетъ Она иногда отдохнуть отъ Веймара и Бельведера, въ кругу знаменитыхъ ученыхъ. Здѣсь же, въ Іенѣ, провела часть своей ранней молодости и Принцесса Орлеанская Марія. Мы прошли загородною алеею, по теченію рѣчки Сале *, въ городъ. Въ 2 часа обѣдалъ я у президента *Зигейсена*, въ садовомъ его домикѣ (Gartenhaus); мы пили кофе въ саду. Жители сѣверной Германіи врядъ-ли не болѣе наслаждаются природой и ея нещедрыми дарами, нежели баловни ея на югѣ. Первые живутъ болѣе въ садахъ и бесѣдкахъ своихъ, нежели южные; наслаждаются каждымъ цвѣткомъ, и если вино не веселитъ сердца ихъ, такъ-какъ жителей Рейна, то по крайней мѣрѣ виноградъ вьется вокругъ ихъ домиковъ, обростаетъ окна, и позволяетъ воображенію претворять кружку пива въ бокалъ Шампанскаго. Въ 4 часа я былъ уже на лекціи старика *Людена*; но, отягченный сытымъ обѣдомъ, едва могъ слѣдовать за *побѣдами Карла Великаго надъ Саксонцами*. Къ счастію, эта часть его исторіи мнѣ болѣе извѣстна, съ того времени, какъ я занимаюся *Славянскими древностями*, слѣдовательно исторіею Славянъ въ Германіи, имѣвшими съ Саксонцами одну участь отъ Карла Великаго. Одними громилъ онъ другихъ, и мечемъ вооружалъ крестъ въ областяхъ *Кродо* и

* Имя этой рѣчки подало поводъ къ каламбуру и къ насмѣшкѣ надъ Іеной; ее называютъ Sal-Athen (Sale-Athènes).

Радегаста (радъ гостямъ, хотя и незваннымъ — былъ богъ Славянскій). *

* Эта лекція напомнила мнѣ путешествіе по Гарцу съ незабвеннымъ, раннимъ другомъ, *Андреемъ Кайсаровымъ:* и онъ тогда тѣмъ же предметомъ занимался, но съ большимъ успѣхомъ. Возвратившись съ Гарца, съ высотъ *Брокена*, прославленнаго вѣдьмами и стихами Гете, и познакомившись съ классическими мѣстами Славянской и Германской языческой древности, онъ написалъ «*Опытъ Славянской миѳологіи*,» не первый на Русскомъ (ибо *Михайла Поповъ*, отецъ моего товарища по службѣ Василья Попова, издалъ прежде его Славянскую миѳологію), но примѣчательный тѣмъ, что авторъ, послѣ годичнаго пребыванія своего въ Гетингенѣ, прилежно посѣщавшій профессорскія лекціи, при весьма слабомъ знаніи сначала Нѣмецкаго языка, могъ сдѣлаться Нѣмецкимъ авторомъ и получить право гражданства въ Лейпцигскомъ каталогѣ! Въ послѣдствіи *Нѣмецъ* Аллеръ перевелъ его книжку на *Русскій* языкъ! Я всегда жалѣлъ, что не могъ еще бросить цвѣтка на гробъ моего Агатона! Жизнь его прошла въ сильныхъ впечатлѣніяхъ и въ грустныхъ предчувствіяхъ сперва въ Москвѣ, потомъ вмѣстѣ со мною въ Гетингенѣ, на Гарцѣ, въ земляхъ Славянскихъ и въ Венгріи и въ Венеціи. Мы разстались въ Вѣнѣ; я возвратился на родину, потерявъ брата, друга его — Кайсаровъ въ Гетингенъ. Кончивъ тамъ академическій курсъ, онъ поѣхалъ въ Англію; въ Шотландіи сдѣлали его гражданиномъ города Думфриса, въ Россіи профессоромъ Русской словесности въ Дерптѣ. Отсюда, вопреки моему предчувствію, неодолимое влеченіе, въ самомъ пылу народной войны, умчало его отъ тихихъ музъ въ станъ воинскій, гдѣ Кутузовъ, по его предложенію, устроилъ походную типографію. Но перу еще не было дѣла въ станѣ Русскихъ воиновъ; въ Андреѣ Кайсаровѣ снова загорѣлся духъ воинскій, и, въ отрядѣ брата, взлетѣлъ онъ на воздухъ съ пороховымъ ящикомъ! Миръ разсѣянному праху твоему, мой милый, ранній, незабвенный другъ!

ЖИЗНЬ ТЕГНѐРА,

ОПИСАННАЯ ФРАНЦѐНОМЪ.

«Недавно распространившаяся вѣсть объ умственной болѣзни Тегнѐра, для леченія которой онъ поѣхалъ въ Шлезвигъ, возбудила къ нему живое участіе во многихъ, знавшихъ его прежде только по имени. Предлагаемая статья, переведенная съ Шведскаго, замѣчательна сколько по предмету, столько и по автору своему. Францѐнъ раздѣляетъ съ Тегнѐромъ первенство между живущими въ Швеціи поэтами. Біографія эта написана въ 1839 году, какъ дополненіе къ готовившемуся тогда новому Англійскому переводу поэмы «Фритьофъ». Любопытно и отрадно видѣть, съ какимъ безпристрастнымъ удивленіемъ столь высокій талантъ, какъ Францѐнъ, говоритъ о своемъ славномъ соотечественникѣ и собратѣ. Изъ прозаиче-

скихъ сочиненій Францèна особенно замѣчателенъ рядъ біографій достопамятныхъ Шведовъ. Въ этомъ ряду жизнеописаніе Тегнèра займетъ не послѣднее мѣсто.»

*

Три Шведскія области присвоиваютъ себѣ имя Тегнèра, славное для цѣлаго края, любезное для всей націи. Первая есть богатая рудою Вермландія, гдѣ великій поэтъ родился и выросъ. Вторая—плодородная Сканія: въ тамошнемъ университетѣ онъ, изъ превосходнаго ученика, который учился по большой части самоучкой, сдѣлался въ короткое время отличнымъ преподавателемъ; оттуда поэтическая слава его разнеслась по Швеціи и по всей Европѣ. Третья область—пріютная Смоландія: тамъ онъ, въ качествѣ главы епископства и начальника по учебнымъ заведеніямъ, пріобрѣлъ новый вѣсъ, новую знаменитость. Этому епископству принадлежитъ онъ первоначально и по отцу своему, который тамъ родился, и по имени, заимствованному предками его отъ деревни Тегна (Tegnaby), которая входитъ въ составъ епископства. И такъ для Тегнèра въ самомъ имени его заключалось какъ бы указаніе м ста будущей его должности.

Отецъ его — хорошій проповѣдникъ, весельчакъ въ обществѣ и прилежный земледѣлецъ—былъ пасторомъ въ Вермландіи, когда жена его, урожденная

Сиделіусъ, 13 Ноября 1782 г., родила четвертаго сына, Исаію.

На 9-мъ году отъ-роду мальчикъ остался безъ отца, и такъ-какъ братья его еще были студентами, то онъ, по бѣдности семейства, принужденъ былъ самъ заботиться о своей будущей судьбѣ. Къ счастію, ассесоръ Брантингъ, землякъ и, вѣроятно, другъ покойнаго отца его, взялъ сироту къ себѣ, и сталъ готовить его къ занятію должности по вѣдомству податей. Въ короткое время Исаія выучился всему, что отъ него требовалось по этому плану, и сопровождалъ своего воспитателя во всѣхъ его должностныхъ поѣздкахъ. Такимъ образомъ ему легко было узнать и оцѣнить прекрасную природу области, гдѣ горы и лѣса такъ чудно отражаются въ безчисленныхъ озерахъ. О тогдашнихъ впечатлѣніяхъ Тегнèра свидѣтельствуетъ его прелестное стихотвореніе: *Къ моей родинѣ* (Till min hembygd), которымъ онъ въ первый разъ обратилъ на себя вниманіе публики.

Когда онъ началъ писать стихи, того и самъ онъ не помнитъ. Еще въ дѣтствѣ воспѣвалъ онъ всякое сколько-нибудь замѣчательное событіе своей однообразной жизни. Тогда же принялся онъ писать большую поэму, которой предметъ заимствовалъ изъ Бьёрнерова сборника Сагъ, т. е. изъ того самаго источника, откуда въ послѣдствіи почерпнулъ основное содержаніе своей поэмы: «Фритьофъ.»

Чтеніе Сѣверныхъ Сагъ было однимъ изъ первыхъ и любимыхъ его занятій въ тѣ годы, когда, не зная никакаго иностраннаго языка, онъ съ жадностію читалъ все, что ни попадалось ему на глаза. Съ книгой въ рукахъ, садился онъ, гдѣ бы ни было, то на камнѣ, то на лѣстницѣ. Однажды, во время сѣнокоса, ему поручили смотрѣть, чтобы ворота въ полевой изгородѣ были заперты; но онъ такъ зачитался, что совершенно забылъ свою обязанность, и цѣлое стадо спокойно прошло на лугъ, съ котораго сѣно еще не было убрано.

Такъ, подобно дикому лѣсному яблоку, росъ онъ, пока ему не минуло 14-ти лѣтъ. Тогда Брантингъ, давно уже замѣчавшій страсть его къ чтенію, случайно открылъ, съ какою пользою онъ читаетъ. Разъ, когда они въ звѣздную ночь ѣхали домой изъ Карлстада, воспитатель Тегнèра, человѣкъ очень набожный, заговорилъ о дѣлахъ Божіихъ и видимомъ въ нихъ величіи Творца. Мальчикъ съ своей стороны также не молчалъ, и обнаружилъ такое знаніе міровой системы и законовъ обращенія небесныхъ тѣлъ, что старикъ съ удивленіемъ воскликнулъ: «какъ ты это знаешь»?—Я читалъ объ этомъ въ Бастгольмовой философіи для неученыхъ — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Спустя нѣсколько, дней Брантингъ сказалъ ему: «тебѣ надобно учиться». Какое рѣшительное слово!

какъ оно было важно не только для судьбы Тегнѐра, но и для Шведской литературы, гдѣ имя его составляетъ эпоху! И сколько разнообразной пользы Церковь и училища лишились бы безъ этаго слова! Оно было основаніемъ и того блестящаго успѣха, какой труды его, на столько языковъ переведенные, нашли въ цѣлой Европѣ. Не достойно ли имя Брантинга перейти къ потомству вмѣстѣ съ именемъ его безсмертнаго воспитанника? Но одинъ ли онъ устроилъ судьбу Тегнѐра? Если и нельзя предполагать, что онъ, по непосредственному вдохновенію свыше, заговорилъ о планетахъ съ молодымъ писцомъ, въ которомъ скрывались такія дарованія, все-таки въ цѣломъ ходѣ этаго случая не возможно отрицать участія Провидѣнія. Дѣйствительно, оно очень замѣтно, хотя рѣдко замѣчается не только въ существованіи народовъ, но и въ частной жизни.

Мальчику давно ужъ хотѣлось учиться, но онъ не смѣлъ говорить о томъ. И теперь, радуясь неожиданно мелькнувшему для него разсвѣту, онъ однакожъ напомнилъ о своей убогости. «Господь поможетъ», отвѣчалъ Брантингъ. «Ты рожденъ для лучшей судьбы, нежели какую можешь найти при мнѣ. Поѣзжай къ своему старшему брату: онъ будетъ твоимъ наставникомъ. Впрочемъ и я не забуду тебя.»

Это обѣщаніе исполнилъ Брантингъ не только пожертвованіемъ значительной суммы на содержаніе

Тегнѐра въ университетъ, но и отеческимъ участіемъ во всемъ, что до него касалось — хотя и долженъ былъ отказаться отъ тайной надежды, что со временемъ передастъ ему и должность и меньшую дочь свою.

Въ Мартѣ 1796 г. поѣхалъ Тегнѐръ къ своему брату Ларсу Густаву, бывшему въ то время кандидатомъ философіи и уже отличавшемуся необыкновенною ученостію. Изумительные успѣхи Исаіи подъ его руководствомъ доказываютъ, чего можетъ достигнуть твердая воля, соединенная съ блестящими способностями, особливо въ лѣта дѣятельной юности. Черезъ девять мѣсяцевъ Тегнѐръ, благодаря урокамъ брата, слѣдовавшаго старинному, основательному способу ученія, уже былъ въ состояніи продолжать свои занятія безъ посторонней помощи. Въ 1797 г. познакомился онъ со многими Латинскими писателями, особливо поэтами, изъ которыхъ и теперь еще помнитъ большіе отрывки. Во Французскомъ и Греческомъ языкахъ подвигался онъ также безъ руководства.

Уже въ слѣдующемъ году, когда ему еще не было и 16-ти лѣтъ, долженъ онъ былъ взяться за обученіе другихъ, для снисканія способовъ къ своему дальнѣйшему образованію. Заводчикъ, въ послѣдствіи горный совѣтникъ, Мирманъ (Myhrman), избралъ его наставникомъ дѣтей своихъ. И въ этомъ обстоятель-

ствѣ, такъ рѣшительно подѣйствовавшемъ на будущность Тегнѐра, видна заботливость Провидѣнія. Самое мѣсто, гдѣ ему пришлось жить, было замѣчательно по своей дикой, но величественной природѣ. Оно принадлежало къ той обширной лѣсной полосѣ, на которой Карлъ XI поселилъ вызванныхъ имъ изъ Финляндіи крестьянъ. Мирманъ, знатокъ по части горнаго производства, былъ для своего званія необыкновенно образованъ. Онъ зналъ не только многіе новѣйшіе языки, но и Латинскій; въ библіотекѣ его были даже Греческія книги. Между ними находился одинъ фоліантъ, который вдругъ обратилъ на себя все вниманіе Тегнѐра. То былъ Гомеръ. Молодаго поэта не устрашили безчисленныя трудности, ожидавшія его въ твореніи, гдѣ было смѣшано множество разнородныхъ нарѣчій языка, еще не довольно ему извѣстнаго. Но ему тогда уже было свойственно не отступать при встрѣчѣ препятствій—упорство, въ которомъ видна энергія, отличающая всѣ великіе умы. Онъ познакомился также съ Луціаномъ и Ксенофономъ. Но, наравнѣ съ Гомеромъ, занималъ его преимущественно Горацій, котораго онъ тутъ только впервые узналъ. Между-тѣмъ, пользуясь разнообразіемъ Мирмановой библіотеки, онъ не упускалъ изъ виду и Французской словесности. Такъ развивалась въ немъ постепенно та самостоятельность, съ какою онъ послѣ возставалъ противъ всѣхъ одностороннихъ и ограниченныхъ сужденій. относительно древней и новой литературы. Но, къ сожалѣнію, въ библіотекѣ той не бы-

ло ни однаго Нѣмецкаго поэта, и Тегнѐръ, выучившись этому языку только изъ учебныхъ книгъ, долго питалъ противъ него предубѣжденіе. Съ Англійскимъ, напротивъ, познакомилъ его Мекферсоновъ Оссіанъ, подѣйствовавшій на него такъ сильно, что онъ выучился языку безъ учителя. Въ обыкновенныхъ забавахъ и развлеченіяхъ молодыхъ людей онъ почти вовсе не принималъ участія и рѣдко искалъ общества; въ этомъ онъ не чувствовалъ и надобности, потому-что книги вполнѣ удовлетворяли его душу. Стиховъ онъ также писалъ въ ту пору очень мало. Однакожъ слухъ о смерти Наполеона въ Египтѣ послужилъ ему поводомъ къ лирическому стихотворенію, въ которомъ Мирманъ, большой почитатель героя Франціи, видѣлъ предзнаменованіе рѣдкаго таланта. Эта пьеса, основанная на ложной молвѣ, до сихъ поръ не напечатана.

Осенью 1799 г., 17-ти лѣтній Тегнѐръ отправился въ Лундъ, и началъ посѣщать университетъ. Первоначально онъ хотѣлъ только приготовить себя для вступленія въ канцелярію короля. Но ему вздумалось представить публикѣ образчикъ своихъ свѣдѣній въ языкахъ Латинскомъ и Греческомъ, и онъ написалъ по-Латинѣ разсужденіе объ Анакреонѣ. Съ этимъ сочиненіемъ явился онъ къ знаменитому профессору Восточной словесности, Норбергу, преподававшему въ то время и Греческую литературу. Молодой человѣкъ былъ необыкновенно пораженъ не только добротой,

съ какою его принялъ ученый и милый хозяинъ, но и всею его личностію, представлявшею плѣнительное соединеніе высокаго ума съ чистосердечіемъ, и оригинальности съ простотою. Посвятивъ ему поэму: *Первое причащеніе* (Nattvards-barnen), Тегнѐръ прекрасно изобразилъ его слѣдующими словами:

«Другъ Востока и украшеніе Сѣвера; мужъ, рожденный въ золотые дни баснословія, сохранившій языкъ и нравы патріарховъ, мудрый какъ старецъ и непорочный какъ младенецъ.»

Норбергъ принадлежитъ къ числу людей, давшихъ рѣшительное направленіе будущности Тегнѐра. Посовѣтовавъ ему готовиться не къ гражданской службѣ, а къ экзамену на степень магистра, онъ удержалъ его при университетѣ, пріохотилъ къ литературѣ, и открылъ ему путь къ мѣсту, нынѣ имъ занимаемому въ управленіи Шведской Церкви.

Норбергъ вызвался учить его безденежно Арабскому языку; но Восточная ученость не привлекала Тегнѐра. Великій оріенталистъ былъ также знатокомъ Латинскаго языка, и соперничествовалъ въ этомъ съ профессоромъ Лундбладомъ, котораго Латинская школа была тогда въ полномъ блескѣ своей славы. Первый приближался къ Тациту своимъ слогомъ, сжатымъ, исполненнымъ силы и остроумныхъ антитезъ. Напротивъ того, послѣдній, образовавшись

въ Лейпцигѣ, принесъ въ Швецію цицеронизмъ Эрнести. Онъ и примѣромъ своимъ и уроками старался своихъ учениковъ вести по тому же пути. Не легко было молодому человѣку рѣшиться на выборъ одного изъ этихъ двухъ профессоровъ. Тегнèръ присталъ къ Лундбладовой школѣ, слѣдуя въ этомъ брату своему, который былъ доцентомъ при университетѣ, и считался однимъ изъ первыхъ учениковъ Лундблада.

При отличныхъ способностяхъ Тегнèра неудивительно, что и другіе профессоры обратили на него вниманіе. Всего болѣе ободряли его, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, Мунте (Munthe) и Лидбекъ (Lidbäck). Въ своихъ «Воспоминаніяхъ», которыя столько же чести приносятъ его сердцу, сколько уму, нашъ поэтъ изобразилъ въ Мунте одного изъ благороднѣйшихъ людей, когда-нибудь занимавшихъ университетскую каѳедру. Съ Лидбекомъ, недавно опредѣленнымъ въ профессоры эстетики и безъ большаго успѣха писавшимъ стихи, находился онъ въ особенныхъ отношеніяхъ, которыя всего лучше объясняются слѣдующими словами самаго Тегнèра:

«...Человѣкъ, недавно отшедшій, сталъ мнѣ вторымъ отцемъ, и училъ меня музыкѣ пѣсень, когда я былъ молодъ и нуждался въ его совѣтахъ; и онъ не сердился, когда я не безусловно слѣдовалъ имъ, но, какъ свойственно юношѣ, испытывалъ силу собственныхъ

крыльев въ чуждыхъ ему пространствахъ: то было благородно со стороны его!»

Математикѣ онъ почти вовсе не учился до поступленія въ университетъ. Но когда ему надобно было готовиться къ пріобрѣтенію степени магистра, то его свѣтлый умъ помогъ ему быстро подвинуться и въ этой наукѣ почти безъ всякаго руководства. Онъ слушалъ лекціи только въ физикѣ и въ дифференціальномъ исчисленіи; читавшіе потомъ записки его по этимъ предметамъ хвалятъ въ нихъ ясность и точность изложенія. Въ университетѣ онъ всегда былъ самоучкой, хотя, разумѣется, учился изъ книгъ. Обыкновенно работалъ онъ по 18-ти—20-ти часовъ въ сутки, и спалъ какъ можно менѣе. Не участвуя въ забавахъ своего возраста и студентской жизни, онъ прослылъ нелюдимомъ и чудакомъ.

Кто бы повѣрилъ этому послѣ, когда онъ являлся въ обществѣ такъ живъ, непринужденно веселъ, остроуменъ и любезенъ? Но иначе онъ не могъ бы въ столь короткое время пріобрѣсти такъ много разнообразныхъ и основательныхъ свѣдѣній.

При пособіи Мирмана и Брантинга, онъ почти въ продолженіе года не имѣлъ надобности прерывать свои университетскія занятія обученіемъ другихъ; но совѣстливость не позволила ему пользоваться долѣе щедростію его благодѣтелей. Онъ рѣшился искать

пропитанія собственными трудами, и, въ качествѣ наставника, былъ взятъ въ домъ барона Леёнхувуда (Левенгаупта), въ Смоландіи. Новаго ученика своего, въ послѣдствіи президента надворнаго суда, барона Авраама Л., любилъ и уважалъ онъ болѣе, нежели кого-либо изъ всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ въ разное время давалъ уроки: это чувство не измѣнилось и по истеченіи 30-ти лѣтъ слишкомъ. Онъ велъ у Л. такой же образъ жизни, какъ и въ университетѣ—тихій, уединенный и дѣятельный; но когда, по случаю какаго-то семейнаго праздника, онъ написалъ Французскіе стихи, то на него начали смотрѣть съ удивленіемъ.

Пробывъ въ имѣніи Л. лѣто 1800 г., онъ возвратился въ Лундъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, и профессоръ Лидбекъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась университетская библіотека, далъ ему при ней должность. Правда, онъ не получилъ жалованья, но все-таки то было необыкновеннымъ отличіемъ для 18-ти лѣтняго молодаго человѣка, еще не произведеннаго въ магистры.

Для достиженія этой степени онъ сталъ съ новымъ усердіемъ заниматься науками, особливо философіей, которую изучалъ въ Разговорахъ Платона, въ сочиненіяхъ Канта и отчасти Фихте. Мы изъ собственныхъ его словъ знаемъ, что онъ, при своемъ поэтическомъ направленіи, вовсе не чувствовалъ склонности къ такимъ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, и что на него

наводили скуку длинныя систематическія разсужденія, не представлявшія никакой пищи для воображенія. Его академическія диссертаціи доказываютъ однакожъ, что онъ легко и ясно понималъ философскіе вопросы. Къ школѣ Канта влекли его преимущественно ея скептическое свойство и ея важный результатъ, останавливающійся предъ неизвѣстнымъ и непостижимымъ.

На экзаменѣ, которому онъ подвергся, для полученія званія кандидата, въ два пріема — осенью 1801 и весною 1802 года — удостоился онъ высшаго засвидѣтельствованія (laudatur) отъ всѣхъ профессоровъ кромѣ Норберга. Это было тѣмъ болѣе неожиданно, что въ Греческой словесности, принадлежавшей тогда къ той же каѳедрѣ, какъ и Восточные языки, Тегнѐръ превосходилъ всѣхъ прочихъ студентовъ, съ нимъ вмѣстѣ экзаменовавшихся. Но Норбергъ болѣе обращалъ вниманія на литературу Восточную, въ которой онъ пріобрѣлъ Европейскую знаменитость.

Съ такимъ отличнымъ засвидѣтельствованіемъ Тегнѐръ былъ *примусомъ* по промоціи. Между-тѣмъ встрѣтился случай, который едва не удалилъ его навсегда отъ университета, и не далъ судьбѣ его совершенно другаго оборота. То было безвинное участіе въ шалости, въ которую его насильно вовлекли безразсудные студенты. Ректоръ хотѣлъ-было поступить съ нимъ по всей строгости, но прочіе профессоры

такъ дорожили необыкновенными качествами молодаго человѣка, что охотно спасли его отъ угрожавшей ему бѣды.

Въ эту пору дошло до Тегнѐра горестное извѣстіе о смерти старшаго, 30-ти лѣтняго брата его, который, бывъ превосходнымъ проповѣдникомъ и вообще образцомъ для своего званія, возбудилъ такою раннею кончиною всеобщее сожалѣніе. Исаія въ другой разъ лишился отца: ибо не только былъ обязанъ брату первымъ руководствомъ въ наукѣ, но и въ эпоху опасной молодости былъ имъ утверждаемъ въ тѣхъ правилахъ религіи и нравственности, которыя узналъ уже въ дѣтствѣ, но примѣнять еще не имѣлъ случая. Сильно пораженный сею потерей, сочинилъ онъ элегію, доставившую ему премію отъ *Общества изящной словесности* въ Гётеборгѣ. Упомянутое прежде стихотвореніе: *Къ моей родинѣ*, было написано около того же времени, и оба вмѣстѣ послужили началомъ извѣстности Тегнѐра.

Послѣ промоціи поѣхалъ онъ въ Вермландію, съ тѣмъ, чтобы навѣстить свою мать и своихъ благодѣтелей, Брантинга и Мирмана. Для благороднаго юноши величайшая награда за его успѣхи заключается, конечно, въ наслажденіи обрадовать ими своихъ родителей и другихъ, которые съ отеческою или материнскою заботливостію пеклись о немъ. Но наслажденіе послѣднихъ столь же, или еще болѣе, сладостно, когда

труды ихъ вѣнчаются такими послѣдствіями, какъ было въ настоящемъ случаѣ. Въ домѣ Мирмана дѣтская дружба, соединявшая дочь его съ Тегнѐромъ, превратилась въ прочнѣйшій союзъ, освященный согласіемъ родителей дѣвицы. Но совершеніе брака было на четыре года замедлено обстоятельствами.

Въ продолженіе этой поѣздки Тегнѐръ увидѣлъ въ первый разъ прославившагося въ-послѣдствіи поэта, историка и философа, Гейера, жившаго тогда у своего отца, въ Вермландіи же. Онъ былъ въ то время еще только студентомъ Упсальскаго университета, но уже получилъ отъ Шведской Академіи премію за похвальное слово Стену Стуре. Вотъ-что Тегнѐръ самъ говоритъ объ этомъ знакомствѣ: «Уже при сей первой встрѣчѣ обнаружилось въ нашихъ понятіяхъ о жизни и литературѣ то несходство, которое съ лѣтами болѣе и болѣе возрастало. Наша бесѣда была непрерывнымъ споромъ, однакожъ безъ всякой горечи и вражды. Я тогда ужъ умѣлъ оцѣнить въ Гейерѣ одного изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей въ нашемъ отечествѣ.»

Возвратясь въ Лундъ, Тегнѐръ, по приглашенію Линдбека, принялъ званіе доцента эстетики; но испросилъ позволеніе отлучиться на-время въ Стокгольмъ. Онъ поѣхалъ туда въ началѣ 1803 года, и поступилъ наставникомъ въ домъ оберъ-директора Стрибинга (Strübing). Здѣсь жили открыто и пышно; но Тегнѐръ

оставался по-прежнему въ уединеніи. Онъ познакомился съ поэтомъ Кореусомъ (Choraeus) *, въ которомъ нашелъ веселаго, остроумнаго, любезнаго, хотя и немного страннаго человѣка. Они сообщали другъ другу поэтическіе опыты, и хотя Кореусъ умомъ былъ гораздо ниже своего собрата, однакожъ, будучи старше и опытнѣе его на поприщѣ искуства, онъ могъ, по увѣренію самаго Тегнèра, давать ему полезные совѣты. Они переписывались нѣсколько времени, по отъѣздѣ Тегнèра въ Лундъ, куда съ нимъ вмѣстѣ отправились и ученики его.

Бывъ давно уже обрученъ, онъ искалъ какой-нибудь постоянной должности и просился въ адъюнкты Карлстадской гимназіи. Получивъ отъ консисторіи отказъ, онъ обратился съ своимъ прошеніемъ къ королю, бывшему тогда въ Баденѣ, и дѣло его устроилось. Но такъ-какъ онъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ адъюнктомъ при Лундскомъ университетѣ, то и не вступалъ никогда въ Карлстадскую гимназію. Въ качествѣ адъюнкта эстетики онъ занималъ каѳедру этой науки цѣлый годъ, пока профессоръ Лидбекъ былъ ректоромъ.

Лидбекъ только говорилъ объ изящномъ и объяснялъ мнѣнія разныхъ мыслителей; напротивъ, Те-

* Финляндскимъ уроженцемъ, котораго вдова вышла замужъ за автора сей біографіи. И жизнь самаго Кореуса описана имъ. *Прим. Перев.*

гнèръ такъ излагалъ предметъ, что слушатели могли сами видѣть и осязать прекрасное. Вотъ почему различіе между тѣмъ и другимъ было слишкомъ примѣтно. При всемъ томъ учитель, затемненный своимъ ученикомъ, продолжалъ по-прежнему любить и уважать его. Вовсе не желая унизить благородства и основательной учености Лидбека, мы однакожъ замѣтимъ, что превосходство Тегнèра заключалось въ его особенномъ образѣ мыслей и пріемахъ; по этому самому, даже насмѣшливое остроуміе его нравилось и тѣмъ, кого оно касалось.

Въ Лундѣ былъ еще другой человѣкъ, нашедшій въ Тегнèрѣ опаснаго соперника, именно Лингъ, знаменитый сколько по своей Сѣверной лирѣ, столько и по своему гимнастическому заведенію, гдѣ все происходило согласно съ законами науки. Оба они, вмѣстѣ съ Гейеромъ, сдѣлали въ Швеціи то же, что Эленшлегеръ и Грундтвигъ въ Даніи: они пробудили въ литературѣ новую жизнь, воспользовавшись Скандинавскими Сагами и миѳологіею. Но Лингъ, подобно Грундтвигу, воскрешая предъ нами вѣкъ древнихъ богатырей Сѣвера, болѣе сохранилъ его первобытный характеръ дикой силы и грознаго величія. За то Тегнèръ, такъ же какъ Эленшлегеръ, передавая поэзію этихъ образовъ старины въ прекраснѣйшемъ и болѣе идеальномъ видѣ, умѣлъ сильнѣе привлечь къ нимъ всеобщее вниманіе. Еще прежде той поры, когда взглядъ и труды каждаго изъ нихъ сдѣлались извѣст-

ными свѣту, между Лингомъ и Тегнѐромъ не было настоящаго согласія. Довольно странно, что поэтъ-фехтмейстеръ, который обнажалъ грудь свою для принятія ударовъ не рапиры, а острой шпаги, былъ въ душѣ чрезвычайно раздражителенъ и легко обижался. Но при благородствѣ, прямодушіи и чистосердечіи обоихъ, вспышки между ними не могли вести къ продолжительному раздору: они всегда оставались искренними друзьями и всегда уважали другъ друга.

Въ 1806 г., соединивъ съ званіемъ адъюнкта должность библіотекаря и сверхъ того ставъ нотаріусомъ философскаго факультета, Тегнѐръ наконецъ могъ безпрепятственно жениться на дѣвицѣ Аннѣ Мирманъ, и тѣмъ довершилъ свое счастіе. При заботливости и хозяйственной распорядительности молодой жены и при собственномъ его усердіи въ ремеслѣ учителя, имъ легко было содержать себя, не смотря на то, что жалованье Тегнѐра ограничивалось 60-ю бочками * хлѣба.

Въ это время нѣсколько молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ университету, составили ученый клубъ, въ которомъ и Тегнѐръ сдѣлался членомъ.

* Въ Шведскихъ университетахъ жалованье чинамъ духовнаго и учебнаго вѣдомства производится рожью и ячменемъ по-поламъ, что они должны продавать для полученія денегъ. Поэтому доходъ ихъ зависитъ отъ цѣнъ на хлѣбъ. Бочка его стоитъ, смотря по урожаю, отъ 10-ти до 17-ти руб. Въ бочкѣ 6½ нашихъ четвериковъ. *Прим. Пер.*

Много разсуждали о литературѣ вообще и особенно о дѣлахъ университета. «Здѣсь», пишетъ Тегнѐръ, «заваждались сѣмена понятій и мыслей, которыя въ послѣдствіи не оставались безъ вліянія на университетъ. Играли въ мячики идеями и выдумками, дѣтьми мгновенія, иногда стоившими вниманія свѣта.» Всего охотнѣе слушали Тегнѐра за его мѣткое остроуміе и милый характеръ: не имѣя болѣе надобности учиться безъ отдыха и наслаждаясь пріятностями семейной жизни, онъ сдѣлался веселымъ и общительнымъ человѣкомъ.

Между-тѣмъ разныя лирическія стихотворенія, свидѣтельствовавшія о высокомъ талантѣ, успѣли уже доставить Тегнѐру нѣкоторую извѣстность; но особенно поразила всѣхъ его *Свея*—стихотвореніе, въ 1811 г. награжденное большою преміею отъ Шведской Академіи. Оно замѣчательно не только по своему высокому патріотизму и поэтической красотѣ, но и по внезапной перемѣнѣ формы въ срединѣ его. Отъ александрійскаго стиха, исполненнаго той многозначительной силы и той тихой, но постоянной гармоніи, которыхъ требуетъ этотъ размѣръ, поэтъ, повинуясь мгновенному увлеченію, вдругъ переходитъ къ диѳирамбу и, соотвѣтственно богатому разнообразію самаго предмета, извлекаетъ изъ арфы своей разнообразнѣйшіе звуки. Предъ нами возстаетъ поэтическое видѣніе, гдѣ баснословные образы древняго Сѣвера служатъ только оболочкою современныхъ думъ, чувствованій и надеждъ.

Старшимъ представителемъ тогдашней Шведской словесности былъ Леопольдъ, поэтъ съ истиннымъ дарованіемъ, но который, слѣдуя духу своего вѣка, образовался вліяніемъ Французскихъ писателей. Онъ пользовался въ Швеціи великою славою и влекъ за собою множество послѣдователей, когда вдругъ въ Упсалѣ нѣсколько молодыхъ литераторовъ, признавъ направленіе Леопольда совершенно ошибочнымъ, объявили войну приверженцамъ стараго образа мыслей въ поэзіи. Они составили новую школу, которой главнымъ стремленіемъ было создать въ Швеціи самобытную, народную словесность, почерпая для того предметы либо изъ собственнаго духа, либо изъ древнихъ преданій Скандинавіи. Главнымъ поборникомъ новой школы былъ Аттербомъ съ своимъ журналомъ *Фосфоросъ*, отъ котораго и всѣ, принадлежавшіе къ той же партіи, были въ-насмѣшку названы *Фосфористами.* *

Встрѣчающееся въ стихотвореніи *Свея* соединеніе обоихъ родовъ поэзіи, хотя, можетъ быть, и неумышленное, показываетъ, какъ думалъ Тегнѐръ относительно раскола, возникшаго тогда на Шведскомъ Парнассѣ. Не унижая старой словесности, онъ самъ приготовилъ новую, но никогда не приставалъ къ фосфоризму. Вотъ его собственныя слова: «Нѣмец-

* Послѣднія подробности, начиная отъ слова *старшимъ*, вставлены Переводчикомъ, который счелъ ихъ нужными для Русскихъ читателей.

кія теоріи съ господствовавшею въ поэзіи таинственностію были мнѣ противны. Переворотъ въ Шведской поэзіи считалъ и я необходимымъ, но его можно и должно было произвести болѣе самостоятельнымъ образомъ. Новая школа казалась мнѣ слишкомъ отрицательною, а ея критическое ратованіе — слишкомъ несправедливымъ. Потому я въ войнѣ не принималъ участія, за исключеніемъ кое-какихъ шутокъ, которыя я на письмѣ или на словахъ позволилъ себѣ.»

Извѣстно, что Байронъ — хотя его восхитительныя пѣсни и заставили пренебрегать старинными поэтами—самъ отдавалъ имъ справедливость, и между ними высоко цѣнилъ Пòпа, который почитателями лорда былъ особенно презираемъ. Такъ точно и Тегнѐръ самымъ торжественнымъ образомъ изъявилъ свое негодованіе на усилія фосфористовъ унизить прежнихъ Шведскихъ стихотворцевъ, преимущественно Леопольда. Въ своей важной поэзіи Леопольдъ, силою мысли, соперничествуетъ съ Пòпомъ; а въ шуточномъ родѣ хотя онъ и не создалъ столь милой поэмы, какъ *Похищеніе Локона*, онъ своимъ игривымъ остроуміемъ даже превосходитъ Англійскаго сатирика и приближается къ Вольтеру.

Въ началѣ 1812 г. Тегнеръ, посѣтивъ Стокгольмъ, лично познакомился съ Леопольдомъ и съ другими членами Шведской Академіи: тутъ онъ снискалъ

искреннее уваженіе и дружбу тѣхъ, которые прежде только удивлялись ему.

Сверхъ партіи фосфористовъ, въ нѣкоторомъ отношеніи сходныхъ съ *Poets of the Lake* въ Англіи (Вордсворта, по глубокости мысли и чувства, сравниваютъ съ Аттербомомъ), образовался въ Швеціи еще литературный союзъ, подъ именемъ Готовъ (Göther). Его цѣлію было изученіе Сѣверныхъ Сагъ и миѳовъ, и приложеніе ихъ къ искуству. Пѣвецъ «Свеи» былъ также приглашенъ въ это общество, и въ журналѣ *Идуна* *, который оно издавало, появились первые образчики Фритьофа, тотчасъ возбудившіе великія ожиданія.

Новое поприще для дѣятельности Тегнѐра при университетѣ открылось въ 1812 году, когда Греческая литература отдѣлилась отъ каѳедры Восточныхъ языковъ. Послѣдняя осталась за Норбергомъ; а профессоромъ Греческой словесности, по его представленію, назначенъ былъ Тегнѐръ, какъ извѣстный Эллинистъ, съ которымъ никто другой при университетѣ не могъ сравниться. Это сдѣлано было безъ соблюденія обычнаго порядка, по повелѣнію короля, послѣдовавшему на докладъ канцлера университета, министра фонъ-Энгстрема. Съ тѣмъ вмѣстѣ Тегнѐру предоставленъ былъ, въ видѣ пребенды, пасторатъ.

* Такъ называлась супруга бога поэзіи у Скандинавовъ.

Такимъ образомъ онъ поступилъ въ духовное званіе, и по этому случаю написалъ *Посвященіе въ пасторы* — стихотвореніе, сіяющее истинно небесною красотой. Но такъ-какъ его главныя занятія были при университетѣ, то на нихъ и употреблялъ онъ почти все свое время, дѣйствуя притомъ съ особеннымъ усердіемъ и энергіею. Само собою разумѣется, что онъ, при поэтическомъ расположеніи своемъ, обращалъ вниманіе молодыхъ людей на красоты Греческой литературы, и тѣмъ возбуждалъ въ нихъ охоту учиться языку Греческому. Но вотъ чего менье можно было ожидать отъ поэта: онъ требовалъ также основательнаго знакомства съ грамматическимъ организмомъ, и возвелъ Греческую каѳедру на такую степень цвѣтущаго состоянія, какой она прежде никогда еще не достигала въ Лундскомъ университетѣ. Хотя Норбергу, который собственно для него отказался отъ этой вѣтви ученія, и нельзя было скрыть отъ себя, что Тегнѐръ затмилъ его; однакожъ онъ не показалъ (да и не чувствовалъ, потому-что онъ показывалъ все, что чувствовалъ,) ни малѣйшей на то досады. Дружественная между ними связь ни на минуту не прерывалась.

Между-тѣмъ поэтическая слава Тегнѐра возрастала. Этимъ онъ обязанъ былъ частію множеству превосходныхъ мелкихъ стихотвореній, частію и двумъ поэмамъ большаго размѣра: *Аксель* и *Первое причащеніе*, переведеннымъ на многіе иностранные

языки. Тогда и Шведская Академія поспѣшила выбрать его въ свои члены. Онъ заступилъ въ ней мѣсто Оксеншерны, и въ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ Академію, изобразилъ предшественника чудными красками: хотя эта картина и вѣрно списана съ природы, однакожъ въ колоритѣ видна Тегнеровская кисть.

Эпилогъ при промоціи въ Лундѣ, 1820, и другія стихотворенія, написанныя на разные случаи, заставили всѣхъ уважать въ Тегнерѣ человѣка, мыслящаго и ясно и глубоко, который, идучи наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, не увлекается однакоже его заблужденіями. Какъ удачно онъ могъ, когда хотѣлъ, обнять и развить даже мистическую идею — доказываетъ его *Пѣснь Солнцу*. Леопольдъ, хотя онъ еще менѣе Тегнера любилъ все таинственное и фантастическое, ставилъ ее выше всѣхъ мелкихъ его стихотвореній, сколько по свѣтлому и высокому паренію мыслей, столько и по чистотѣ языка и непрерывному благозвучію при самомъ трудномъ размѣрѣ. Но вѣнцомъ поэтическихъ трудовъ Тегнера была поэма *Фритьофъ*. Она поставила его на-ряду съ первыми поэтами новѣйшаго времени и распространила славу его не только по всей Европѣ, но и по другимъ частямъ свѣта. *

* См. North American Review, № 96, July 1837.

Въ томъ же году (1824), когда эта удивительная поэма начала возвышеніе Тегнѐра въ литературѣ, ему и въ управленіи Шведской церкви неожиданно была ввѣрена почетная должность. Не имѣвъ случая отличиться по части богословія, онъ тѣмъ не менѣе, въ качествѣ профессора при университетѣ и члена въ Духовной консисторіи, умѣлъ снискать уваженіе духовнаго сословія, и когда открылось мѣсто епископа въ Векшё (Wexjö), то онъ почти единодушно былъ избранъ первымъ кандидатомъ. Вѣроятно и его идиллія: *Первое причащеніе*, способствовала къ утвержденію той довѣренности, какую предполагаетъ такое назначеніе. Произведенный въ епископы, 1824 года, онъ тогда же оправдалъ это повышеніе ревностною заботливостію объ училищахъ. * Сильно поражали всѣхъ рѣчи, которыя онъ произносилъ при торжественныхъ случаяхъ и гдѣ онъ съ оригинальнымъ остроуміемъ излагалъ свѣтлыя свои мысли по вопросу: о преобразованіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній. Рѣчи эти, бывъ переведены на Нѣмецкій языкъ, извѣстны и въ чужихъ краяхъ. Какъ Тегнѐръ выполняетъ призваніе главы Церкви, показываютъ замѣчательныя записки, относительно съѣзда пасторовъ въ 1836 г. Вопреки тому, что обыкновенно бываетъ, онѣ не остались въ епископствѣ или въ духовномъ сословіи, но обратили на себя вниманіе многочисленной публики, убѣдивъ ее, что онъ, въ зва-

* Въ Швеціи званіе епископа соединено съ должностію начальника учебныхъ заведеній всего епископства. *Пр. Перев.*

ніи богослова, пастора и охранителя Церкви, столько же заслуживаетъ свое громкое имя, сколько и въ званіи просвѣщеннаго начальника училищъ.

Въ дѣлахъ Государственнаго Сейма, на которомъ онъ, по должности епископа, обязанъ присутствовать, Тегнѐръ не показалъ особенно дѣятельнаго участія, но каждый разъ, когда онъ начиналъ говорить, слушатели нетерпѣливо ожидали чего-то и основательнаго и остроумнаго, и онъ всегда умѣлъ превзойти это ожиданіе.

Еще бывъ профессоромъ, Тегнѐръ удостоился получить орденъ *Сѣверной звѣзды*, который хотя и составляетъ нынѣ весьма обыкновенное отличіе для Шведскихъ ученыхъ, но на груди пѣвца, сіяющаго міру изъ глубины Сѣвера, еще напоминаетъ о своемъ первоначальномъ значеніи. Вскорѣ послѣ возведенія въ санъ епископа, поэтъ былъ пожалованъ въ командоры того же ордена.

Должность ли Тегнѐра — хотя она у него и не поглощаетъ всего времени — отвлекла умъ его отъ поэзіи, или его шаткое здоровье разстроило въ немъ расположеніе духа, попеременно веселое и унылое, только, по изданіи Фритьофа, онъ уже очень рѣдко бралъ въ руки свою лиру. Однакожъ въ звукахъ, которыми онъ привыкъ и плѣнять и восхищать за-одно, не произошло никакой перемѣны. При всемъ томъ

есть надежда, что, въ числѣ другихъ начатыхъ поэмъ, онъ окончитъ по крайней мѣрѣ одну, уже давно ожидаемую и отчасти извѣстную публикѣ по прелестнымъ отрывкамъ, появившимся подъ названіемъ: *Герда.* * Но, пользуясь именемъ однаго изъ первостепенныхъ геніевъ вѣка, онъ для славы своей ничего болѣе желать не можетъ.

За характеристику Тегнèра, какъ поэта, мы взяться не смѣемъ, да она и не составляетъ необходимой принадлежности жизнеописанія. Но его собственное сужденіе о причинѣ своего обширнаго успѣха должно быть въ двоякомъ отношеніи занимательно, характеризуя и его музу, и его самаго. Вотъ оно:

«Шведъ, подобно Французу, особенно любитъ въ поэзіи легкое, ясное, прозрачное. Онъ требуетъ и глубокаго, которое умѣетъ даже цѣнить, но то должно быть прозрачно-глубокое. Онъ хочетъ видѣть на днѣ рѣки золотой песокъ. Ему противно все мутное и темное, все, что не представляетъ яснаго образа, какъ бы оно глубокомысленно ни было.

«По-немъ, кто темно выражается, тотъ и мыслитъ темно, и ничто безъ ясности не можетъ на него подѣйствовать. Этимъ онъ отличается отъ Нѣмца, который, по своей созерцательной природѣ, не толь-

* Имя Скандинавской богини.

ко переноситъ, но и предпочитаетъ все таинственное и туманное, гдѣ онъ любитъ угадывать что-то глубокомысленное. У него болѣе «Gemüth» и угрюмой важности, нежели у Шведа, который поверхностнѣе и легкомысленнѣе. Вотъ источникъ мистики чувствъ и гемороидальныхъ припадковъ въ Нѣмецкой поэзіи, и она намъ не нравится.

«Что касается до самаго духа поэта и его возрѣнія на міръ, то мы любимъ въ особенности кипящее жизнью, бодрое, смѣлое, даже дерзкое.

«Это справедливо и въ отношеніи къ Шведскому національному характеру. Какъ ни разслабленъ, ни суетенъ и ни испорченъ народъ нашъ, все-таки въ основаніи его духа есть что-то богатырское — черта, которую намъ пріятно находить и въ поэтѣ. Племя первобытныхъ великановъ * еще не угасло. Въ народѣ живетъ какое-то титановское презрѣніе опасности.

«Вотъ нѣсколько строкъ (въ подлинникѣ, стиховъ) изъ *Герды*: «Сѣверъ силенъ отвагою, и паденіе— для насъ побѣда: тому весело пасть, кто бился до конца. Шумитъ ли буря, онъ спокойно борется съ нею, спокойно обнажаетъ грудь, чтобы молнія знала, куда ей лучше ударить.»

* Готовъ, которые, по преданію, были первобытными жителями Скандинавіи.

«Морозный, но светлый и здоровый день, который напрягаетъ и будто железитъ все человеческія силы, чтобы оне могли бороться съ суровою природой и побеждать ее—вотъ настоящій образъ Севернаго характера. Где есть эта ясная погода, это здоровое дуновеніе, тамъ нація сознаетъ жизнь своего собственнаго духа, и снисходительно смотритъ на другіе поэтическіе недостатки. Я не знаю лучшаго объясненія моему успеху.»

Все знакомые съ дивнымъ геніемъ Тегнèра по его сочиненіямъ знаютъ однакожъ и другое объясненіе сверхъ этаго, которое конечно столь же верно, какъ остроумно и справедливо не только въ разсужденіи его успеха въ Швеціи, но и относительно Европейской его знаменитости. Безъ сомненія, и по духу и по содержанію, его поэзія принадлежитъ Северу, но въ ней есть также красота и роскошь Юга. По яркости красокъ, по богатству образовъ и мыслей, ее можно сравнить съ вершиной померанцоваго дерева, на которомъ, среди густой и чистой зелени, зрелый плодъ красуется возле новаго цветка.

*

«Въ то время, какъ писались эти строки, Переводчикъ получилъ отъ епископа Францéна (изъ Херносанда, отъ 1/13 Ноября) письмо, где между-прочимъ сказано: «Васъ и всехъ любителей музы Тегнèра мо-

«гу обрадовать извѣстіемъ, что его путешествіе въ «Шлезвигъ и тамошнее пребываніе уже возстановили «въ немъ равновѣсіе воображенія и прочихъ душев-«ныхъ силъ». Все заставляетъ надѣяться, что онъ вскорѣ совершенно исцѣлится и тѣломъ и духомъ.»

Г.

МЕДАЛЬЁРНЫЙ РѢЩИКЪ КЛЕПИКОВЪ

Императорская Академія Художествъ много образовала талантовъ по части Живописи, Скульптуры и Архитектуры. Ихъ произведеніями по-справедливости гордится Россія. Медальёрное искуство рѣзьбы на стали и крѣпкихъ камняхъ менѣе прочихъ художествъ обработываемо было у насъ людьми, одаренными истиннымъ талантомъ. Труды медальёрнаго рѣщика тягостны, медленны и въ нѣкоторомъ отношеніи неблагодарны. Здѣсь художникъ чаще подчиненъ бываетъ мысли и прихоти другаго таланта, нежели въ прочихъ искуствахъ. Надобно впрочемъ согласиться, что полный его успѣхъ упрочиваетъ за произведеніемъ безсмертіе несомнѣнное, безсмертіе въ истинномъ смыслѣ. Что ни создано было въ самой глубокой Древности по этой части (если памятники

сіи не утратились), мы все получили въ первообразной красотѣ, въ неприкосновенной живости, какъ будто вѣка, промчавшіеся надъ ними съ разрушительною своей силою, не знали объ нихъ.

Если мы не ошибаемся, имя *Доброхотова* до сихъ поръ у насъ одно, которое каждый разъ приходитъ на мысль, какъ скоро упоминаютъ объ успѣхахъ медальёрнаго искуства рѣзьбы въ Россіи. Онъ любилъ свое занятіе, понималъ его какъ истинный Художникъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы оно водворилось съ успѣхомъ въ Академіи.

Изъ числа учениковъ *Доброхотова* достоінымъ преемникомъ вкуса его, трудолюбія, ума и привязанности къ Искуству назвать должно *Алексѣя Алексѣевича Клепикова*. Онъ родился въ Санктпетербургѣ 1802 года и опредѣленъ былъ въ Академію Художествъ на 12 году отъ рожденія. Отецъ его, образовавшійся въ той же Академіи, вышелъ изъ нея въ 1779 году и занимался живописью. Молодой Клепиковъ учился въ Академіи одиннадцать лѣтъ. Во время пребыванія своего тамъ онъ успѣхами и талантомъ своимъ обратилъ на себя особенное вниманіе Начальства. Три раза, по опредѣленію Совѣта Академіи, онъ былъ награждаемъ серебряными медалями. Наконецъ, когда онъ, при окончаніи курса, подъ надзоромъ наставника своего Доброхотова, сочинилъ и вырѣзалъ на камнѣ, въ слѣдствіе заданной Академіею програм-

мы, Дедала и Икара, Совѣтъ присудилъ ему золотую медаль.

Изъ Академіи Художествъ, въ 1824 году, Клепиковъ поступилъ на службу при Санктпетербургскомъ Монетномъ Дворѣ. Здѣсь открылось ему прекрасное поприще какъ Художнику. По назначенію Начальства, онъ занялся рѣзьбою на стали столь извѣстныхъ медальёновъ Графа Ѳ. П. Толстаго (числомъ 20). Ни одинъ изъ Европейскихъ художниковъ нашего времени ничего не произвелъ въ этомъ родѣ равнаго съ прелестными созданіями Графа Толстаго. Блестящее изобрѣтеніе, чудная грація формъ, изумительная правильность рисунка, необыкновенный успѣхъ въ исполненіи цѣлаго и частей — все поражаетъ въ нихъ совершенствомъ. Великій Гёте, котораго еще въ-живыхъ застали медальёны сіи, былъ въ восхищеніи отъ нихъ. Безсмертные подвиги Императора Александра I едва ли не лучшаго нашли Историка въ знаменитомъ нашемъ Художникѣ. Рѣзьба Клепикова повторила всѣ красоты Генія. Въ этомъ же родѣ съ такимъ же мастерствомъ произведено было художникомъ 12 медальёновъ на событія въ продолженіе войны Персидской. Клепикову опять поручено было отъ Начальства и ихъ вырѣзать на стали—что исполнилъ онъ съ прежнимъ успѣхомъ. Обѣ сіи драгоцѣнныя коллекціи отлиты на Монетномъ Дворѣ изъ

бронзы и даже есть экземпляры изъ серебра *. Каждый изъ медальёновъ, прежде окончательной отливки, представляемъ былъ на Высочайшее утвержденіе Государю Императору. Графъ Толстой заготовлялъ пробные свои оттиски изъ воску, а Клепиковъ изъ олова. По окончаніи первой коллекціи, Его Величество, въ вознагражденіе столь успѣшныхъ трудовъ Клепикова, соизволилъ Всемилостивѣйше наградить его драгоцѣннымъ бриліантовымъ перстнемъ. Равной награды отъ Его Величества художникъ удостоился и послѣ второй коллекціи.

Произведенія сіи, какъ памятники и великихъ событій и успѣховъ художества, повсюду встрѣтили въ Европѣ лестное для нихъ одобреніе. Вотъ что писалъ изъ Вѣны (29 февраля, 1836 года) Князь Меттернихъ къ Его Свѣтлости Министру Императорскаго Двора, получивъ экземпляръ медальёновъ: «Сочиненіе и вырѣзка сихъ медалей въ высшей степени «примѣчательны. Едва ли какое государство произво«дило что-нибудь столь изящное въ теченіе послѣд«нихъ столѣтій. Таково общее мнѣніе нашихъ ме«дальёровъ, коихъ главою могу назначить знаменитаго «Людвига Пиклера.»

* Первой коллекціи экземпляръ изъ бронзы продается по 110 р. ас., а второй по 60 р. Серебряные экземпляры есть только первой коллекціи, цѣна 500 р. ас.

Работы Клепикова представляютъ совершенства классическія: правильность рисунка, живость и выразительность фигуръ, мягкость формъ и строгую отчетливость въ ихъ выпуклости. Преданный вполнѣ Искуству, какъ истинный Художникъ, Клепиковъ безпрерывно занятъ своимъ дѣломъ. Исполняя важныя порученія начальства, онъ успѣваетъ удовлетворять многочисленнымъ заказамъ, увеличивая для потомства столь разнообразную, какъ и изящную коллекцію своихъ произведеній. Еще въ Бозѣ почивающая Императрица Марія Ѳеодоровна поручала ему вырѣзать на камнѣ обронно нѣсколько портретовъ Императора Николая Павловича. Для всѣхъ почти Особъ Императорской фамиліи онъ работалъ на камнѣ, отдѣлывая аллегорическія и другія фигуры по назначенію. Разсматриваніе однихъ слѣпковъ, хранящихся въ его мастерской *, доставляетъ истинное удовольствіе любителямъ медальёрнаго искуства и всѣмъ вообще любопытствующимъ видѣть эти прекрасныя произведенія. Для панагіи покойному архимандриту Фотію на большомъ топазѣ обронно вырѣзанъ былъ Клепиковымъ образъ коронованія Божіей Матери; для него же на драгоцѣнныхъ камняхъ— ветхій и новый Завѣтъ. Множество слѣпковъ съ гербовъ первыхъ нашихъ фамилій дополняютъ занимательную коллекцію Клепикова. Онъ работалъ по порученію Графа Паскевича Эриванскаго Князя Варшавскаго,

Мастерская г. Клепикова теперь находится въ Миліонной улицѣ, въ домѣ Поцалуевой.

Графа Г. А. Строгонова, С. С. Уварова, Графа Браницкаго и мн. др. Изъ миѳологическихъ фигуръ особенно любопытны: Амуръ и Психея, Юпитеръ и Леда — работы, произведенныя художникомъ для Англійскаго магазина.

При видѣ такаго множества прелестныхъ произведеній невольно сожалѣешь, что художники наши не довольно любятъ славу Отечества. Они живутъ какъ-бы для настоящаго. Въ ихъ мастерскихъ нѣтъ важнѣйшаго пособія для Исторіи Художества, т. е. подробнаго и полнаго указателя произведеній, хронологически составленнаго, такъ, чтобы внимательный посѣтитель могъ однимъ взглядомъ обнять цѣлый рядъ созданій, принадлежащихъ таланту. Можетъ быть, половина этой вины падаетъ на самое хладнокровіе, съ которымъ иногда принимаются труды человѣка, преданнаго только его Искуству.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Первые четыре вѣка Христіанства. *Въ 8; 488 стран.*

2. Жизнь Святаго Іоанна милостиваго, *Патріарха Александрійскаго. Въ* 8; 84 — *III стран.*

3. Бесѣда въ недѣлю сыропустную, *произнесенная Казанскаго Собора Протоіереемъ* Сергіемъ Владимірскимъ, *при открытіи осьмаго стола для бѣдныхъ, въ Сущевской части,* 25 *Февраля* 1840 *г. Въ* 8; 16 *стран.*

4. *Эмилія Р., или* Жизнь и смерть юной Христіанки. *Въ* 12; 83 *стран.*

Первое изъ приведенныхъ нами сочиненій представляетъ трудъ важный и для всѣхъ равно полезный. Авторъ обратилъ вниманіе на предметъ, котораго изученіе не только питаетъ любознательность, но укрѣпляетъ въ сердцѣ самыя истины Христіанскаго ученія. Съ извѣщеніемъ о сей книгѣ мы соединили указаніе на брошюры, которыя, по цѣли своей и вліянію на читателей, всѣ сходны съ первою.

⁂

5. Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ. *Сочиненіе* князя Петра Долгорукова. *Въ* 8; *XX* — 337 *стран. Съ четырьмя родословными таблицами.*

6. Исторія Императора Наполеона. *Изданіе* В. Семененко-Крамаревскаго. *Въ* 8; 48 *стран.*

7. Влахо-Болгарскія или Дако-Славянскія Граматы, *собранныя и объясненныя* Юріемъ Венелинымъ. *Въ* 8.

8. *Образцы* Славяно-Русскаго Древлеписанія, *издаваемые профессоромъ* Погодинымъ. *Въ-листъ*, 24 *снимка. Тетрадь I.*

Книга, изданная княземъ Петромъ Долгоруковымъ, тѣмъ болѣе достойна всеобщаго вниманія, что въ своемъ родѣ у насъ она первый, кажется, опытъ.

Подробности, касающіяся до жизни замѣчательныхъ людей, способствуютъ къ яснѣйшему изображенію эпохъ въ исторіи всего государства. Кромѣ этой выгоды книга, разсматриваемая нами, заключаетъ драгоцѣнный памятникъ въ историческомъ и литературномъ отношеніи: мы разумѣемъ *Записки княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, по отцу Шереметевой.* Вторая изъ названныхъ нами здѣсь книгъ есть начало однаго изъ тѣхъ изданій, которыя входятъ нынѣ въ большую моду. Это, собственно говоря, не столько литературное предпріятіе, какъ художественное. Горасъ Вернетъ приготовилъ 500 рисунковъ, которыхъ содержаніе относится къ какому-нибудь изъ событій въ жизни Наполеона. Авторъ книги перекладываетъ картинки текстомъ, компилируя его наскоро для рисунковъ. До сихъ поръ расказъ составленъ до покоренія Венеціи, изъ чего вышло пять печатныхъ листовъ. Послѣднія двѣ книги, заключающія въ себѣ матеріалы исторіи Славянъ, не могутъ быть приняты безъ благодарности не только у насъ въ Россіи, но и въ другихъ Славянскихъ земляхъ.

*

9. Виды внутренняго судоходства въ Россіи, *въ* 1839 *году. Въ* 4; 328 *стран.*

10. *Опытъ Статистическаго Обозрѣнія* числа одержимыхъ разнаго рода душевными недугами въ Россіи, *составленный лейбмедикомъ* Рюлемъ. *Съ таблицами. Въ* 8; 19 *стран.*

11. *О состояніи* Демидовскаго Дома призрѣнія Трудящихся, *въ* 1839 *году. Въ* 8; 28 *стран.*

12. *Примѣрное Устройство особаго при Демидовскомъ Домѣ Призрѣнія Трудящихся* учрежденія для снабженія Бѣдныхъ пищею. *Въ* 8; 10 *стран.*

13. *Отчетъ* Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго Училища *за* 1838 *и* 1839 *годы, и* рѣчи, *говоренныя на актѣ онаго, Сентября* 1840 *г. Въ* 4; 33 *стран.*

14. Рѣчи, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи* Императорскаго *Московскаго Университета, и* Краткій отчетъ *о состояніи сего Университета за* 1839—40 *академическій годъ.*

Въ числѣ отчетовъ, которыми такъ ясно обозначается состояніе разныхъ учрежденій Правительства для общенародной пользы, любопытнѣйшимъ должно почесть первый; потому-что онъ обнимая обширнѣйшее вѣдомство, заключаетъ въ себѣ

важнѣйшіе факты, которыхъ знаніе доводитъ до объясненія многихъ историческихъ явленій.

*

15. Путешествіе по Египту и Нубіи *въ* 1834–1835 *г.*, Авраама Норова, *служащее дополненіемъ къ* Путешествію по Святой Землѣ *Двѣ части. Въ* 8; 378 *и* 388 *стран. Съ двадцатью картинами, гравированными на стали.*

16. *Путевыя записки* о Троицкой Лаврѣ, *содержащія въ себѣ обзоръ достопамятностей Троицкой дороги, Лавры и Виѳаніи, съ политипажными видами и древнимъ изображеніемъ Сергіева Монастыря.* И. С. *Въ* 8; 56 *стран.*

17. Красоты Финскаго Залива. *Въ* 8; 76 *стран.*

18. *Записки* Александры Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ *Казанской губерніи. Въ* 8; 329 *стран.*

Описанія и расказы, составляемые путешественниками подъ вліяніемъ впечатлѣній собственныхъ, всегда сильно дѣйствуютъ на читателя. Но ежели къ занимательности предметовъ присовокупляется въ авторѣ талантъ, который чувствуетъ всѣ оттѣнки любопытныхъ сторонъ каждой вещи, въ такомъ слу-

чаѣ книга достигаетъ для насъ высочайшей цѣны. Изъ всѣхъ, названныхъ нами, путешествій первое увлекательнѣе прочихъ не только потому, что самое содержаніе его такъ заманчиво, но и образъ созерцанія и духъ автора и разнообразіе его свѣдѣній—все сообщаетъ его книгѣ достоинство первоклассное.

*

19. *Утренняя Заря*, Альманахъ на 1841 годъ, *изданный* В. Владиславлевымъ. Третій годъ. *Въ 8; 394 стран. Съ одиннадцатью гравюрами.*

Эту книгу ни съ чѣмъ нельзя вѣрнѣе сравнить, какъ съ прекраснымъ лицомъ, которое и тѣмъ ужъ восхищаетъ васъ, что вы на него смотрите, а если изъ устъ его услышите вы звуки, они приводятъ въ трепетъ сердце ваше. Попробуемъ сдѣлать опытъ. Кто изъ читателей нашихъ устоитъ противъ него?

«Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;

Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила—въ день свиданья,
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

«Но тамъ, увы! гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
А съ нимъ и поцалуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой...»

*

20. Судъ въ Ревельскомъ Магистратѣ, *романъ изъ исторіи Эстляндіи XVI столѣтія. Сочиненіе* барона Феодора Корфа. *Двѣ части. Въ* 8; 244 *и* 200 *стран.*

21. *Собраніе сочиненій* Основьяненка. Панъ Халявскій. *Съ картинками. Двѣ части. Въ* 8; 167 *и* 166 *стран.*

Для отдѣленія романовъ и повѣстей, о которыхъ, соотвѣтственно времени ихъ выхода, мы должны говорить непремѣнно въ нынѣшнемъ № Совре-

менника, у насъ большой запасъ. Потому-то мы и спѣшимъ отличить отъ прочихъ два сочиненія сіи, ничѣмъ не похожія на своихъ современниковъ. Историческій романъ: *Судъ въ Ревельскомъ Магистратѣ*, какъ живая и яркая картина нравовъ, повѣрій, домашней жизни, отношеній между рыцарствомъ и горожанами Эстляндіи XVI столѣтія, въ высшей степени занимателенъ для читателей. Авторъ добросовѣстно изучилъ все, что необходимо было для художническаго исполненія романа, въ которомъ должна была отразиться, какъ въ чистомъ и вѣрномъ зеркалѣ, старина Ревеля. Характеръ таланта Барона Ѳ. Ѳ. Корфа уже отчасти извѣстенъ читателямъ нашимъ по отзывамъ, которые мы представляли, говоря о прежнихъ его сочиненіяхъ. Въ немъ прекрасно слиты противоположности трогательнаго и юмористическаго. Но здѣсь мы встрѣтили новыя черты. Умилительныя картины набожности въ чувствахъ и столь рѣдкая въ наше время простота изложенія придаютъ роману прелесть, которой бы мы напрасно стали искать въ другихъ сочиненіяхъ сего рода. Авторъ расказываетъ такъ свободно, безъ притязаній на эффектность, что расказъ его болѣе походитъ на бесѣду умнаго очевидца, нежели на отчетъ самодовольнаго педанта. Между тѣмъ занимательность, сама собою, такъ возрастаетъ по мѣрѣ чтенія, что при концѣ романа возникаютъ передъ вами въ гигантскомъ образѣ эти двѣ олицетворенныя и вѣчно борющіяся силы государствъ въ среднихъ вѣкахъ: сословіе город-

скихъ общинъ и сословіе гордыхъ дворянъ — обитателей замковъ. *Панъ Халявскій* извѣстенъ былъ публикѣ по двумъ отрывкамъ, прошлаго году напечатаннымъ въ Отеч. Записк. Онъ между-тѣмъ въ полномъ составѣ своемъ есть большая повѣсть въ двухъ частяхъ. Издатели напечатали ее какъ первый томъ полнаго собранія сочиненій Основьяненки. Удобство и дешевизна пріобрѣтенія всѣхъ сочиненій самаго любимаго въ наше время автора безъ сомнѣнія распространятъ эти книги по всей Россіи. Нѣтъ нужды подписываться предварительно. Всякой за бездѣлицу покупаетъ тѣ томы, которые кому по вкусу. Веселость, острота, живыя шутки, неподражаемая вѣрность натурѣ въ каждой чертѣ характеровъ, въ каждомъ словѣ дѣйствующихъ лицъ такое производятъ обаяніе на читателя, что *Панъ Халявскій* перестаетъ теперь быть вымышленнымъ лицомъ: это живой герой, котораго подвиги, привычки, особенности, наружность, умственныя и моральныя качества внесены авторомъ въ наши представленія, въ наши мечты, въ разговоры, какъ нѣкогда миѳическіе образы Греціи, помощію безсмертныхъ созданій художниковъ и поэтовъ, слились съ ея историческими лицами.

22. *Ольга.* Бытъ Русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. *Сочиненіе* автора Семейства Холмскихъ. *Четыре части. Въ* 12; 226, 252, 216 *и* 212 *стран.*

23. **Ярчукъ, Собака-духовидецъ.** *Сочиненіе* Александрова (Дуровой). *Въ двухъ частяхъ. Въ* 12; 149 *и* 161 *стран.*

24. **Кладъ.** *Сочиненіе* Александрова (Дуровой). *Въ* 12; 289 *стран.*

25. **Сицкій, Капитанъ Фрегата.** *Сочиненіе* Князя Н. Мышицкаго. *Три части. Въ* 12; 326 277 *и* 327 *стран.*

Остановимся еще разъ до конца выписки всѣхъ повѣстей и романовъ. Въ означенныхъ нами четырехъ книгахъ есть достоинства положительныя: заманчивость происшествій, живость, даже оттѣнки характеровъ. Если бы съ такими достоинствами сочиненія сіи написаны были на Французскомъ языкѣ, на этомъ благодатномъ нарѣчіи, все облагороживающемъ, все уравниваюшемъ и неподчиняющемся никакимъ взысканіямъ, кромѣ неумолимой грамматики, ихъ читали бы съ полнымъ удовольствіемъ, повторяя съ умиленіемъ: comme c'est bien ecrit! Но по-Русски эта безцвѣтная прелесть ничего не значитъ. Мы сочувствуемъ одной неподдѣльной жизни. Не читать мы любимъ, а ощущать силу и точность каждаго выраженія, слѣдовать слухомъ, глазами и участіемъ за всѣми перемѣнами расказа, за явленіемъ новыхъ лицъ, ихъ физіономіи, страстей, привычекъ, принадлежащихъ вѣку, мѣсту, званію, воз-

расту и проч. Съ такими ожиданіями конечно не многія мы сочиненія прочтемъ съ полнымъ удовольствіемъ — и похвалимъ не за языкъ, а за жизнь, за истину.

26. **Митя купеческой сынокъ.** *Расказъ. Соч.* Г... *Въ* 12; 69 *стран.*

27. **Женихъ въ-заперти.** *Нравственно-сатирическій романъ комическій, въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Въ* 12; 148 *стран.*

28. **Похожденія** *и странныя приключенія лысаго и безносаго* **жениха** *Ѳомы Ѳомича Завардухина. Юмористическое чудо XIX вѣка, расказанное поклоннику Шекспира демономъ юной словесности. Въ* 12; 76 *стран.*

*

29. **Стихотворенія М. Лермонтова.** *Въ* 12; 168 *стран.*

Г. Лермонтовъ принадлежитъ къ небольшому числу современныхъ намъ поэтовъ, которые независимостію таланта и вѣрностію чувства умѣли защититься отъ вліянія страннаго и ошибочнаго вкуса, овладѣвшаго толпою писателей. Онъ, какъ истинный поэтъ, въ каждомъ предметѣ усматриваетъ новую

сторону, чтобы въ изображеніи мысли чувствуемо было его созданіе. Языкъ совершенно повинуется требованіямъ воображенія его, глубокомыслія и мечтательности. Не всѣ его стихотворенія равно счастливо выдержаны и кончены; но то, что успѣлъ онъ проникнуть своимъ умомъ, уже отпечатлѣлось ясно и живо. Изданіе стихотвореній его возбуждаетъ много утѣшительнаго по двумъ особенно обстоятельствамъ: во-первыхъ, перебирая пьесы его, чувствуешь, какъ онъ замѣтно совершенствуется — доказательство, что поэзія составляетъ сущность его внутренней жизни; во-вторыхъ, онъ ни сколько неодностороненъ — преимущество, которымъ не многіе могутъ похвалиться. Если удастся ему замѣнить точными и простыми выраженіями нѣсколько фразъ иперболическихъ и невполнѣ соотвѣтствующихъ первоначальной мысли, онъ придастъ своей поэзіи новое и надежное совершенство.

30. Писатель. *Повѣсть въ стихахъ. Глава первая. Соч.* Н. Н. Ѳедорова. *Въ* 16; 60 *стран.*

31. Леонидъ, *или Ночная Лампада. Стихотворный разсказъ. Сочиненіе* И. Н—ва. *Въ* 12; 133 *стран.*

32. Пѣснь Русскаго Барда. *Въ* 8; 22 *стран.*

33. Семь столовъ для бѣдныхъ *въ Богоблагословенной Москвѣ.* И. Д. *Въ* 16; 14 *стран.*

Этаго разбора стихотворенія не подлежатъ сужденію.

34. **Древнія Русскія стихотворенія**, *служащія въ дополненіе къ Киршѣ Данилову, собранныя* М. Сухановымъ. *Въ* 8; 52 *стран.*

Собранія памятниковъ народной поэзіи, представляя самое живое и вѣрное дополненіе къ исторіи народнаго духа, всегда будутъ принимаемы съ благодарностію, если только они извлечены изъ надлежащихъ источниковъ, а не перепечатаны, подобно безчисленному множеству пѣсенниковъ, съ изданій безграмотныхъ и искаженныхъ. Трудъ г. Суханова благонамѣренный и добросовѣстный. Его примѣръ достоинъ соревнованія.

35. **Вѣтка** Іереміи Галки. *Въ* 8; 88 *стран.*

Лирическія стихотворенія на Малороссійскомъ языкѣ. Нѣсколько разъ мы уже имѣли случай говорить, что думаемъ о новыхъ явленіяхъ литературы на провинціальномъ нарѣчіи: чѣмъ лучше они, тѣмъ болѣе возбуждаютъ сожалѣнія, потому-что не вступаютъ въ область національнаго достоянія.

36. **Престарѣлая Кокетка**, *или мнимые женихи, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе* Т. Мо-

ствило-Головача. *Съ портретомъ автора. Въ 8; 78 стран.*

Въ этой комедіи столько же истинно-комическаго и вѣрнаго въ нравахъ, сколько и въ большей части нашихъ сочиненій сего рода. Въ наше время, кажется, уже нѣтъ нужды издавать ихъ отдѣльными брошюрами. Благодаря заботливости благоразумныхъ людей, которые съ сожалѣніемъ видѣли, что всѣ наши драматическія сочиненія въ отдѣльныхъ изданіяхъ погибаютъ, теперь выдумано для нихъ много періодическихъ сборниковъ, гдѣ безъ сомнѣнія нашла бы пристойное мѣсто и *Престарѣлая Кокетка.*

*

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ самая обильная жатва созрѣла въ томъ отдѣленіи Литературы, которое называется: Учебныя Книги. Надобно отдать справедливость заботливости Русскихъ педагоговъ: они всегда щедрою рукою вносятъ свою дань въ сокровищницу умственнаго богатства. Нынѣ ихъ приношеніе было не только разнообразно, но и тщательно обработано—и потому мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на ихъ произведенія.

37. История Русской Философіи, *Зилантовскаго Архимандрита* Гавріила. *Въ 8; 158 стран.*

38. Руководство къ Опытной Психологіи, *составленное Ор. Проф. Унив. Св. Владиміра* Орестомъ Новицкимъ. *Въ* 8; 488 *стран.*

39. Основанія Государственнаго благоустройства, *съ примѣненіемъ къ Россійскимъ законамъ. Сочиненіе Адъюнкта по каѳедрѣ законовъ Государственнаго Благоустройства и благочинія въ* Императорскомъ *Санктпетербургскомъ Университетѣ, Доктора Правъ,* Н. Рождественскаго. *Въ* 8; 465 *стран.*

40. Краткая Грузинская Исторія. А. Марсова. *Въ* 8; 64 *стран.*

41. *Исторія для дѣтей.* Исторія древнихъ народовъ. *Подарокъ дѣтямъ на* 1841 *годъ. Въ* 8; *VI и* 84 *стран.*

42. Учебный курсъ всеобщей географіи *въ математическомъ, физическомъ и политическомъ отношеніи. Составилъ по новому методическому плану сравнительно съ древнею географіею* И. Эйнерлингъ. *Первый выпускъ. Въ* 12; 124 *стран.*

43. Учебная всеобщая географія, *служащая текстомъ всеобщему классическому атласу древней средних вѣковъ и новой географіи, изъ* 88 *картъ, въ* 16 *долю листа состоящему, съ присовокупле-*

ніемъ 20 чертежей и фигуръ къ математической географіи. Составилъ и издалъ И. Эйнерлингъ.

44. Всеобщій учебный атласъ древнихъ вѣковъ и новой географіи В. Ловасера, *состоящій изъ 28 картъ, въ 16 долю листа, изъ коихъ 11 двойныхъ, съ присовокупленіемъ текста и 20 картъ, чертежей и фигуръ, до математической географіи относящихся. Составилъ и издалъ* И. Эйнерлингъ.

45. Собраніе 21 карточки чертежей и фигуръ, относящихся до математической географіи, *и служащихъ къ объясненію текста учебнаго курса всеобщей географіи. Составилъ и издалъ* И. Эйнерлингъ.

46. *Начертаніе правилъ* Валахо-Молдавской грамматики, *составленное* Я. Гинкуловымъ. *Въ* 8; *XVIII и* 374 *стран.*

47. *Собраніе сочиненій и переводовъ въ прозѣ и стихахъ, для* упражненія въ Валахо-Молдавскомъ языкѣ, *съ присовокупленіемъ* 1) *Словаря,* 2) *Собранія Славянскихъ первобытныхъ словъ, употребляемыхъ въ языкѣ Валахо-Молдавскомъ, составленное* Я. Гинкуловымъ. *Въ* 8; 200 *стран.*

48. **Элементарный курсъ Французскаго языка**, *составленъ* В. А. Эртелемъ. *Въ* 8; 37 *стран.*

49. **Новѣйшій, Французскій самоучитель,** *или легчайшій способъ узнать сей языкъ безъ помощи учителя, приспособленный къ Русскому выговору и составленный по новѣйшимъ методамъ. Въ* 8; 89 *стран.*

Одна только послѣдняя изъ приведенныхъ книгъ ни сколько не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Въ ея заглавіи обѣщано то, чего невозможно исполнить, какъ всякому это извѣстно.

*

50. **О значеніи Россіи** *въ семействѣ Европейскихъ народовъ. Соч.* И. Кулжинскаго. *Въ* 8; 27 *стран.*

51. **О значеніи законовъ.** *Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра правъ кандидатомъ* Михаиломъ Соловьевымъ. *Въ* 8; 73 *стран.*

52. **О развитіи цвѣтка и яичка въ растеніи Tradescantia Virginica L.** *Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра философіи* Н. Желѣзновымъ. *Въ* 8; 45 *стран.*

53. О ногахъ птицъ *въ отношеніи къ систематическому дѣленію этаго класса. Часть I. Остеологія. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра философіи* Императорскаго *Санктпетербургскаго Университета кандидатомъ* К. Кеслеромъ. *Въ* 8; 104, 15 *и* 11 *стран.*

Исключая первую брошюру, въ которой не довольно отчетисто и удовлетворительно развита столь важная мысль, прочія любопытны и достойны особеннаго вниманія, какъ залоги распространенія успѣховъ наукъ положительныхъ и какъ доказательства прекраснаго направленія юныхъ умовъ.

*

54. Полная школа пѣнія, *въ трехъ частяхъ, составленная* Александромъ Варламовымъ. *Три части. Въ I*—20, *во* 2—30, *и въ* 3—43 *стран.*

Прелестный подарокъ любителямъ музыки. Талантъ автора всѣмъ извѣстенъ. Онъ болѣе другихъ въ-правѣ развить теорію того, что онъ оправдалъ практикою такъ блистательно.

*

55. Сводъ Постановленій о общественномъ воспитаніи дѣтей мужескаго пола въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Импе-

ріи. *Составленъ и изданъ* Иваномъ Пушкаревымъ. *Въ* 8; *XIV и* 323 *стран.*

*

56. Руководство къ оперативной хирургіи, *сочиненное академикомъ* Христіаномъ Соломономъ. *Двѣ части. Въ* 8; 208 *и* 488 *стран.*

57. Физіологія, *изданная* Алексѣемъ Филомаѳитскимъ, *медицины докторомъ, и проч. Три части. Въ* 8; 448, 438 *и* 256—*III стран. Съ семью литограф. чертежами.*

58. Руководство къ повивальному искуству, *составленное* Францомъ Гефтомъ, *профессоромъ при родовспомогательномъ заведеніи* Императорскаго *Санктпетербургскаго Воспитательнаго дома, и проч. Двѣ части. Въ* 8; *XXVI*—220 *и X*—300 *стран.*

59. *Правила* для употребленія Маріенбадскихъ водъ, *холодныхъ и теплыхъ ваннъ на дому и въ заведеніи. Въ* 8; *II*—48 *стран.*

Все отдѣленіе медицинскихъ книгъ, кромѣ последней, обогащаетъ науку замѣчательными и удобопримѣняющимися истинами, потому-что каждое сочи-

неніе есть плодъ долгихъ наблюденій, учености и опытовъ. Что касается до правилъ, которыми *будто* можно всѣмъ руководствоваться, они явно противорѣчатъ здравому смыслу, предписывающему при употребленіи медицинскихъ пособій доходить прежде до причины болѣзни.

✻

60. Биржевые расчеты *для сравненія Санктпетербургскихъ цѣнъ съ Англійскими*; и привозные товары *по всякому вексельному курсу, составлены агентомъ* Карломъ Кларкомъ. *Продолговат. формат. VII*—178 *стран.*

61. *Карманная книжка* для подробнаго переложенія золота на серебро и на ассигнаціи *съ показаніемъ числа имперіаловъ и полуимперіаловъ отъ* 1-*го до* 3.000,000 *р. золотомъ. Въ* 16; 60 *стран.*

62. *Новый кратчайшій и легчайшій табличный* способъ вычислять квадратныя таблицы. *Въ* 8; 44 *стран.*

63. *Русская нумизматика, или вспомогательныя* таблицы для счисленія денегъ: *серебро на ассигнаціи и золото; ассигнаціи на серебро и золото,*

составленныя А. Ер. Ерцомъ. *Продолговат. формат.*; 64 *стран.*

Первыя двѣ книги могутъ принести дѣйствительную пользу занимающемуся многосложными расчетами и переводомъ денегъ изъ однаго вида въ другой. Но послѣднія два сочиненія ни къ чему не служатъ и ничего не облегчаютъ.

*

64. О всеобщемъ недостаткѣ дровъ *и о новооткрытомъ способѣ замѣнить ихъ торфомъ и проч. Въ* 8; 24 *стран.*

65. *Наставленіе, какъ обходиться съ* пневматическимъ отапливаніемъ. *Въ* 8; 8 *стран.*

66. *Практическое руководство для устройства усовершенствованныхъ* веревчатыхъ приводовъ для передачи движенія *на всякомъ разстояніи съ наименьшею потерею дѣйствующей силы, составленное инженеръ-механикомъ Строительнаго Департамента Морскаго Министерства, и проч. Д. Дп*-го, *Въ* 8; *VIII*—36 *стран. Съ чертежами.*

67. **Объ уничтоженіи** *въ короткое время* **сырости въ домахъ.** *Въ* 8; 8 *стран. Съ рисункомъ.*

До сихъ поръ все идетъ въ порядкѣ. Хоть и о хозяйствѣ, но дѣльно и удобопонятно писано. Видно, что, почитавъ не очень толковитыхъ сочиненій по этой части, наши автора-хозяева рѣшились писать исправнѣе. Остались однако же книгодѣлатели и старой школы. Вотъ пхъ творенія:

68. *Карманная книжка Русскаго барина-охотника, или собраніе наставленій, относящихся* **къ рыбной, птичьей и звѣриной ловлѣ и къ стрѣлянію птицъ и звѣрей.** *Составлена по совѣтамъ опытнаго охотника. Въ* 18; *VII*—63 *стран.*

69. **Бесѣды о пчеловодствѣ,** *или наставленіе, какъ разводить и улучшать пчелъ и получать отъ нихъ вѣрный доходъ. Извлечено изъ сочиненій* Крейсига, Пата *и другихъ иностранныхъ и Русскихъ писателей пчеловодовъ. Въ* 12; 63 — *VII стран.*

*

70. **Вѣстникъ въ потомствѣ,** *или милосердіе съ небесъ. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Въ* 12; 24 *стран.*

Это последнее отделеніе новыхъ книгъ обыкновенно мы назначаемъ для сочиненій, которыя не более имеютъ права называться произведеніями словесности, какъ лубочныя картинки художественчыми произведеніями. Сюда попадаются безграмотныя изданія песенниковъ, анекдотовъ о Балакиреве, романы столь известнаго Орлова, некоторыхъ романистовъ еще живыхъ, и въ томъ числе по всемъ правамъ творенія г. Кузмичева.

II.

Въ последніе три месяца изданы въ дополненіе къ прежде-вышедшимъ частямъ следующія сочиненія.

71. Исторія Россіи *въ расказахъ для детей. Сочиненіе* Александры Ишимовой. Часть шестая (последняя). *Въ 12; 445 стран. Съ XLVI и XLVII родословными таблицами.*

Въ этой части, которою Сочинительница окончила свой прекрасный и общеполезный трудъ, помещены следующіе *одиннадцать* расказовъ: Императоръ Павелъ I. 2. Императрица Марія. 3. Русскіе въ Италіи и Швейцаріи. 4. Состояніе Европы въ первые четыре года царствованія Императора Александра I. 5. Войны съ Франціею и миръ Тильзитскій. 6. Финляндія. 7. Новые успехи Рус-

скихъ въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ. 8. Отечественная война. 9. Александръ въ Парижѣ. 10. Конгрессъ въ Вѣнѣ. 11. Послѣднія десять лѣтъ царствованія Александра I-го.

Русская литература нашего времени едва ли можетъ представить наблюдателю что-нибудь уважительнѣе и добросовѣстнѣе этаго произведенія, выдержаннаго отъ первой части до послѣдней съ такимъ ровнымъ совершенствомъ, съ такимъ умомъ и вкусомъ. Если воспитаніе юношества должно быть устремлено преимущественно на то, чтобы изъ дѣтей образовать для отечества полезныхъ гражданъ и умныхъ матерей семействъ, то книга, о которой мы говоримъ, есть основа этаго желаемаго воспитанія: безъ нея не было способа съ лучшихъ раннихъ лѣтъ постоянно дѣйствовать на сердца дѣтей при развитіи въ нихъ истинной любви ко всему прекрасному въ отечествѣ. Для дѣтей, равно какъ и для человѣка въ совершенномъ возрастѣ, убѣжденіе, т. е. сердечная вѣра, начинается съ истины, облеченной въ пріятнѣйшую форму и образующей изъ своихъ частей такое цѣлое, въ которомъ душа сознаетъ жизнь, краски, движеніе и стройность. Въ этомъ смыслѣ *Исторія Россіи въ расказахъ для дѣтей* есть убѣдительнѣйшее сочиненіе: въ каждомъ его періодѣ, въ каждой эпохѣ, даже въ каждомъ историческомъ лицѣ господствуетъ интересъ и выраженіе истины, представленной живо, граціозно и съ надлежащей полнотою. Книга сія, сдѣлав-

шаяся по первымъ своимъ частямъ уже необходимымъ пособіемъ наставниковъ и наставницъ для хорошаго воспитанія, теперь, въ полномъ объемѣ, должна войти во всеобщее употребленіе. Въ ней не Исторія одна: въ ней образецъ того увлекательнаго слога, той ясности языка, той живости расказа и силы моральныхъ выводовъ, которые тщетно передаются объясненіями и которые чтеніемъ незамѣтно сообщаются душѣ.

*

72. *Вопросы и задачи* изъ Греческой Этимологіи (*По грамматикѣ г-на Д—ра* Герм. Шада). *Въ* 8; 40 *стран.*

Продолженіе той книги, которая прежде означена была заглавіемъ: «Вопросы и задачи изъ Греческаго Синтаксиса.»

73. Русско-Англійскій Словарь, *составленный* Яковомъ Банксомъ. Томъ второй. *II* — V. *Въ* 8; 746 *стран.*

*

74. *Опытъ системы* практической медицины, Прохора Чаруковскаго, *доктора и проч.* Часть четвертая, *содержащая хроническія болѣзни мѣстныя. Въ* 8; 208 *стран.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. **Исторія первобытной Христіанской церкви у Словянъ.** *Изъ книги Мацеевскаго: Записки объ исторіи, письменности и законодательствѣ Словянъ. Переводъ* Орестъ Евецкій. *Въ* 8; 337 *стран.*

Нельзя было выбрать книги, достойнѣе вниманія и изученія нашего, какъ по важности предмета, такъ и по достовѣрности источниковъ, которыми руководствовался авторъ. Сверхъ того переводчикъ присоединилъ нѣсколько дополненій, чѣмъ доставилъ труду своему окончательное совершенство.

2. Разговоры о Религіи *относительно Бога и Его свойствъ. Перевела съ Нѣмецкаго* П. Г--на. *Въ* 8; 226 *стран.*

3. *Поучительныя бесѣды* о великомъ Божіемъ мірѣ *или наставительныя толкованія, объясняющія въ простыхъ и понятныхъ словахъ великія явленія природы. Въ* 12; 86 *стран.*

*

4. Лирическій Пантеонъ. А. Ф. *Въ* 8; 120 *стран.*

Здѣсь собрано нѣсколько опытовъ въ переводахъ. Греческіе, Латинскіе и Нѣмецкіе лирики поочередно привлекали къ себѣ вниманіе переводчика. Трудъ его и полезенъ и утѣшителенъ; потому-что, знакомя читателей съ великими поэтами, переводчикъ видимо одушевляется ими, и стихамъ своимъ часто сообщаетъ ту простоту и грацію, которыя нынѣ такъ рѣдки у поэтовъ.

5. Одиссея Гомера. *Переводъ съ Греческаго, въ стихахъ, размѣромъ подлинника, съ примѣчаніями переводчика и съ рисунками Флаксмана. Часть* I. Пѣснь I. *Въ* 8; 12 *стран.*

Прочитавъ предисловіе переводчика и переведенную имъ первую пѣснь Одиссеи, мы не могли не удивиться непростительной поспѣшности, съ которою онъ вздумалъ рѣшить важнѣйшіе вопросы въ литературѣ и совершить трудъ, требующій предварительнаго, долговременнаго изученія древности. «Въ настоя-«щее время (говоритъ переводчикъ) стали смотрѣть «у насъ на Гомера, какъ на что-то классическое, су-«хое, старое, несвойственное духу XIX вѣка.» *Классическое* не значитъ *сухое*. Оно представляетъ только историческій отдѣлъ, ознаменованный особенностями жизни, вѣры, нравовъ, формъ языка и самыхъ формъ словесности. Подражанія можно назвать сухими, потому-что въ нихъ усиливаются возсоздать жизнь, чуждую намъ, постигаемую одними соображеніями, неиспытываемую чувствомъ. *Старое и несвойственное духу XIX вѣка*—въ этомъ всѣ убѣждены по объясненію вышеприведенному. «И это, разумѣется, произошло «(продолжаетъ переводчикъ) отъ переводчиковъ, кото-«рые старались удержать внѣшнія формы Иліады.» За это надобно благодарить переводчиковъ. Формы языка и словесности не произвольны, а тѣсно связаны съ духомъ древности. Ни живописцы, ни скульпторы не отступаютъ отъ этаго правила. Да и самъ переводчикъ, конечно не безъ намѣренія, сказалъ, что онъ перевелъ Одиссею размѣромъ подлинника. «Гомеръ «(говоритъ онъ далѣе) хотя и пережилъ тысячелѣтія, «но всегда свѣжъ, бодръ и юнъ. Какъ же можно «прекраснаго юношу одѣвать въ старческое рубище?»

Благомыслящіе переводчики не въ рубище одѣвали его, а въ то платье, которое онъ носилъ сообразно съ своимъ вѣкомъ и мѣстностію. «Поэмы Гомера соотвѣт-«ствуютъ вполнѣ романамъ нынѣшняго времени; въ «нихъ также занимаетъ главное мѣсто любовь и раз-«ныя положенія человѣка въ жизни.» Здѣсь истина перемѣшана съ понятіями несовсѣмъ вѣрными. Что *разныя положенія человѣка въ жизни* составляютъ, составляли и будутъ составлять предметъ поэмъ и романовъ — въ этомъ никто не сомнѣвается; но жизнь, какъ сказано, не является вездѣ и всегда въ однихъ и тѣхъ же образахъ. Что касается до *любви*, будто она также преобладала въ сочиненіяхъ древнихъ, какъ преобладаетъ у новѣйшихъ—это несправедливо. Христіанская религія и нравы рыцарства возвели это прекрасное чувство на ту степень, на которой мы его увидѣли повсюду у новѣйшихъ народовъ. Древніе народы, которыхъ исторію удалось намъ изучить въ ихъ литературѣ, гораздо выше любви ставили патріотизмъ. И такъ у насъ господствуетъ любовь къ лицамъ, а у нихъ преобладала любовь къ отечеству или къ одному политическому цѣлому. «Иліаду переводили у насъ: «Гнѣдичь, Жуковскій, Екимовъ, Костровъ и Марты-«новъ.» Странное сочетаніе именъ и трудовъ! Переводчикъ Одиссеи, съ новыми идеями, только и долженъ былъ заняться Гнѣдичемъ, литераторомъ, посвятившимъ Иліадѣ лучшіе годы жизни своей и кончившимъ свое предпріятіе. Онъ у насъ основатель системы, какъ должно переводить древнихъ. Жу-

ковскій совершенно согласенъ былъ съ нимъ, отличаясь въ переведенныхъ имъ отрывкахъ одною мягкостію и сладкозвучіемъ гекзаметра — что было слѣдствіемъ не разномыслія его съ Гнѣдичемъ, а собственнаго его слога. «При переводѣ Одиссеи я «старался удержать вездѣ мысли, духъ и выраженіе «Гомера, и потому взялъ смѣлость ввести въ свой «экзаметръ амфибрахіи, который свойственнѣе Рус«скому языку, и хотя вполнѣ удерживаетъ цезуру, «но легче въ чтеніи, болѣе соединяя конецъ од«ной строки съ началомъ другой.» Первая мысль очень похвальна; вторая объ *амфибрахіи* странна. Поэму, написанную однимъ размѣромъ, переводить разными, смотря, гдѣ что выйдетъ, не согласно ни съ чѣмъ. Конечно, еще легче, по мѣрѣ надобности, допускать и анапестъ, и ямбъ, и хорей; но гдѣ жъ будетъ единство созданія? гдѣ жъ *размѣръ подлинника*, обѣщанный въ заглавіи? Нѣтъ, мы не совѣтуемъ переводчику продолжать трудъ, если онъ останется при столь неясныхъ и даже невѣрныхъ мысляхъ на счетъ литературы. Гнѣдичь прочиталъ все, что только когда-нибудь писано было объ Иліадѣ по-Гречески, по-Латынѣ, по-Нѣмецки, по-Французски, по-Англійски и по-Новогречески. Онъ изучилъ древности, топографію, нумизматику, костюмы, анатомію, образъ войны и правленія Грековъ; потому-что въ Иліадѣ до всего этаго дѣло касается. Гнѣдичь рѣшился напечатать переводъ свой, свѣривъ его нѣсколько разъ съ подлинникомъ во всѣхъ отношеніяхъ—

и напечаталъ его со всею исправностію, какъ книгу, которая, если не совершенствомъ его перевода, такъ именемъ Гомера, заслужила названіе *училища царей и народовъ*. Въ напечатанномъ листкѣ Одиссеи нѣтъ почти строчки, въ которой бы не осталось типографической ошибки. Мы совѣтуемъ переводчику Одиссеи, взявъ за образецъ Гнѣдича въ исполненіи столь важнаго предпріятія, уничтожить напечатанный листокъ, оставить мысль издавать тетрадями — и посвятить себя долгому, безмолвному труду, если онъ любитъ литературу и славу и если онъ желаетъ заслужить безсмертіе Гнѣдича, не двусмысленное, но утѣшительное, и тѣмъ болѣе завидное, что съ его славою соединяется и слава Отечества, и слава Того, Кто удостоилъ поставить имя Свое въ заглавіи Гнѣдичевой Иліады.

*

6. Сравнительная карта главныхъ рѣкъ на землѣ. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Одинъ листъ.*

*

7. Анна Россъ. *Повѣсть для дѣтей. Соч. миссъ* Грассъ Кеннеди. *Перевелъ съ Нѣмецкаго* Н. Б...е. *Въ* 12; 153 *стран.*

Англійскій оригиналъ этой повѣсти пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ, наравнѣ съ первоклассными произведеніями, назначенными для дѣтскаго чтенія. Простотою и занимательностію расказа онъ такъ благотворно и усладительно дѣйствуетъ на маленькихъ читателей, и читательницъ особенно, что его перечитываютъ по нѣскольку разъ — и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Переводчикъ не съ оригинала передалъ его на Русской языкъ. Эта двойственная передѣлка конечно отняла много прелести у книжки.

*

8. *Правила, употребляемыя при* **облежаніи крѣпостей**, *распредѣленіи, расположеніи и дѣйствіи войскъ подъ оными. Въ* 16; 98 *стран.*

*

9. *Руководство къ* **приготовленію Ярп-мѣдянки**, *или кристаллизованной уксусо-кислой мѣди (яри венеціанской, или венецейской). Сочин.* Л. Севаст. Ленорманъ, *и проч. Съ Французскаго перевелъ* Карлъ Сиверсъ, *и проч. Въ* 8; 89 — *XIV стран.*

*

10. *Ручная книга* **физіологіи человѣка**. *Сочиненіе доктора* Буркарда Эбле. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 8; 689 *стран.*

Важность сочиненія и успѣхъ перевода заслуживаютъ, чтобы эта книга пріобрѣла всеобщую извѣстность между образованными у насъ людьми, даже непринадлежащими къ классу медиковъ; потому-что изученіе физіологіи человѣка не чуждо никому, кто пріучился наблюдать за собою.

11. **Объ отравленіи виномъ.** *Сочиненіе* Гуфеланда. *Въ* 12; 16 *стран.*

Хотя по содержанію своему эта брошюра относится къ разряду медицинскихъ книгъ, но по цѣли и самому изложенію она принадлежитъ собственно къ отдѣленію нравоучительныхъ. Мы желаемъ, чтобы такаго рода книги распространяемы были у насъ между людьми простаго званія.

*

12. *Руководство ко введенію* **правильнаго въ лѣсахъ хозяйства и таксаціи лѣсовъ.** *Сочиненіе* Гейнриха Котты, *Королевско-Саксонскаго совѣтника лѣснаго правленія. Перевелъ съ Нѣм.* Ив. Серебрениковъ. *Иждивеніемъ* Высочайше *учрежденнаго общества для поощренія лѣснаго хозяйства. Въ* 8; *XV* — 156 — 27 *стран.*

II.

13. **Военная библіотека**, *съ* **Высочайшаго** *соизволенія посвященная Россійской арміи. Издаваемая* И. Глазуновымъ *на* 1839 *годъ.* Т. VI. *Въ* 8; 292 *стран.*

*

14. **Библіотека романовъ, повѣстей и путешествій**, *издаваемая книгопродавцемъ* Н. У. Выпускъ второй. Томъ пятый. Леоне де Леони, *соч.* Ж. Занда; *перев. съ Фр.* Н. М. Н. *Въ* 12; 219 *стран.*

*

15. *Хозяйственно-практическое наставленіе* **о содержаніи всѣхъ родовъ огородныхъ овощей,** *и проч. Съ присовокупленіемъ правилъ* **о поливкѣ горшечныхъ растеній,** *и проч. и* **общаго садоваго календаря.** *Извлечено изъ сочиненій извѣстнаго Русскаго садовода* Ивана Цигры. *Переводъ съ Нѣмецкаго* И. Р—ца. Части II и III. Въ 8; 184 *и* IV — 89 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. Ханскій чай. *Сельскій водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч.* Е. Алипанова. Изданіе второе. *Въ 16; 92 стран.*

*

2. *Басни и сказки* Ив. Хемницера. *Съ картинками.* Изданіе семнадцатое. *Въ* 16; 222 *стран.*

3. *Собраніе сочиненій* Михаила Васильевича Ломоносова. Третіе изданіе. *Три части Въ* 4; 384, 356 *и* 342 *стран.*

*

4. Леонидъ, *или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона.* Изданіе второе, *исправленное и*

дополненное одною главою (послѣднею въ IV части). Въ 4 частяхъ. Въ 12; 234, 530, 350 и 305 стран.

*

5. Краткая Географія для дѣтей, *изданная по руководству* И. Гейма. Одиннадцатое изданіе. *Въ* 12; 140 *стран.*

6. Общая Реторика. Н. Кошанскаго. Изданіе седьмое. *Въ* 8; 130 *стран.*

7. Отрывки *изъ прозаическихъ сочиненій лучшихъ Россійскихъ писателей, для постепенныхъ занятій переводами съ Рус. яз. на Франц. и Нѣм. Составлены* І. Берароmъ и И. Журданомъ. Третіе изданіе, *исправленное и дополненное. Въ* 8; 180 *стран.*

8. Новая Французская грамматика *по системѣ лучшихъ авторовъ:* Ноэля, Шапсаля, Лефранка, Лаво, Лемара и проч., *съ прибавленіемъ замѣчаній о языкѣ Франц. сравнительно съ Рус., составленная* г. Трико. Второе изданіе. *Двѣ части. Въ* 12; 96 *и* 174 *стран.*

9. Новая Нѣмецкая азбука, *и проч, и проч.* Новое изданіе. *Въ* 8; 96 *стран.*

10. *Новый вѣрнѣйшій способъ* лѣченія Геморроя холодной водою, *составленный докторомъ* Риттеромъ. *Переводъ съ Нѣмецкаго.* Изданіе второе. *Въ* 8; 24 *стран.*

11. О причинахъ большой смертности дѣтей *на первомъ году жизни и мѣрахъ къ ея предотвращенію. Съ двумя таблицами. Соч.* И. Р. Лихтенштедта. *Перев. Съ Нѣм.* Изданіе второе. *Въ* 8; *XII*—188 *стран.*

*

12. Гадательная книжка. Изданіе 2-е. *Въ* 4.

13. *Полные анекдоты придворнаго шута* Балакирева. *Въ шести частяхъ. Въ* 12; 24, 23, 20, 15, 22 *и* 24 *стран.*

15. Карманный Пѣсенникъ. *Изданъ* А. А—вымъ. *Двѣ части. Въ* 16; 31 *и* 16 *стран.*

16. Карманный Пѣсенникъ. *Издалъ* М. С. *Въ* 16; 100—*IV стран.*

КРИТИКА.

МЕМУАРЫ ЕВСТРАТІЯ МЯКУШКИНА.

Еще только лишь выучился я порядочно читать и понялъ, что за важная вещь «книга», какъ и родилось во мнѣ сильное и непреодолимое желаніе быть самому сочинителемъ. Какъ это знатно!.. и какая потѣха читать: «сочиненіе Евстратія Мякушкина.» А?.. Это одно безцѣнно! А какъ удосужишься и запасешься терпѣніемъ, да отваляешь ровно четыре части и на каждой стоитъ твоя фамилія... тьфу ты пропасть, сколько славы!.. Книга пошла по свѣту, находится во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, имѣется во всѣхъ концахъ Россіи, носится ходебщиками вездѣ, вездѣ. «Кто этотъ господинъ?» — Это Мякушкинъ. — «Ахъ, не сочинитель ли?» — Точно такъ-съ. — «Сочинитель, сочинитель!.. видѣли ли вы когда-либо сочинителя?

Вотъ онъ пошелъ въ темномъ фракѣ»... Чудесное дѣло быть сочинителемъ, хотя бы только четырехъ частей чего-нибудь!.. Особливо еще, если мое имя, по благосклонности наборщика, будетъ поставлено курьёзными, египетскими, плоскими, выпуклыми и т. п. необыкновенными литерами... просто, заглядѣнье! Прочтетъ ли кто сочиненную мной книгу — что за дѣло; но имя мое непремѣнно прочтетъ... весь читающій свѣтъ прочтетъ... каково? Вотъ самая лестная награда сочинителю за всѣ его издержки на бумагу и время, употребленныя для писанія! Сочинитель книги, хотя бы и въ одномъ томѣ, по славѣ своей равняется съ завоевателями, основателями царствъ, городовъ, обрѣтателями новыхъ земель, потому-что и его имя напечатано и будетъ перепечатано и также останется безсмертнымъ, пока не истребятся чернила и станки типографскіе; а этаго никогда не будетъ.

Этой-то славы, славы сочинителя, жаждалъ я очень давно и, бывало, удалясь отъ всѣхъ занятій, уединясь отъ всѣхъ людей, сошью переплетнымъ ладомъ кипу бумаги, чтобы достало на четыре части, сяду и оставивъ мѣсто для заглавія — его можно придумать послѣ—надпишу четко и ясно: «сочиненіе Евстратія Мякушкина, часть 1-я; сочиненіе Евстратія Мякушкина, часть 2-я, 3-я, 4-я.» А подъ-часъ, когда заберетъ умничанье, то до двенадцатой доходилъ. Со мной прошу не шутить.

Положивъ основаніе своему сочиненію, полный восторга, хожу, выѣзжаю и, возвратясь къ своему литературному столу, съ наслажденіемъ поглядываю на разложенныя по столу мои сочиненія. На все меня окружающее я смотрю своимъ, высшимъ взглядомъ. Отвѣчая на ласки жены моей, я ее приголубливаю, приговаривая: «Ахъ, мой романъ въ четырехъ частяхъ!» Карабкающихся ко мнѣ на колѣна дѣтей моихъ я треплю каждаго по бѣленькой щечкѣ и говорю свое: «сочиненіе Евстратія Мякушкина, часть 1-я... славный мальчикъ; сочиненіе Евстратія Мякушкина, часть 2-я... рѣзвая дѣвочка» — и такъ далѣе, пока пройдетъ мой авторскій восторгъ.

Наслаждаясь удовольствіемъ отъ ежедневнаго взиранія на матеріалы моихъ сочиненій, надобно приступить къ началу «къ придуманію заглавія.» Это дѣло не мудреное — придумаю, рѣшась о чемъ писать; а то для меня задача: что и о чемъ писать? — Свою жизнь? Но я еще молодъ, немного произошло со мною: родился, учился, считался на службѣ, женился, имѣю дѣтей... Это такъ обыкновенно, что такихъ жизней можно написать ровно тысячу и одну. Сочинить романъ? Хорошо. Вотъ я и принялся-было... плохо!.. Конецъ, чѣмъ обыкновенно оканчивается романъ — свадьбу, придумалъ; да чью? съ кѣмъ? и послѣ какихъ приключеній? тутъ ужъ никакъ не могъ сочинить, а четвертую часть, безъ трехъ первыхъ, печатать, думаю, неловко.

Не катнуть ли повѣсть? — Такъ что же: выйдетъ небольшая книжонка, совѣстно будетъ на такой крошкѣ имя свое выставить. Книга не книга, а нѣчто въ родѣ книги, за вѣтромъ полетитъ. Израсходую же изъ заготовленныхъ матеріаловъ только одну тетрадь; куда дѣнусь съ прочими?

Путешествіе? — Но я не бывалъ въ дальнихъ дорогахъ и не знаю дорожныхъ обыкновеній; а чего не знаешь, такъ можно ли то описывать? Притомъ же, такъ много издано путешествій дѣйствительныхъ и мечтательныхъ, такъ подробно описаны всѣ трактиры, цырюльни, прислуги въ нихъ, происшествія тамъ бывшія, что нашему брату, неодаренному воображеніемъ и изобрѣтательностью приключеній, чисто не о чемъ сказать.

Записки... чего? — не придумаю. Ужъ не собрать ли всѣ подающіяся мнѣ отъ прикащика записки по хозяйству и издать въ свѣтъ? Но я самъ ихъ не читаю; почему же ожидать, что кто другой прочтетъ? Онѣ же не моего сочиненія. Чужою славою пользоваться не хочу.

Очерки? — опять, чего? Столько очерковъ всему, что мнѣ не осталось о чемъ и говорить. Притомъ же «очерки» все будутъ очерки, а существеннаго ничего. Оно конечно можно бы и на штуку подняться, бумага все терпитъ; сказать «очерки здѣшняго хлѣбо-

пашества» и начать, продолжать и кончить все о себѣ: какъ я въ первый разъ увидѣлъ поле, работы на немъ, растущій хлѣбъ, что я мыслилъ, чувствовалъ тогда, что предполагалъ устроить къ улучшенію хлѣбопашества, о коемъ и понятія не имѣлъ... все о себѣ; но такимъ «очеркамъ» уже были примѣры, и они обратились въ насмѣшку писателю очерковъ. Не хочу очерковъ.

Я не придумалъ, о чемъ писать, а время между-тѣмъ проходило; всѣ роды сочиненій безпрестанно являлись въ свѣтъ, а я, не изобрѣтя своего, не могъ рѣшиться, какому подражать. Наконецъ случайно въ какомъ-то журналѣ—а въ какомъ? хоть сейчасъ убейте меня, не скажу, не помню — попадается мнѣ новенькое, свѣженькое словцо: «Мемуары»... Безподобно! вскричалъ я: пишу «мемуары!» тутъ все заключается: о себѣ, обо всемъ можно говорить, разсуждать, анекдотецъ приплести, резонёрствовать, бадинерствовать и все, все терпятъ мемуары. И такъ начинаю.

Мемуаръ первый.

Что это за слово «мемуаръ?» — А кто его знаетъ? Не я его выдумалъ, а перенялъ у людей—мое дѣло сторона. Пишутъ люди мемуары, и мнѣ не запретитъ никто. Кстати, оно иностранное—тащи его къ намъ, въ Русскій языкъ, въ этотъ жалкій, скудный,

тощій языкъ, на которомъ нельзя ничего написать и сказать, если бы не «индивидуальность, популярность, объективность» и многія другія славности, которыми, благодаря нашимъ нынѣшнимъ великимъ умамъ, красится нашъ мизерный язычишка. Повѣрьте мнѣ: если бы не эти отличные мужи, мы и до сихъ-поръ писали бы: довлѣетъ, послѣдовательность, народность и т. п. низкости. Теперь же мы пошли далеко и высоко! Сто лѣтъ шагнули впередъ. Что въ той рѣчи и что въ томъ разговорѣ, которые всякій можетъ понять? нѣтъ батенька! Отпускай такъ, чтобы никто въ твоей рѣчи толку не добрался, да и ты самъ другими словами не могъ бы смыслу изъяснить. Вотъ то голова!

Изъ числа такихъ-то славностей, вотъ и «мемуары.» Какое громкое, всеобъемлющее слово! Жаль только, что не могу изъяснить его; виноватъ нашъ бѣдный языкъ. Но что за нужда: мемуары, да и мемуары. Когда же во множественномъ «мемуары», то почему же не быть и въ единственномъ «мемуаръ.» А потому: мемуаръ первый, мемуаръ второй и т. д. Выѣду на мемуарахъ къ самой славѣ.

«Мемуаръ?» Громкое, важное, многозначущее слово! По-Русски ему и подобнаго нѣтъ. Перевести можно, но не будетъ той силы, той гармоничности или гармонности (послѣднее, кажется, лучше), эффектности, шармантности, ничего подобнаго не будетъ.

Слово эго такъ высоко, что его и писать не должно по-Русски. Къ-рѣчи пришлось, не могу видѣть равнодушно, когда блистательное, иностранное, Французское слово пишутъ Русскими словами, которыя къ тому еще такъ курьёзны фигурою своею! Прекрасна, безсмертной хвалы достоіина выдумка, не унижающая слова иностраннаго, а Русскій языкъ возвышающая—это придача къ иностранному Русскаго окончанія, какъ уже необходимаго зла. На прим. Memoir'ами можно наполнить цѣлую livr'у. Livraison'овъ у меня будетъ четыре. Compacte'нымъ изданіемъ печатаю. Въ argent'ахъ почитаю все благо — и проч. Честь, хвала, памятникъ изобрѣтателю! Благодарность отъ современниковъ и потомства! Отъ такихъ украшеній возсіялъ нашъ бѣдный языкъ — словно въ крестьянской лачугѣ поставлено трюмо, въ полѣ работающему мужичку навязанъ на шею модный галстухъ, отличному иноходцу на бѣгѣ прицѣплена почетная шпага. Слова нѣтъ: зеркало отниметъ въ избѣ мѣсто, хозяевамъ необходимое; галстухъ будетъ мѣшать крестьянину въ движеніяхъ при полезной работѣ; почетная шпага собьетъ лошадь съ ноги и съ самаго толку, все правда, но право хорошо!.. Слава и хвала за нововведеніе! — Послушайте, какая высокость? на примѣръ:

«Mon oncl'юшка! Вы будете сегодня въ boutiqu'ахъ? Купите мнѣ пару gan'овъ.»

«Какъ я люблю ротт'ной пирогъ!»

«Я потеряла свое turquois'овое coeur'ечко.»

Чудо! прелесть! безподобно!.. такъ буду писать свои memoir'ы, такъ въ memoir'ахъ буду ставить иностранныя слова. Мои memoir'ы да послужатъ exempl'омъ для autr'ихъ.

Мемуаръ второй.

Есть меня дядюшка, чудный человѣкъ! Во всякомъ блюдѣ чтобъ былъ у него чеснокъ, въ каждой книгѣ варварскія слова: таковый, дабы, поелику и проч.; сюртукъ у него съ широкими полами и длинными рукавами; носитъ косу, завитую въ черную ленту; бороду каждый день выбриваетъ всю чисто, гладко, не оставляя ни бакенбардовъ, ни усовъ, ни даже эспаньёлки, и въ-добавокъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, скажетъ изъ давно-минувшихъ дней какое-нибудь воспоминаніе, да и не пояснитъ, къ чему онъ что расказалъ и съ какою цѣлію.

Этотъ-то господинъ дядюшка пожаловалъ ко мнѣ и отъ любопытства, свойственнаго старости, началъ перебирать мои бумаги и, отыскавъ мой первый memoir'ъ, прочелъ его. Прочетши, кашлянулъ; кашлянувши, началъ говорить:

«Когда я служилъ еще въ военной службѣ и находился въ штатѣ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго...

— Ну, подумалъ я: безъ анекдота не обойдется. Прислушаться бы только къ чему, старикъ прилѣпитъ свой расказъ.

«Такъ вотъ, продолжалъ дядюшка: при началѣ войны явился къ нему одинъ чиновникъ, желающій служить въ арміи его сіятельства «волонтеромъ.» Знаете ли вы *теперь*, что значило *тогда* «волонтеръ?» Вотъ изволите видѣть: въ арміи, въ мирное время, при полкахъ находилось столько офицеровъ, что едва ли по два доставало на роту или эскадронъ, да было бы кому править полковыми дѣлами. Списокъ-то ихъ и огромный; да всѣ они или въ столицахъ, или у матушекъ откармливаются лакомствами, рыскаютъ въ отъѣзжихъ поляхъ, бѣгаютъ изъ дому въ домъ, гдѣ завидятъ русу косу, или заслышатъ скрипицу. Чуть же зазвучала бранная труба, всѣ эти по-видимому празднолюбцы, безъ всякаго требованія, стремглавъ бросаются къ своимъ полкамъ. Иной, не въ осудъ будь сказано, губерніи три объѣдетъ, отыскиваетъ мѣсто, гдѣ квартируетъ полкъ его. Разомъ всѣ собрались, пополнили всѣ мѣста — и изъ-за того сверхкомплектныхъ, слѣдовательно безъ всякаго жалованья, цѣлая стая при полку, при всѣхъ штабахъ, а о главной квартирѣ и говорить нечего;

словно въ Христосовскую заутреню народу въ церкви... Не смотря на это, кучами еще налетаютъ желающіе служить въ арміи волонтерами. И какаго тутъ народу не наберется! Офицерства изъ тѣхъ полковъ, кои не участвуютъ въ дѣйствіи, чиновниковъ изъ гражданской, придворной и всякой другой службы; являются и отставные, домосѣды, иногда отецъ самъ-четвертъ съ сыновьями. Всякій волонтеръ избираетъ себѣ любой полкъ, при коемъ долженъ считаться, или дежурство при любомъ генералѣ, несетъ всю службу и исполняетъ обязанности наравнѣ съ дѣйствительно-служащими. Случилось дѣло, штурмъ, экспедиція — волонтеръ тамъ, суется, мечется вездѣ, бьетъ, разитъ, исполняетъ все, что велятъ... Снесли голову — лежитъ и самъ молчитъ, и за него молчатъ его ближніе, только потѣшаются, что и наша копѣйка пошла въ складчину. Оторвало руку, ногу — завернувъ въ тряпки, везетъ домой, и лежа на диванѣ, покуривая трубочку, не умолкаетъ расказывая, гдѣ и какъ онъ молодечествовалъ. Уцѣлѣлъ—готовитъ себя назавтра. Владимірскаго кавалера, кто онъ и за что получилъ крестъ, знала не только вся армія, да вѣдала о томъ и вся Россія. А когда, послѣ знаменитой брани, въ мирное торжество украсятъ по всей арміи человѣкъ двенадцать Георгіевскими и Владимірскими малыми крестами, такъ не наудивляются щедрымъ наградамъ.

«Такъ вотъ къ его сіятельству предсталъ одинъ волонтеръ и просилъ о назначеніи. Графъ что взглянулъ, то и прозрѣлъ его; началъ распрашивать о Петербургскихъ веселостяхъ и т. п., и потомъ вдругъ обратилъ вниманіе на шпагу этаго молодца, уже въ военномъ мундирѣ явившагося. Надобно еще вамъ знать, что мы шпаги и сабли носили, какая кому нравилась; формъ не было: кривая, прямая, длинная, короткая, съ затѣйливыми украшеніями, или простая, все дозволялось. У этаго молодца была шпажонка какая-то курьёзная, тоненькая, легонькая, жиденькая и разфранчена блестками и насѣчками, словно театральная танцовщица румянами и бѣлилами.

«Его сіятельство изволилъ обратить вниманіе на эту шпажку-милашку.—Ахъ, *батушка*, какая прекрасная шпага! какъ нарядна, какъ легка! это прелесть! въ глаза кидается. Принесите мою шпагу. Ну, можно ли, *батушка*, сравнить мою шпажищу, старую, тяжелую, такъ грубо обдѣланную, можно ли сравнить съ этою, такъ нарядною, удобною?.. Я очень бы желалъ имѣть случай выписать для себя точно такую; она легка, покойна...

«Уже кандидатъ въ волонтеры, утопающій въ восторгахъ, что имѣлъ счастіе обратить вниманіе такаго мужа выборомъ себѣ оружія, сбирался предложить его графскому сіятельству свою готовность вы-

писать точно такую для него... какъ графъ вдругъ, умѣривъ свое восхищеніе, очень серьёзно сказалъ:

«Но что же, *бэтушка*!.. меня назовутъ тогда дуракомъ, что я къ Русскому военному мундиру прицѣпилъ иностранную шпажонку, которая не пригодна ни къ чему и не можетъ замѣнить Русской шпаги.» И вмѣстѣ съ симъ словомъ откланялся волонтеру и пошелъ въ кабинетъ.

«Такъ вотъ что!» заключилъ господинъ дядюшка свой расказъ и поворотясь ушелъ отъ меня.

Что жъ это такое? къ чему этотъ расказъ? Да просто-таки ни къ чему. Русская литература, военный мундиръ, шпажка-милашка и нововводимыя слова; есть ли тутъ связь хоть какая-нибудь? Чисто, никакой. Господину дядюшкѣ моему пришелъ на мысль анекдотъ, онъ его и расказалъ ни къ селу, ни къ городу. Чудные эти люди господа дядюшки!

Мемуаръ третій.

Стану продолжать свое... Продолжать хочу — но останавливаюсь. Это несносное *ѣ* сбиваетъ меня съ толку: гдѣ должно его писать, не знаю навѣрное. «Чего не знаешь, справься съ книгами» наставлялъ меня учитель мой. Вотъ я и беру книгу, сочиненіе г. А., разворачиваю, нахожу и замѣчаю: «между тѣмъ,

предмѣтъ»; хорошо, я покоенъ; буду писать правильно, придерживаясь сочиненій г. А. Но вотъ случайно открываю сочиненія г. Б.; тутъ уже нахожу: «между темъ, предметъ». Э, господа! меня не надуете. Всякій изъ васъ пишетъ «по своему разумѣнію,» слѣдовательно можете ошибаться, путаться и насъ новичковъ вводить въ грѣхъ... подай сюда журналы литературные, толстѣйшіе и худѣйшіе; въ нихъ вся правда: они вызвались поддерживать ее, защищать правила, ограждать языкъ нашъ отъ порчи. Давай ихъ сюда! Прекрасно; я такъ и полагалъ, что должно писать «отъ чего.» Беру другой... стой, стой мое утѣшеніе! въ другомъ журналѣ нахожу «от-чего.» Это еще прекраснѣе; выкинутъ ъ, самая глупая, лишняя буква. Меньше писанья, меньше трудовъ, меньше пролитія чернилъ, которыхъ и такъ еще проливаются рѣки. Все такъ... да надоумьте меня, что правильнѣе: «отъ чего» или «от-чего?» «между тѣмъ» или «между темъ?» «предмѣтъ» или «предметъ?» «къ сожалѣнію» или «ксожалѣнію?» Иные скажутъ: «пишите, какъ угодно, лишь былъ бы смыслъ.» Охъ, батеньки мои! кажется не такъ. Полагаю, что въ грамотахъ всѣхъ языковъ на свѣтѣ есть свое условное, ни для кого и ни для чего неизмѣняемое правило; оно должно быть бы и у насъ, если языкъ нашъ существуетъ лѣтъ около пятидесяти уже; а смотрите, чуть ли не болѣе. Года два назадъ умеръ мой дѣдушка, прожившій на свѣтѣ 92 года; такъ онъ мнѣ расказывалъ, что онъ по десятому году возраста своего могъ чи-

тать гражданскую книгу прямо по верхамъ. Изъ этаго я заключаю, что нашъ языкъ и грамота не вновь изобрѣтены, слѣдовательно и правила ему изстари есть. Развѣ понуждаетъ къ тому какая industrial'-ность или individual'ность; тогда я ни слова.

Эхъ, господа! когда уже individual'ить, такъ individual'ить. Давайте, каждый пишущій, вводить свои *право*писанія. Вотъ я предлагаю свое. Долой всѣ гласныя; ихъ только нужно при концѣ ставить для ясности. На-примѣръ, чѣмъ это худо?

«Првльное првпсніе то, ктрое не метъ нккхъ првлъ.»

Только поломать голову, а то очень легко прочесть: «правильное правописаніе не имѣетъ никакихъ правилъ.»

Сколько нужно времени, трудовъ, мѣста, чернилъ, чтобъ до послѣдней буквы все выписать, а все одно и то же.

Мемуаръ четвертый.

Обдумывая такой вновь придуманный мною для облегченія письма методъ, я впалъ въ безсонницу, и тутъ пришло мнѣ на мысль: хорошо; я исключаю изъ письма гласныя, а если другой кто придумаетъ

исключить согласныя и напишетъ ко мнѣ, вмѣсто «почтеннѣйшій Евстратій Тимоѳеевичь», только

«оеѣіі еаій иоееиь»

— тогда что будетъ съ нашею литературою? Вавилонское смѣшеніе! А чуть ли не къ тому стремимся. Пишутъ люди книги, не зная твердыхъ правилъ правописанія. Ужъ когда есть охотишка, подобно какъ и у меня, печатать свои сочиненія, такъ бы прежде всего условились въ *право*писаніи и утвердили правила съ завѣтомъ, что «кто отъ нихъ отступитъ, тому да будетъ стыдно.» Послѣ того каждый смѣло пускайся писать. Тогда ничто не будетъ препятствовать *о чемъ* писать. Теперь же иной примется писать что ни-на-есть и любопытненькое, да пере-*ерилъ* или не до-*ерилъ*, то и раздразнилъ защитниковъ *ъ* или гонителей его, и они, оставивъ судить предметъ, о чемъ писано, за одинъ *ъ* такъ загоняютъ его, что онъ не захочетъ ввѣкъ пера взять въ руки.

Отъ того—или от-того—что у насъ, не основавши фундамента, думаютъ выстроить зданіе, споря все о стѣнахъ, я не успѣваю въ своемъ желаніи, чтобы написать что и попасть въ число сочинителей. Все выбираю, какому слѣдовать правописанію. Ужъ если одно *право*писаніе — такъ противорѣчащее ему должно быть *ложно*писаніе. Которое же правильное, которое ложное? Спорятъ и никто не уступитъ. Кажет-

ся, не худо было бы, если бы каждый нововводитель, или, какъ они себя разумѣютъ, «исправитель и чистильщикъ языка», отложа въ сторону свои умствованія, слѣдовалъ уже составленнымъ правиламъ и точно заимствованнымъ отъ »правилъ», а не отъ собственнаго произволенія: то давно бы перестали своими спорами скучать читающему народу, и написали бы сами, да и другимъ не мѣшали бы писать о чемъ нужно. А то, при такой разноголосицѣ, не мудрено и мнѣ, Евстратію Мякушкину, составить и собственныя правила назвать *право*писаніемъ и, исписывая стопы бумаги, заглушать противорѣчащихъ и спорить до-упаду.

Мемуаръ пятый.

А почему же, въ самомъ дѣлѣ, не придумать и мнѣ своихъ правилъ? Чудесно! Двойная слава. Авторская сама по себѣ, а правописательная сама по себѣ. «Чьему правилу слѣдуете вы въ писаніи?»—Жуковскаго, Карамзина, такаго или такаго. — «А я слѣдую методу Мякушкина.»—Именно, доживу до этаго славнаго для меня и всѣхъ времени... Что бы только выдумать свое? Всѣ методы расхватаны, подобно-какъ и роды сочиненій. Опять забота придумывать свое.

Вертѣлось у меня въ головѣ одно чудесное изобрѣтеніе, но перехватили другіе; а методъ очень легонькій и самый новенькій. Зачѣмъ писать однимъ

порядкомъ, а выговаривать другимъ? Кто, хорошо читающій, выговариваетъ буквально: какаго, того, имѣющагося и проч? Это только пишутъ такъ, а выговариваютъ: какóва, таво, имѣющевася... Чисто, правильно, легко для читающаго, ближе къ истинѣ. Жаль, что не я, Евстратій Мякушкинъ, первый это ввелъ: не мнѣ принадлежитъ слава изобрѣтенія! Жаль, а то бы... ахъ, батюшки! бѣда случилась; ну, теперь не до мемуаровъ!.. бѣгу...

Мемуаръ шестой.

И вотъ именно какая бѣда. Жена моя страдаетъ въ высшей степени истерикою. Спасибо: Карлъ Ивановичь пять лѣтъ постоянно лечитъ ее, и болѣзнь, если не проходитъ, то и не усиливается. Въ первые годы отъ поѣздокъ его по обширной практикѣ выходили большія бѣды: онъ уѣдетъ, а истерика къ женѣ, да и ну мучить ее, а я не знаю, чѣмъ пособлять ей. Вотъ онъ и придумалъ средство: настряпаетъ всякаго рода лекарствъ, и прохладительныхъ и горячительныхъ, и препоручитъ все это Стешкѣ, горничной жены моей, съ подробнымъ наставленіемъ, какимъ образомъ и въ которое время какое лекарство давать больной: микстуру чрезъ два часа по столовой ложкѣ; чрезъ четыре часа по пяти пилюль; сиропъ по чайной ложечкѣ чрезъ полчаса, и другое все такое. Стешка исполняла всегда все исправно; а вчера, въ отсутствіе Карла Ивановича, пришла ей мысль, хотя

и не полезная, но новая, необыкновенная. «Зачѣмъ-дискать бѣдную барыню цѣлый день мучить часовыми заливаньями? Всѣ эти лекарства вѣдь полезны; почему бы ихъ всѣ вмѣстѣ не принять? Докторъ блажитъ; дай-ка я попробую свое.» Такъ подумала, да и слила въ-кучу все, что должно было женѣ моей въ день выпить: и микстуры и сиропы, впрочемъ все мѣрою, по ложечкамъ; пилюли распустила и туда же бухнула; наружныя протиранья и примочки все въ одну чашку, да и поднесла утромъ барынѣ. «Извольте-дискать выкушать, докторъ приказалъ.» Жена моя, слѣпо вѣря Карлу Ивановичу и Стешкѣ, безъ дальняго размышленія, возьми, да все въ три пріема и выкушай...

Я, ничего не зная, сижу у себя, пишу мемуары и придумываю новыя правописанія, какъ бѣгутъ ко мнѣ «барыня дискать умираетъ!» Хоть я и привыкъ къ ея припадкамъ, но, слыша увѣренія, что съ ней никогда такъ худо не бывало, долженъ былъ оставить все и бѣжать къ женѣ...

Она страдала ужасно!.. но сѣмъ-тѣмъ ей помогли, и она покойно уснула, а я сидѣлъ у постели ея и размышлялъ о своемъ... И вдругъ вспадаетъ мнѣ мысль, освѣщаетъ разсудокъ и озаряетъ умъ мой. Прекрасно, думаю я: какъ примѣры въ ничтожныхъ дѣлахъ могутъ быть полезны для важныхъ! Стешка своимъ методомъ уморила-было барыню, но оказала

большую услугу Русской литературѣ. Впрочемъ Стешка косвенно это сдѣлала, а я, схвативъ ея мысль, припоровилъ къ литературѣ. Есть и мое изобрѣтеніе! Торжествую—и выйдя на-цыпочкахъ отъ спящей жены, прибѣгаю къ своимъ мемуарамъ и спѣшу изложить на бумагѣ мой самый новѣйшій, только-что изобрѣтенный методъ—и кто бы ни ввелъ его въ употребленіе, заранѣе протестую, кричу: прошу прислушать! будьте всѣ свидѣтелями: методъ мой, собственный мой. Вотъ онъ:

Стешка придумала, зачѣмъ оставлять промежутки въ приниманіи лекарствъ? Пить, такъ пить разомъ, все вмѣстѣ. Сбереженіе-дескать времени въ подаваніи и приниманіи, такъ и избѣжаніе отъ лишней разливки. И я придумалъ: зачѣмъ оставлять промежутки между словами? Почему не писать все сплошь? Бумага нынче, отъ большаго на нее требованія, по причинѣ умножившихся сочинителей, или лучше, печатающихъ свои сочиненія, такъ дорога, что нужно уже изобрѣтать средство сберегать ее для пользы ближнихъ; и я нашелъ это средство, и я изобрѣлъ новый методъ въ писаніи, красивый, удобный, экономный. Спору нѣтъ, что эту мысль подала мнѣ Стешка, но Стешка же не примѣнила своего способа къ литературѣ, а я, я уцѣпился за ея мысль и обработалъ ее. Памятникъ мнѣ, памятникъ! Ужъ когда однимъ изъ нашихъ великихъ умовъ присужденъ памятникъ чиновнику, приласкавшему кого-то

за написаніе газетной статьи: то мнѣ памятникъ вдвое огромнѣе, пышнѣе, несокрушаемѣе. Вотъ мое правило или методъ. Прошу не судить поверхностно, а расмотрѣть и разобрать его въ тонкость. Такъ начинается одинъ изъ моихъ романовъ, къ которому, кромѣ этаго начала и окончанія, что сочетавшіеся живутъ благополучно, не сочинилъ еще ни завязки, ни развязки.

«Въоднопрекрасноемайскоеутрокогдавсяприродали ковaласолнцекатилосьпочистомуясномуголубомукакъях онтънебусоловейпѣлъсвоюлюбовнуюпѣснюиуслаждалъ скукусидячейжизнисвоюподругуожидающуюумноженія своегосемейства...» и такъ далѣе.

Каково?—Совѣстью моею увѣряю, что это, послѣ Стешкиной ошибки, изобрѣлъ и придумалъ я самъ, Евстратій Мякушкинъ, своею особою и собственною головою. И что мой методъ замысловатѣе, рѣзче и необыкновеннѣе прочихъ методовъ, въ томъ всякъ согласится. Быть можетъ, сотрудники мои по нововведеніямъ и не согласятся со мною, такъ пусть пишутъ противъ меня; готовъ отписываться и доказывать истину. Споры о важныхъ предметахъ: «сей, оный, тотъ, этотъ, теперь, нынѣ» утомили публику; давайте новое.

Мемуаръ седьмой.

«Дядюшка!» спросилъ меня сегодня утромъ племянникъ: «Вы получили Петербуржскую почту?»

— Нѣтъ еще; но по-каковски ты, душенька, говоришь? что за жскую?—

«Какже? Это правильно.»

— Какое правильно? Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ прочти опроверженіе.—

«А не угодно ли прочесть вотъ и защищеніе.»

— Тьфу, ты пропасть! — прочтя сказалъ я съ досадою—какъ справедливо доказано! только... воля твоя... и опроверженіе сильно — примолвилъ я, перечитывая опроверженіе жской методы.

Потомъ, пересмотрѣвши всѣ споры *за* и *противъ* жскихъ, гоненія и защиты *ъ ѣ* и прочей братіи, соединенія и раздѣленія словъ, я сказалъ племяннику: «Намъ съ тобою не разобрать этѣхъ методъ. Когда уже первѣйшіе умы дуютъ всякій по-своему, такъ намъ остается итти за ними, подражать имъ.»

— Да они, дядюшка, идутъ различно.—

«То-то и есть. Они идутъ своею дорогою, а мы должны итти своею. Что право подчиняться правиламъ? Правила для незнающихъ; а если я могу знать больше и правильнѣе, нежели сами правила, такъ къ diabl'ю правила. Валяй, какъ подъ руку попадется. Впрочемъ и я изобрѣлъ свое правило.» Причемъ показалъ ему вчерашній мемуаръ съ образчикомъ новаго моего метода.

Племянникъ вытаращилъ глаза, удивлялся — и есть чему, точно. Потомъ разбиралъ долго, и разобравши—стало, можно разобрать — усмѣхнулся критически.

Его усмѣшка мнѣ такъ не пройдетъ; вѣрно напишетъ возраженіе, а вѣдь только пятнадцати лѣтъ.

Что за вѣкъ? подумаешь. Я втрое его старѣе; перечиталъ сколько книгъ; въ прежнее время мои сужденія принимались за рѣшительные приговоры; а нынѣ — или теперь — онъ смѣетъ мыслить, что можетъ писать противъ меня возраженія! И напишетъ, именно напишетъ; мало — напечатаетъ... и журналистъ, не уваживъ моихъ лѣтъ, заслугъ по литературѣ, опытности въ ней, напечатаетъ. Вотъ вы увидите, когда не напечатаетъ.

Мемуаръ осьмой.

Memoir ы memoir'ами, а рука чешется отвалять и roman'ъ. Чудо, что за содержаніе! Вчера, легши въ постель, не могъ сомкнуть глазъ отъ безсонницы; и все мнѣ въ-очью мерещится — красиво, на отличной бумагѣ напечатанное: «Романъ въ четырехъ частяхъ, сочиненіе Евстратія Мякушкина.» Воз-торгъ — или восторгъ — отгонялъ сонъ; что же будетъ при исполненіи..! Мое честолюбіе, самолюбіе, славолюбіе, требовало отъ моего ума и воображенія—содержанія, плана, завязки roman'а. И я, напрягши всѣ силы ума, понудивъ воображеніе, по'forcir'овавъ память, перебравъ и пере-sortir'овавъ въ ней все читанное, придумалъ наконецъ sujet'ъ къ roman'у. Мало того, что онъ въ новомъ вкусѣ, но предлагаю, для охотника, въ-пари всѣ мои сочиненія, что онъ новѣе и необыкновеннѣе всѣхъ вкусовъ. Когда будете приступать къ чтенію его: то, какъ знаете, прикрѣпите ваши волосы на головѣ; иначе я не ручаюсь, чтобы шляпа, шляпка, чепчикъ, гребешекъ, и что бы ни было на головѣ вашей, милые читатели и прелестныя читательницы, я не ручаюсь, чтобы оно спокойно удержалось на головѣ вашей. Волосы ваши встанутъ дыбомъ и сдвинутъ украшеніе или защиту головы. Будь я бестія, если не сдвинутъ. Невозможно волосамъ оставаться покойно! Но въ случаѣ, милостивый государь — имени и отчества не имѣю чести

знать — вы носите парикъ, то придержите его рукою; иначе онъ сдвинется, непремѣнно сдвинется съ вашей головы: потому-что всѣ мускулы ея задвигаются, точно клавиши у фортепіано подъ пальчиками вашими, сударыня; а отъ того парикъ и не удержится... спадетъ... чего мнѣ, также точно какъ и вамъ, отнюдь бы не хотѣлось!

Вотъ изволите видѣть: со мной прошу не шутить. Въ моемъ романѣ, кромѣ маловажныхъ преступленій, не заслуживающихъ торговой казни и каторги, а требующихъ легкихъ наказаній, ссылки на поселеніе и т. п., будетъ несмѣтное множество; они необходимы, какъ вспомогательные инструменты въ большомъ оркестрѣ; солисты же, т. е. герои и героини моего романа, взятые изъ самаго высшаго, образованнаго круга. изъ мирнаго деревенскаго убѣжища, изъ каторжной работы бѣжавшіе и проч. и проч., тѣ будутъ у меня отличаться: бить, рѣзать, грабить, убивать, убиваться, вѣшаться, топиться, зажигать, кидать въ огонь жертвы свои или плоды удальства и обольщеній. У моихъ героевъ не дремли: не попадайтеся подъ руку родители, братья, сестры, старъ и младъ; кровь будетъ литься рѣкою... чего рѣкою? мало, моря крови; зарево отъ зажигательствъ видно будетъ во всѣхъ концахъ вселенной; а pour la bonne bouche, обольщенія, насилованія, нарушенія брачныхъ союзовъ, кровосмѣшенія... Чудо, чудо, что за славности!..

И я вамъ скажу: лихой, сударь, романъ будетъ. Онъ помрачитъ все, до сихъ поръ въ этомъ высокомъ тонѣ и духѣ вышедшее. Дайте мнѣ вотъ только приняться. И — нечего дѣлать, хоть и по чужимъ слѣдамъ пойду — написавши четыре части такаго романа, я его не кончу, не дамъ полной развязки, а такъ, только кончикъ завѣсы приподниму, а послѣдствія обѣщаю въ будущемъ романѣ. Пусть ожидаютъ. Набивши же руку въ сочиненіяхъ такаго рода, брякну потомъ нѣжнымъ, sentiment'альнымъ. Увидите, что смогу отхватать. Какова будетъ моя героиня *Деньдроніада*, такъ чудо, прелесть, изъ-подъ ручки посмотрѣть; ея судьба или «любезный» будетъ *Келюваліанъ*, молодецъ въ своемъ родѣ необыкновенный: что за чувствительный, страстный, пламенный!.. Разлучникъ ихъ Тартартританъ (да каковы имена придуманы? Именно на-славу) все будетъ ихъ гнать, разгонять; а они, вѣрные любовники, все будутъ страдать, плакать, плакать, и вдругъ, какъ они ни думаютъ, ни гадаютъ, я ихъ—бацъ! передъ самою послѣднею точкою и соединю вѣчнымъ, неразрывнымъ союзомъ. Начитаетесь, сударь—и наплачетесь, сударыня!

Мемуаръ девятый.

Хорошо. Сочиню такихъ романовъ, страшныхъ, ужасныхъ, съ подробнымъ описаніемъ всего производства воображаемыхъ преступленій; потомъ нѣжныхъ,

сладкихъ, завлекательныхъ, понятныхъ и для десятилѣтней дѣвочки, наставительныхъ для четырнадцатилѣтняго мальчика; такихъ романовъ сочиню дюжину.. Да что мнѣ съ ними дѣлать?.. Какъ что? напечатать.. Я не прибѣгну къ Александру Филипповичу Смирдину, издавшему такъ много добра и зла; я могу и долженъ быть самостоятеленъ. Самъ приступлю къ изданію, т. е. оттисну программу красивыми литерами, съ великолѣпными украшеніями. *Русскій народъ* лихо идетъ на-подписку, чему свидѣтель *Россія*. Хорошо... Собравши подписку, долженъ ли я во всей точности сдержать слово, какъ въ своевременной выдачѣ книгъ, такъ и въ занимательности ихъ?.. Пустое; къ чему такая точность, accourat'ность? Ныньче вѣкъ изобрѣтеній: желѣзныя дороги, дагерротипъ и др. все; пусть славится и мое надуванье.

Пусть скажутъ, что я, воспользовавшись довѣріемъ публики къ объявленіямъ, до меня исправно исполняемымъ, обольстивъ ее пышною программою, собралъ любезныя денежки, а о сдержаніи слова не думаю, смѣюсь надъ простаками и, можетъ, приготовляюсь еще къ подобной штучкѣ. Пусть пишутъ на меня выходки, замѣчанія, упреки въ шарлатанствѣ. Пусть пересуживаютъ меня провинціалы! Они, въ простотѣ сердца, пожалуй не назовутъ этаго ни промышленностію, ни оборотомъ, а за свои чистыя деньги брякнутъ чистымъ словцомъ, какъ стоитъ штучка. Пусть журналисты (почитающіе себя любящими прав-

ду) прольютъ ведра чернилъ, испишутъ и испечатаютъ стопы бумаги, переведутъ пуды перьевъ, уличая меня въ незнаніи грамматики, логики и другихъ такихъ пустяковъ; пусть доказываютъ, что литература не мое призваніе, что мои мнѣнія ошибочны; взгляды, хотя и высшіе, но невѣрны; сужденія ложны и, смотря по отношеніямъ, противорѣчащи. Пусть, если хотятъ, еще больше напишутъ; я отпечатаюсь отъ нихъ.

Прежде всего, ссылаясь на изданную уже программу, въ коей изложено одно лишь мое обѣщаніе, я приму какъ самое исполненіе, и начну утверждать и рѣшительно говорить, что я долженъ быть почитаемъ за перваго литератора, какъ написавшій — хотя бы и одни вершки—въ такомъ и такомъ родѣ; что я научилъ другихъ и показалъ всѣмъ, какъ должно писать; что я поставилъ литературу на должную ей степень; что я Русь знаю, и Русь меня знаетъ. Буду кричать, что такая-то газета, такой-то журналъ пишутъ такъ грязно, такъ невѣжливо (въ самомъ дѣлѣ невѣжливо называть вздоръ вздоромъ, глупость глупостью, обманъ обманомъ); смѣютъ изъясняться, что *мы*, а эти мы — одинъ я; всѣмъ читающимъ не велимъ брать въ руки и не унижаться до того, чтобы заглядывать въ нихъ, и проч. и проч.

Прекрасно! Безстыдствомъ, дерзостью, вездѣ можно пройти. Пусть упрекаютъ меня въ надуваніи пу-

блики, да мнѣ-то что до нея за дѣло?—Не я, другой поступитъ такъ съ «почтеннѣйшею»; такъ лучше мнѣ воспользоваться пріобрѣтеніемъ любезныхъ денежекъ, нежели дать другому къ тому поводъ. Нынче вѣкъ industrial'ный. Что значитъ это слово? А кто его знаетъ! Кажется, это будетъ значить: для меня пріятнѣе видѣть деньги въ моемъ карманѣ, нежели и въ отцовскомъ.

Произведя въ дѣйство свой *методъ*, т. е. собравъ съ легковѣрныхъ всѣми возможными способами деньги, опочію на лаврахъ и стану прославлять самъ себя, въ особыхъ статьяхъ примусь говорить о литературѣ, но начну и кончу собою; буду восклицать о моихъ заслугахъ въ литературѣ; обѣщаю издать исторію-чудо, романъ-прелесть; начну писать критику, перецѣнивать доблестныхъ, маститыхъ, заслуженныхъ литераторовъ, съ грязью смѣшавъ ихъ; общее мнѣніе буду наводить, что я разумѣніемъ дѣла выше всѣхъ ихъ; примусь писать о театрѣ, и тутъ опять я и я, одинъ я, потому-что я, съ какой стороны ни зайдите, я «единственный». Повѣрьте, найдется товарищъ, которому понравится мой *методъ*; станетъ подражать ему, и успѣвъ подобно мнѣ въ надуваніи, будетъ меня расхваливать, намекать о воздвигнутіи памятника мнѣ—и я, достигши такой славы, у-у-у! загремлю всѣми громами противъ имѣющихъ дарованія, пишущихъ съ благонамѣренною цѣлію, осуждающихъ мои сочиненія, порицающихъ мою промышлен-

ность, всякаго, всякаго наводящаго на меня хотя малѣйшую тѣнь; примусь поражать, унижать, гнать, истреблять и неумолкаемо кричать: nec plus ultra Евстратія Мякушкина.

Но правда подобна маслу: какъ его ни топи въ водѣ, оно всплыветъ на верхъ; а потому, быть можетъ, удастся имъ вывести меня на свѣжую воду, сбить съ поля, выбить изъ сѣдла, и тогда не просто умолкну, но, перецѣнивъ все по-своему, вздохну будто отъ великодушія, и скажу: «Блаженъ, кто, сдѣлавъ такъ много въ литературѣ добра, и не успѣвъ истребить зла, можетъ съ спокойнымъ духомъ положить перо и сказать съ стихотворцемъ: «насильно милъ не будешь!»...

Мемуаръ десятый.

Вчера, во время писанья послѣдняго мемуара, всѣ мои преднамѣренія бродили въ головѣ, а духъ авторскій, т. е. духъ деньголюбія, духъ желанія собрать болѣе и болѣе денегъ, возобладалъ мною до того, что всѣ слова высыпающіяся изъ-подъ моего авторскаго пера, казались мнѣ не словами, а червончиками, рублевичками, и я, въ восторгѣ, считаю себя Крезомъ, молодцомъ, одурачившимъ читающій народъ, мысленно сосчитываю стянутыя съ нихъ любезныя денежки и собираюсь на дальнѣйшія предпріятія... какъ ни думано, ни гадано, пожаловалъ ко мнѣ опять господинъ мой дядюшка. Говоря о семъ, о томъ, при-

нялся за мои мемуары, пересмотрѣлъ ихъ, и потомъ усѣвшись, принимается говорить.

«Ну — подумалъ я — услышу еще анекдотъ изъ временъ Румянцова!» Но на этотъ разъ ошибся, и дядюшка говорилъ такъ:

«Эй, братъ-Евстратій, не шали! не пускайся на несвойственное человѣку, имѣющему умъ, а потому понимающему, что есть честность; иначе берегись услышать такія себѣ прилагательныя, что горько будетъ слушать. Ты надѣешься на свое острое перо: отпишусь-дискать отъ нападковъ. Какъ ни отписывайся, а они тебѣ свое будутъ пѣть и скажутъ: самъ разшалился изъ рукъ вонъ, да и не говори ему правды. Исправься, пополни обѣщанное; вѣдь можешь писать? писалъ когда-нибудь дѣльное, ну и продолжай; пиши такое, чтобы люди сказали спасибо. Ты литературу, эту дѣву чистую, невинную, незлобивую, услаждающую, нѣжащую чувства наши, питающую душу, пускаешь рыскать по городу вечеркомъ на дрожкахъ... промышлять сякъ и такъ денегъ, обирать, надувать встрѣчнаго-поперечнаго, и наказываешь, чтобы возвращалась къ тебѣ съ полными карманами денегъ. Что-нибудь одно: литераторъ, либо торгашъ. Хочется пріобрѣсть денегъ?—Будь сапожникъ, портной, лавошникъ: будешь честно и это дѣло вести, зашибешь копѣйку. Чувствуешь призваніе къ литературѣ? Великое дѣло! Пиши, но все во сла-

ву Божію, въ назиданіе ближняго, въ похвалу нашей матушкѣ-Россіи, въ благодарность батюшкѣ-Царю, на пользу намъ, дѣтушкамъ Его. Пиши такое, чтобы невинность при твоихъ строкахъ не краснѣла; неопытность не имѣла бы поводу узнать изъ твоей книги то, чего бы и по-вѣкъ не узнала; порокъ, увидѣвъ себя въ твоей книгѣ, какъ въ зеркалѣ, одумался бы, раскаялся, и тутъ же, на слѣдующей страницѣ, нашелъ бы средство исправиться. Облекай свои мысли въ формы, какія легче для тебя: пиши исторіею, драмою, повѣстью, сказкою, какъ на мысль придетъ; но чтобы изъ твоего расказа можно было извлечь общую пользу: чтобы гражданинъ, членъ общества, судья, видѣлъ, что онъ чрезъ исполненіе своего долга, обязанности своей, не лишнее звѣно въ общей цѣпи, удерживающей порядокъ въ государствѣ; почтительный, благодарный сынъ, заботливый отецъ, внимательный, постоянный супругъ, попечительный хозяинъ—всѣ такіе люди необходимы для общаго блага; а идущіе противно тому, чрезъ общее презрѣніе, насмѣшки, требуютъ, какъ гнилыя вѣтьви, отсѣченія отъ здороваго, роскошнаго дерева. Вотъ такое напиши, да и не безпокойся ни о чемъ. Всякій захочетъ прочитать, пожелаетъ имѣть твою книгу—и купитъ ее у тебя; вотъ ты и безъ фокусъ-покусовъ обеспечишь свое состояніе; а что болѣе всего, пріобрѣтешь общую благодарность, уваженіе людское, не выпрошенное, не вымоленное, а невольно тебѣ отдаваемое, и добрую память за гробомъ. Ты умрешь,

а книга твоя вѣчна; добро, изъ твоихъ мыслей и словъ ею посѣянное, принесетъ тебѣ такіе плоды, которые ты и *тамъ* будешь вкушать съ наслажденіемъ. Послушай меня, братъ-Евстратій! Не пиши такихъ книгъ, какъ ты, по гордости ума своего, предполагалъ въ твоихъ мемуарахъ. Ты накатаешь такихъ романчиковъ нѣсколько, чтобъ угодить публикѣ, потѣшишь ее, заставишь по волѣ своей смѣяться, ужасаться, содрогаться, но... сыщутся послѣдователи, исполнители твоихъ расказовъ. Вѣдь читающая все молодежь. Человѣкъ въ степенныхъ лѣтахъ вздорной книги и въ-руки не возьметъ; молодежь схватитъ ее, займетъ, что нравно ей. Найдетъ правила, какъ обольщать невинныхъ дѣвицъ во всѣхъ сословіяхъ, сманивать ихъ изъ родительскаго дому; съ какимъ неуваженіемъ говорить о слабостяхъ родителей и проч. и проч. И какъ все это прикрашено будетъ занимательными сценами, будетъ живо описана пьяная, буйная, картежная жизнь, усладительная прохлада съ актрисами... чудо! Какъ любила его актриса! Какъ *поняла* его! Какое наслажденіе находилъ онъ съ нею!.. А тамъ дочь дѣвица, невинное созданіе, едва достигающая поры, когда развиваются страсти, читаетъ твою книгу, одобряетъ любовь своей героини къ разбойнику, развратному, обманщику и т. п. извергу; внимательно проходитъ лекцію, какъ проводить родителей, скрывать свою преступную жизнь и—въ крайности, чтобы предъ людьми сохранить свое доброе имя — итти на жизнь плода

преступленія, ближнихъ и — ужасъ! — даже родителей!!! Все это молодые люди читаютъ, затверживаютъ и, при случаѣ, пользуются наставленіями, тобою сладко, занимательно изложенными отъ кичения ума, тщеславія—блеснуть мыслью, словомъ, и одѣть порокъ въ привлекательную одежду, прелестьми прикрыть гнусность его!...

«И ты, пишущій въ этомъ родѣ, дерзаешь называться литераторомъ? Ты бичь человѣчества, Атилла, Наполеонъ, истребляющій нравственность въ людяхъ на нѣсколько поколѣній!.. Общее презрѣніе тебѣ!.. проклятіе!.. Прочти внимательно Крылова басню: Безбожникъ; сообрази, подумай, сравни — и трепещи!

«Кромѣ того, что ты такъ пишешь, или будешь писать, тебѣ досадно, если найдутся порицатели твоихъ мыслей, твоихъ ужасныхъ — быть можетъ, и не намѣреній, но только суетнаго, кичливаго желанія блеснуть своею остротою, замысловатостію, описаніемъ, слишкомъ раздражающимъ чувства—такихъ ужасныхъ изложеній найдутся порицатели, станутъ упрекать, винить тебя: тогда ты, самовольно возсѣдши на трибунѣ, отъ гордости ума почитающій своимъ долгомъ, своею обязанностію, никѣмъ на тебя не возложенною, а самовольно тобою принятою — кощунствуешь надъ желающимъ по-Христіанству вразумленія ближнему, колешь его язвительно насмѣшками, превращаешь слова его, даешь имъ другой обо-

ротъ, перетолковываешь мысли его, гонишь, преслѣдуешь его, не даешь, въ оправданіе свое и въ опровержение твоей лжи, сказать полслова; заставляешь его умолкнуть—и тогда уже, вознесясь умомъ своимъ, идешь по избранному тобою пути. Къ словамъ своимъ, къ писаніямъ, ты присоединяешь и дѣянія постыдныя, противныя чести, разсудку. Тебѣ не отвѣчаютъ отъ презрѣнія; но ты, умножая неправедно пріобрѣтаемое, смѣешься и мыслишь: «на мой вѣкъ дураковъ станетъ!»...

— Говори!—почти во весь голосъ сказалъ я, когда господинъ дядюшка, прочитавъ мнѣ такую рацею, вышелъ изъ комнаты.—Говори!—повторилъ я. И что онъ тутъ наговорилъ? Богъ знаетъ что! Такъ, ни сё, ни то! А я скажу короче, да проще: деньги необходимы во всѣхъ обстоятельствахъ и каждому. Въ нашъ industrial'ный вѣкъ литературою можно зашибать копѣйку—такъ я и литераторъ, самый горячій, неумолкаемый, неутолимый. Завтра пляска станетъ приносить доходъ—и я плясунъ, самый горячій, неутомимый, непрестающій. Сыпьтесь лишь, любезныя денежки, въ карманъ; а то честь, совѣсть, родство, дружба, любовь, связи, человѣчество, все вздоръ и вздоръ. Сказалъ—и докажу это въ будущихъ мемуарахъ.

Евстратій Мякушкинъ.

ЭТНОГРАФІЯ.

ОЧЕРКЪ ИСПАНІИ.

Есть три Испаніи: Сѣверная или Пиренейская, Средняя и Южная, отличенныя одна отъ другой памятниками минувшихъ поколѣній и неизгладимыми примѣтами, положенными Создателемъ на людей и на природу. Эти три Испаніи населены шестью народами: Галиціянами и Астурійцами, Басками, Кастильцами, Аррагонцами, Валенціянами и Мурціянами, и Андалузцами — народами, отдѣленными другъ отъ друга горными цѣпями и наслѣдственной враждой, не холодѣющей отъ времени и не уменьшающейся подъ игомъ общихъ бѣдствій. Ни одно Европейское правительство не стремилось съ такими напряженіями и пожертвованіями къ сліянію областныхъ народностей, съ какими стремилось къ тому Испанское

правительство; но, не смотря на это, каждый изъ шести народовъ еще живетъ тою жизнію, которою жилъ, составляя самобытное королевство; одинаково недоступенъ вліянію столицы, одинаково нуждается въ произведеніяхъ чужеземныхъ, а не въ произведеніяхъ остальной Испаніи. У каждаго народа своя одежда и свое нарѣчіе, полупонятное для другихъ Испанцевъ, своя кровь и свои нравы, предразсудки, преданія, охраняющія областную народность, какъ мумію охраняютъ ея благовонныя перевязки. Не заключая въ себѣ тѣхъ началъ, которыя сближаютъ и смѣшиваютъ различныя племена однаго государства, шесть Испанскихъ народовъ кажутся принадлежащими государствамъ отдаленнымъ, чуждымъ сношеній торговыхъ и политическихъ: Испанія же походитъ на древнее зданіе, которое то украшали, то уродовали жильцы по своимъ прихотямъ и потребностямъ, принесеннымъ изъ противоположныхъ частей міра; и потому каждая колонна, каждое архитектурное украшеніе, принадлежитъ особому столѣтію, или особой школѣ. У всѣхъ шести народовъ воспоминаніе о томъ, что они составляли самобытныя королевства, имѣли собственныхъ Кортецовъ, еще такъ свѣжо, что можетъ, въ междоусобную войну, разорвать на части Испанскую монархію; за то, при непріятельскомъ нашествіи, знамена съ Кастильскими львами и башнями живо напоминаютъ шести народамъ, что у нихъ есть одно общее отечество; и тогда поля сраженій сближаютъ ихъ, какъ нѣкогда

сеймы сближали Германцевъ, а Майское-поле Французовъ. Примѣръ Испаніи доказываетъ, что тѣ областныя народности, которыя, не разрушая политическаго единства, даютъ каждой области особой характеръ, особую жизнь, приносятъ большую пользу во время народной войны: ибо, отъ уничтоженія областныхъ народностей, вся жизнь государства обращается къ центру, а крайнія части государства ослабѣваютъ, и если непріятель овладѣетъ центромъ, то онѣ, предоставленныя самимъ себѣ, не могутъ вынести народной войны.

Сѣверная или Пиренейская Испанія уставлена горами, на которыхъ сѣвернаго путешественника не рѣдко радуетъ встрѣча съ родной березой; населена племенами трудолюбивыми, воинственными въ высочайшей степени, которыя своими атлетическими формами, бѣлизною кожи и голубыми глазами, показываютъ свое происхожденіе отъ варваровъ, покорившихъ Римскую Европу. Эти племена, извѣстныя подъ именемъ Галиціянъ, Астуріійцевъ, Басковъ, Каталонцевъ вмѣстѣ съ Алпухарахцами, суть Испанскіе Горцы.

Прежде-нежели приступимъ къ очерку Испанскихъ Горцевъ, бросимъ взглядъ на черты, общія всѣмъ горнымъ племенамъ, независимо отъ различія климатовъ, религіи, образа правленія.

История всѣхъ горныхъ племенъ одинакова: всюду они превосходятъ жителей равнинъ дѣятельностію и физическими силами; укрѣплены для воинскихъ трудовъ постоянною борьбою то съ вѣтромъ, ломающимъ плодовитыя деревья, то съ моремъ, прорывающимся въ виноградники или огороды, то съ дождевыми потоками, заносящими жатву пескомъ и каменьями. До водворенія въ горахъ земледѣлія и промышленности, до укрощенія своевольной жизни Горцевъ силою власти, они, обитая, почти безъ исключенія, на почвѣ безплодной, сбѣгали на пригорныя равнины похищать стада и произведенія земли. Эти набѣги восходятъ до первыхъ преданій міра; они предшествуютъ завоеваніямъ, какъ завоеванія предшествуютъ просвѣщенію. Горцы, отнимая или обороняя добычу жителей пригорныхъ равнинъ, отражая или преслѣдуя хищниковъ, научились прежде другихъ народовъ употребленію оружія и военнымъ хитростямъ. Если море было доступно Горцамъ, то они къ набѣгамъ на равнины присоединяли морскіе разбои, которые тоже восходятъ до первыхъ преданій міра; и Гомеровы поэмы суть не что иное, какъ двойная эпопея двойнаго разбоя: на землѣ и на моряхъ. Въ древности, когда личнаго мужества и физической силы еще было достаточно для одержанія побѣдъ, нѣкоторыя горныя племена сходили на равнины для завоеваній: такъ Ассирійцы, завоевавшіе Азію отъ Инда до Средиземнаго моря, вышли изъ горъ Атуріи; Персы Кира изъ горъ Элимаиды; Ма-

кедонцы изъ горъ Радопскихъ. Въ средніе вѣки какъ латники, такъ и легкія войска не любили углубляться въ горы; и потому Горцы тѣхъ вѣковъ, если не могли вполнѣ сохранить своей независимости, то по крайней мѣрѣ не подвергались въ Европѣ всей тяжести феодальнаго ига, а въ Азіи всѣмъ прихотямъ ея деспотовъ. Въ новѣйшія времена — когда успѣхи военнаго искуства дали регулярнымъ войскамъ силу, неодолимую для нерегулярныхъ войскъ, пріобрѣтеніе которой требуетъ времени — толпы народа, возставшаго на равнинахъ, всегда будутъ уничтожены регулярнымъ войскомъ прежде, нежели онѣ успѣютъ пріобрѣсть эту силу. Въ однѣхъ горахъ воинственный народъ можетъ замѣнить мужествомъ и дѣятельностію незнаніе военнаго искуства; можетъ выиграть столько времени, сколько нужно для того, чтобъ горный разбойникъ, горный охотникъ, стали воинами, способными на равнинахъ оспаривать у регулярныхъ войскъ побѣду. Подъ это правило не подходятъ Арабы, Ліянеры, для которыхъ неизмѣримость ихъ степей замѣняетъ горы.

Съ древнихъ временъ, при нашествіяхъ счастливыхъ завоевателей, горы служатъ послѣдними убѣжищами независимости; и въ то время — когда жители равнинъ, уже давно порабощенные, смѣшиваются съ господствующимъ народомъ — Горцы, еще только покоренные, повторяютъ еще въ народныхъ пѣсняхъ имена защитниковъ погибшаго отечества;

еще не хотятъ того, чего хочетъ господствующій народъ, и долго ненавидятъ его, потому только, что не смѣютъ начать войны съ нимъ. Вообще Горцы несравненно дольше, нежели жители равнинъ, живутъ жизнію предковъ; съ дѣтскимъ упрямствомъ сохраняютъ привязанность къ правамъ, уже ставшимъ отъ времени или обстоятельствъ безполезными; охотно ополчаются за правителей, изгнанныхъ жителями равнинъ, и не рѣдко гибнутъ въ сраженіяхъ и на эшафотахъ за то же политическое мнѣніе, за которое въ сраженіяхъ и на эшафотахъ гибли ихъ предки.

Много трудовъ и времени, при безчеловѣчныхъ мѣрахъ, стоило Римлянамъ порабощеніе горныхъ Целтиберовъ, Лудовику XIV Севенцевъ, а министрамъ Ганноверскаго дома ослабленіе народности горныхъ Шотландцевъ.

Швейцарскіе Горцы, передъ вступленіемъ въ сраженіе, три раза трубили въ длинные рога дикихъ быковъ, и каждый разъ такъ долго, пока доставало дыханія. Отъ звуковъ печальныхъ и пронзительныхъ вздрагивали Австрійцы и Бургонцы, потому-что они уже слыхали эти звуки передъ прежними сраженіями съ Швейцарскими Горцами.

Тридцать лѣтъ Албанцы отражали султановъ Амурата и Магомета — двухъ завоевателей, которые, предводительствуя лучшимъ и сильнѣйшимъ войскомъ

своего времени, возобновляли нападенія съ притворнымъ презрѣніемъ и неукротимой злобой. Эти Албанцы горды, какъ человѣкъ съ вѣковыми воспоминаніями и высокими надеждами; теперь они только горные разбойники, потому-что еще не явился второй Скандербегъ.

Изъ всѣхъ войнъ, которыми Европейцы покорили обѣ Америки, самою трудною и продолжительною была война Испанцевъ съ Араханскими Горцами, о которой забыли бы историки, если бы не напоминала объ ней эпическая поэма — странное созданіе Эрциллы, бывшаго въ одно время и завоевателемъ и Гомеромъ завоеваннаго народа.

Греческій народъ казался Европѣ живою развалиной, бродящей между развалинами изъ мрамора и гранита; казался такъ утомленнымъ трехвѣковой неволей, какъ бываетъ утомленъ жизнію старикъ, изнемогающій на могилахъ своихъ дѣтей. Не многіе въ Европѣ знали, что, по паденіи Константинополя, Греческая народность притаилась на утесахъ Маины, въ ущеліяхъ Олимпа и въ горахъ, идущихъ отъ Термопилъ къ Адріатическому морю. И между-тѣмъ, какъ Европа полагала, что бѣдные, малодушные остатки Греческаго народа вскорѣ сольются съ господствующимъ народомъ, Греческіе Горцы ждали случая къ освобожденію отечества, подобно туманамъ,

лежащимъ на вершинахъ горъ, и ждущимъ вѣтра, чтобъ упасть на равнины.

Горцы Курдистана еще обороняютъ отъ Турецкихъ султановъ тѣ же горы, тѣ же права, за которыя сражались съ наслѣдниками Кира.

Испанскій Горецъ природный контробандистъ и Гверильясъ, готовый пѣшкомъ или на конѣ сражаться, въ случаѣ непріятельскаго нашествія, за Мадритское правительство, а въ случаѣ междоусобной войны, противъ Мадритскаго правительства, котораго законы и постановленія или стѣсняютъ его, или надоѣдаютъ ему.

Не меньше, какъ и въ штабахъ Европейскихъ армій, найдется между Горцами людей съ военными способностями; и сколько гибнетъ такихъ людей отъ когтей хищнаго звѣря на охотѣ, отъ ружейной пули на разбоѣ — и преданія о нихъ не переходятъ за хребты ближайшихъ горъ!

Мы начнемъ очеркъ Испанскихъ Горцевъ Басками, какъ такимъ горнымъ племенемъ, которое, по многимъ отношеніямъ, заслуживаетъ особенное вниманіе.

Въ Европѣ три народности древняго міра, Горныхъ Шотландцевъ, Бретанцевъ и Басковъ, дожили

до XIX столѣтія; двѣ первыя видимо исчезаютъ, третья же еще не уступаетъ ни столѣтіямъ, ни вліянію господствующаго народа.

На поляхъ Кулладена изнемогла народность горныхъ Шотландцевъ; начальники клановъ, казавшіеся опасными, померли въ изгнаніи; остальные потеряли свою патріархальную власть. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія военныя дороги прошли чрезъ утесы и болота горной Шотландіи, какъ въ наше время черезъ лѣса и болота Вандеи. Съ каждымъ годомъ увеличивается число переселенцевъ, приносящихъ въ Шотландскія горы языкъ и обычаи равнинъ; съ каждымъ годомъ чаще на берегу моря волынки звучатъ прощальную пѣсню въ-слѣдъ Горцамъ, навсегда уплывающимъ въ Сѣверную Америку. Вандеецъ уже не снимаетъ шляпы, проходя мимо тѣхъ придорожныхъ крестовъ, передъ которыми самъ Наполеонъ, въ бытность свою въ Вандеѣ, снималъ шляпу; такъ Шотландскій Горецъ уже равнодушно ступаетъ на могильные холмы Горцевъ, погибшихъ за дѣло Стуартовъ. Еще одно столѣтіе — и романы Валтеръ-Скотта получатъ большую занимательность, потому-что будутъ описывать народность, уже умершую; клайморы, какъ рѣдкость, перейдутъ въ оружейныя палаты; отъ Каледонскаго языка уцѣлѣетъ нѣсколько словъ, вмѣшанныхъ въ Англійскій языкъ жителями горъ; и военный писа-

тель XX столѣтія замѣтитъ, что нѣкогда въ Англійской арміи было нѣсколько полковъ пѣхоты изъ горныхъ Шотландцевъ, имѣвшихъ вмѣсто барабановъ волынки, и одѣтыхъ въ странную смѣсь Европейскихъ мундировъ съ одеждой временъ Оссіана.

Бретань осталась тою же неровной, болотистой страною, какой была при Цезарѣ. Девятнадцать столѣтій, протекшихъ отъ Цезаря до революціи, только ввели въ Бретанскіе города Французскую народность, прибавили къ камнямъ Друидовъ камни разрушившихся замковъ и аббатствъ; жители деревень продолжали носить пестрые казакины Галловъ и говорить языкомъ Цельтовъ; но Робеспіеровы гильётины и Наполеоновъ мечь, нанося двѣ неизлечимыя раны Вандеѣ, въ то же время поразили Бретанскую народность. Изъ двенадцати тысячь Бретанскихъ крестьянъ, возставшихъ противъ Наполеона въ 1815 году, уже немногіе произносили боевыя восклицанія на языкѣ Цельтовъ и были одѣты въ пестрые казакины Галловъ. То въ одной, то въ другой Бретанской хижинѣ, умираютъ престарѣлые люди, говорившіе языкомъ, непонятнымъ для ихъ дѣтей. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія умеръ Коптъ, расказывавшій, что когда-то онъ въ Египтѣ не одинъ говорилъ по-Коптски. Такъ вскорѣ, въ какомъ-нибудь глухомъ углу Бретани, останется престарѣлый крестьянинъ съ расказомъ, что въ своей

молодости онъ встрѣчалъ Бретанцевъ, одѣтыхъ въ пестрые казакины и неговорившихъ по-Французски.

Остатокъ Целтиберовъ, побѣжденныхъ Римлянами, уклонился отъ неволи въ западный уголъ Пиренеій и, какъ звѣрь свое логовище, отстаивалъ свой уголъ въ продолженіе двухъ тысячь лѣтъ, съ одной стороны отъ Франковъ и Французовъ, съ другой стороны отъ Римлянъ, Готѳовъ, Калифовъ, а въ наше время отъ Англичанъ и Испанцевъ. Отстаивая свой уголъ, далъ по уроку въ горной войнѣ тремъ сильнѣйшимъ императорамъ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ: Цезарю Августу, Карлу Великому и Наполеону.

Этотъ остатокъ Целтиберовъ не писалъ своей исторіи; но тѣмъ занимательнѣе его исторія, написанная его непріятелями — Римлянами, Маврами, Французами.

Римляне называли этотъ остатокъ Целтиберовъ Кантабрами; они же называли себя Эскалдунаками; отпускали длинные волосы; покрывались медвѣжьими кожами, на зависть полу-нагимъ воинамъ изъ Галліи; носили клуглые щиты, хваленые Гораціемъ; вооружались топорами изъ металлической смѣси, пращами, перенятыми у Римлянъ, и ножами, послѣднимъ прибѣжищемъ въ ручной схваткѣ. Цезарь Августъ удостоилъ Кантабровъ личнымъ вторженіемъ въ ихъ

горы; но скоро наскучилъ горной войною, на которой много опасностей и мало славы. При первыхъ преемникахъ Августа Римляне забыли, что въ углу западныхъ Пиреней есть народъ, окруженный Римскими областями, но недающій воиновъ легіонамъ, гладіаторовъ цирку и взятокъ проконсуламъ — народъ простодушный среди всеобщаго разврата, бѣдный при золотыхъ рудникахъ своихъ горъ.

Съ первыхъ столѣтій по Р. Х. сосѣдніе народы стали называть остатокъ Целтиберовъ Васконцами; но они называли себя по-прежнему Эскалдунаками; по-прежнему носили длинные волосы, но уже ходили въ рубашкахъ съ широкими рукавами и блестящими запанками; вооружались пращами — наслѣдствомъ Римлянъ, ножами—наслѣдствомъ предковъ, и топорами, но уже не изъ металлической смѣси, составленіе которой было потеряно. Сѣверные варвары прошли мимо Васконцевъ. Пользуясь ослабленіемъ Франковъ и Готѳовъ, они углубляли свои набѣги до Отюне и Шатоніери; прокрадываясь чрезъ Сіерра-Морену, не разъ грабили Севилью. Эти набѣги были такъ опустошительны и неотразимы, что сѣверные Готѳы почитали лунныя и солнечныя затменія за печальныя предзнаменованія близкаго набѣга Васконцевъ. Арабы остановились передъ горами Васконцевъ. Это позволило имъ выдержать въ Аквитаніи упорную войну съ Карловингами, за наслѣдниковъ Хладовига, какъ въ наше время невмѣшатель-

ство Франціи позволило потомкамъ Васконцевъ выдержать упорную войну съ Христиносами за наслѣдниковъ Лудовика XIV. Камнями изъ пращи Васконецъ отвѣчалъ стрѣламъ Франка; въ ручной схваткѣ Васконецъ рубилъ своимъ топоромъ, а Франкъ пускалъ свой топоръ въ правое плечо или въ лице непріятеля. Мѣшая Латинскія молитвы съ боевыми пѣснями, Васконцы праздновали свои побѣды; сажали дубы близъ церквей, въ знакъ того, что окрестная земля завоевана Васконцами; но дѣти горъ, знавшіе только войну набѣговъ и засадъ, не могли удержаться на равнинахъ Аквитаніи. Съ ненавистью ко Франкамъ и ихъ Карловингамъ они удалились въ свой уголъ, и, злопамятные, при Ронцевалѣ отомстили имъ за свои пораженія въ Аквитаніи.

Расказы объ Ронцевальскомъ сраженіи наполняютъ всѣ романы, которые, въ среднихъ вѣкахъ, капелланъ замка читывалъ безграмотнымъ баронамъ и баронессамъ. Они крестились, слушая, какъ Роландъ, разимый топоромъ Васконскаго великана, затрубилъ въ свой заколдованной рогъ, и какъ отъ звуковъ, разносимыхъ силами ада, пошевелились Пиренеи и затрепеталъ Карлъ Великій, бѣгущій по равнинамъ Аквитаніи. Бароны и баронессы молились о душѣ Роланда, слушая, какъ Васконскій великанъ, бросивши свой топоръ, непрорубившій доспѣховъ рыцаря, задушилъ его въ своихъ объятіяхъ. Васконцы поставили часовню надъ могилами рыцарей Карла

Великаго. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій кругомъ часовни погребались странники, умершіе при переходѣ чрезъ Ронцевальскую долину; монахъ, приставленный къ часовнѣ, показывалъ Роландовъ мечь, и дорого продавалъ куски какихъ-то огромныхъ костей легковѣрнымъ Французамъ, думавшимъ, что они покупаютъ неопровергаемыя доказательства огромнаго роста своихъ предковъ. Уже кирпичная пирамида стояла на мѣстѣ часовни въ то время, когда войска Французской республики, съ криками великой радости, спустились въ Ронцевальскую долину. По приказанію народныхъ представителей, Французы, при звукахъ военной музыки, при торжественныхъ восклицаніяхъ, разрушили пирамиду, и надъ разбросанными кирпичами распустили трехцвѣтное знамя. А народные представители поспѣшили донести Конвенту:« отмщена древняя обида, нанесенная Французско-«му народу! Испанцы своею кровью смыли съ пира-«миды надпись, говорившую о пораженіи Францу-«зовъ, и тѣни обиженныхъ предковъ утѣшились!»

Но что такое эта Ронцевальская битва, наполнявшая всѣ романы среднихъ вѣковъ, слитая съ воспоминаніями рыцарства; по прошествіи тысячи лѣтъ еще живая въ поэтическихъ преданіяхъ Южной Европы; еще оскорбляющая честь многочисленнаго народа и, подобно битвѣ, рѣшившей судьбу государствъ, прославившая какую-то долину, которой, безъ этой битвы, не описалъ бы ни географъ, ни путешественникъ?

Эгингардъ, секретарь Карла Великаго, пишетъ, что когда императоръ, по войнѣ съ Маврами, проходилъ чрезъ западные Пиренеи, Васконцы устроили засаду на горѣ, покрытой частымъ кустарникомъ и, давши пройти главному войску, напали на войско, охранявшее обозъ; отбросили войско въ Ронцевальскую долину, ограбили обозъ и, пользуясь темной ночью, разбѣжались въ разныя стороны. Послѣ этаго Ронцевальская битва становится поискомъ, обыкновеннымъ въ горной войнѣ.

При Лудовикѣ Простодушномъ Васконцы, основавшіе независимое государство по сю сторону Пиренеи, были покорены Франками. Потомки этихъ Васконцевъ, извѣстные подъ именемъ Французскихъ Басковъ, пользовались до революціи многими правами предковъ, и до нашего времени—такъ упрямо племя Цельтиберовъ! — сохранили языкъ и народность.

Въ среднихъ вѣкахъ Васконцы почитались искусными мореходцами и лучшими китоловами. Но въ XII столѣтіи киты перестали заходить въ Баскій заливъ. Въ тоже время, какъ земледѣлія и скотоводства стало недостаточно для прокормленія размножившагося народонаселенія, набѣги же были обузданы королями Аррагонскими и Французскими — нужда принудила Васконцевъ усилить морскіе разбои: одни проникали за Гибралтарскій проливъ, другіе достигали

Нѣмецкаго моря, и за смѣлость поисковъ были прозваны морскими волками.

Новѣйшіе народы назвали остатокъ Целтиберовъ Басками; но они по-прежнему называютъ себя Эскалдунаками; носятъ куртки Савойцевъ и береты кровавого цвѣта; вооружаются карабинами, но по-прежнему отпускаютъ длинные волосы, и носятъ ножи для ручной схватки.

Въ уединенной долинѣ, близъ деревенской церкви, на берегу ручья, бѣгущаго въ Баскій заливъ, стоитъ дубъ Гернике, одно изъ старшихъ деревъ въ Европѣ. Баскъ приближается къ нему съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ нѣкогда Яковитъ приближался къ дубу, укрывшему Карла II отъ Кромвелевыхъ солдатъ. Баскъ бережетъ вѣтвь отъ дуба Гернике, какъ Наполеоновъ солдатъ крестикъ Легіона, полученный изъ рукъ императора. Дубъ Гернике вмѣшивается въ семейныя и отечественныя воспоминанія Баска: расказываетъ ли онъ о подвигѣ предка, то не забываетъ прибавить, что подвигъ былъ совершенъ близъ дуба Гернике; расказываетъ ли онъ о чудесахъ однаго изъ Святыхъ, больше почитаемыхъ Басками, то не забываетъ прибавить, что чудеса совершены близъ дуба Гернике. «Наши гербы не мо-«ложе королевскаго, говорятъ Баски; но у насъ еще «не было гербовъ, а старые люди уже совѣщались «подъ дубомъ Гернике о народныхъ дѣлахъ. Короли

«сперва Леонскіе, Аррагонскіе, потомъ короли всѣхъ «Испаній приходили подъ его вѣтви, поднимали къ «небу правыя руки и клялись сохранять Фуэросы Ба- «сковъ. Отъ-вѣка Баски не были въ зависимости и не «нуждались въ чужомъ хлѣбѣ: потому-что о независи- «мости и о хлѣбѣ молятся подъ дубомъ Гернике. Нечи- «стая сила бѣжитъ отъ шума его листьевъ, и ничего «рабскаго не снится уснувшему подъ нимъ: потому-что «онъ—дерево нашихъ Фуэросовъ.» Холодный Робертсонъ забылъ описать, какъ толпы Басковъ, въ полномъ вооруженіи, съ открытыми головами, благоговѣя, тѣснились кругомъ дуба Гернике; толпа придворныхъ и ряды тѣлохранителей свѣтлѣлись позади Басковъ: потому-что это была одна изъ тѣхъ торжественныхъ минутъ, въ которыя государь хочетъ быть наединѣ съ народомъ; вѣтви дуба Гернике служили балдахиномъ императору Карлу V, налой, взятый изъ ближней церкви — письменнымъ столомъ; наклонившись, императоръ подписывалъ хартію Баскихъ Фуэросовъ. Она лежитъ на алтарѣ ближней церкви.

Новая исторія, до Французской революціи, рѣдко упоминаетъ о Баскахъ. Немногіе изъ ученыхъ имѣли понятіе объ ихъ Фуэросахъ. Баски сломили, при Павіи, Французское дворянство, заслонившее Франциска I. Филиппъ II пожаловалъ дворянское достоинство всѣмъ Баскамъ безъ исключенія, что показываютъ тысячи гербовъ, прибитыхъ къ периламъ балконовъ, къ

перекладинамъ воротъ. Мазаринъ, подписывая на берегу Бидасои брачный договоръ Лудовика XIV съ инфантой, глубоко вздохнулъ о томъ, что не принудилъ Испанію уступить Франціи части Баскихъ областей. Вольтеръ упоминаетъ о Баскахъ, какъ о небольшемъ народѣ, который поетъ и пляшетъ въ глуши Пиреней. Во время Американской войны неразъ писали въ Мадритскихъ и Парижскихъ газетахъ, какъ Баскій корсаръ, обманувши Англійскій конвой, выхватилъ нѣсколько кораблей изъ купеческаго флота. Уже осьмой годъ, какъ прѣнія Палатъ, газеты и литографіи — постоянно напоминаютъ Европѣ о Баскахъ, о ихъ Фуэросахъ, о ихъ дубѣ Гернике, величая его зеленѣющеюся Капитоліей Басковъ.

Остатокъ Целтиберовъ къ своей исторіи, написанной его непріятелями, прибавилъ одно вѣрованіе, нѣсколько знаковъ и буквъ, вырубленныхъ топорами на хребтахъ утесовъ, три преданія и двѣ народныя пѣсни.

Гордѣе Аррагонскаго sino, но, вѣрованіе Басковъ, что они старшія дѣти міра; отъ-вѣка никому не давали заложниковъ; не платили даней и податей, и королю, живущему въ Мадритѣ, повинуются—какъ ровные ровному.

Еще никто не объяснилъ знаковъ, не разобралъ буквъ, вырубленныхъ топорами на хребтахъ Баскихъ утесовъ; а Баски давно забыли, на память чего вырублены эти знаки и буквы: на память ли набѣга, морскаго разбоя, или побѣды, одержанной надъ огромными змѣями, которыя, до среднихъ вѣковъ, изъ пещеръ и лѣсовъ выпалзывали къ Баскамъ—или эти знаки и буквы вырублены на память только домашней радости, или домашняго горя.

Три преданія Баскъ принимаетъ за историческіе факты: въ первомъ преданіи Роландъ живетъ, какъ въ Аріостовой поэмѣ. По второму преданію Баски когда-то завоевали Ирландію; по третьему, они въ лодкахъ изъ выдолбленнаго дерева, обитыхъ кожами, преслѣдуя китовъ, переставшихъ заходить въ Баскій заливъ, и становясь смѣлѣе съ каждымъ счастливымъ ловомъ, доплывали до Терра-Нёва и Давигова пролива, и задолго до Колумба курили трубки мира передъ огнемъ Совѣта Американскихъ дикарей. Можетъ быть, это преданіе Басковъ объ Америкѣ есть только темное воспоминаніе о томъ, что когда-то, еще до отдѣленія Испаніи отъ Африки, Целтиберы бывали за Атлантическимъ Океаномъ — воспоминаніе, котораго Целтиберы не оставили своимъ соотечественникамъ, ставшимъ рабами Римлянъ.

Бреганы сохранили поэтическій расказъ о Юліи Цезарѣ: «Онъ вышелъ на наши берега съ гордостію

«завоевателя; покинулъ ихъ ночью съ поспѣшностію «бѣглеца; онъ исчезъ, какъ на пескѣ, при тепломъ «вѣтрѣ, исчезаетъ клокъ снѣгу!» Остатокъ Целтиберовъ сохранилъ народную пѣсню о Цезарѣ Августѣ: «Онъ, повелитель міра, держалъ насъ въ осадѣ съ «моря и съ земли. Онъ былъ въ тяжелыхъ латахъ; «мы легкіе были, безъ латъ! Ему принадлежали рав«нины, а намъ горы. Мы теряли однаго, онъ четве«рыхъ...» Продолженіе этой пѣсни вы найдете въ поэтахъ Римскаго двора: они, сладострастные наставники въ нравственности, славя пиры и нѣгу, проговаривались о смерти; славя побѣды Цезарей, проговаривались о неодолимыхъ Кантабрахъ, выносившихъ удары Капитолійскаго орла, въ то время, когда онъ, по прекрасному выраженію Саллюстія, плавая надъ міромъ, распоряжался царствами.

Много столѣтій прошло по войнѣ Цезаря Августа съ Кантабрами, какъ

«Чужіе голоса раздались въ горахъ; Этхеко (вое«начальникъ), стоя у воротъ своего дома, вслушивает«ся и, вслушавшись, говоритъ: чего хотятъ они?»

«Чужіе голоса приближаются; уже оглашаютъ «Ибанхское ущелье; Эскалдунаки затрубили въ бы«чачьи рога и начали точить стрѣлы.»

«Идутъ, идутъ! Какъ частъ и высокъ лѣсъ ихъ «копій! Сколько разноцвѣтных знаменъ развѣвается «посреди этаго лѣса! Какой блескъ отъ ихъ оружія! «Дитя, перечти Франковъ!»

Дитя начинаетъ считать отъ однаго до двадцати; но дальше, какъ, можетъ быть, и сами взрослые, дитя не знаетъ счету.

«Двадцать! Больше двадцати! Тысяча! Больше тысячи!»

«Приподнимемъ утесы! сбросимъ утесы съ гор- «ныхъ вершинъ на головы Франковъ! передавимъ! «перебьемъ! Чего хотятъ въ нашихъ горахъ эти дѣ- «ти Сѣвера? Богъ создалъ горы для того, чтобъ лю- «ди не проходили черезъ нихъ!»

«Утесы катятся, падаютъ, давятъ войско! кровь «струится, члены растерзаны, кости переломаны!»

«Спасайся тотъ, у кого еще есть сила, у кого «еще цѣла лошадь! Спасайся король Карлъ, съ своими «черными перьями, съ своимъ краснымъ плащемъ! «Твой племянникъ, твой храбрѣйшій, твой любимый «Роландъ—лежитъ! Его мужество ни къ чему не по- «служило!..»

«Эскалдунаки! сбросимся въ долины, пустимъ «стрѣлы въ бѣгущихъ!»

«Они бѣгутъ, они бѣгутъ! Гдѣ лѣсъ копій? «Гдѣ разноцвѣтныя знамена, развѣвавшіяся посреди «этаго лѣса? Нѣтъ блеска отъ оружій, замаранныхъ «кровью!.. Дитя! перечти вѣрнѣе, сколько осталось «Франковъ!»

Дитя, какъ, можетъ быть, и сами взрослые, не зная счета дальше двадцати, считаетъ:

«Двадцать, девятнадцать... одинъ!.. ни однаго!»

«Кончено!.. Этхеко, иди обнять жену и дѣтей! Орлы, слетайтесь склевать передавленное войско!..»

Римляне надѣялись, что остатокъ Целтиберовъ, окруженный Римскими областями, сжатый поясомъ изъ Римскихъ крѣпостей, скоро забудетъ свой языкъ для того языка, на которомъ Цезари приказываютъ міру; скоро назовется именемъ Ромулова народа, предоставя исторіи помнить имя своихъ предковъ. Но Римскій языкъ умеръ, какъ голосъ, затихшій подъ грудами развалинъ; и въ самой Капитоліи, кромѣ ея стѣнъ, нѣтъ ничего Римскаго: остатокъ же Целтиберовъ — Баски не испытали ни однаго изъ тѣхъ переворотовъ, которые уничтожаютъ народность, и потому еще не постарѣли со времени Римлянъ; только при-

мѣты Целтиберовъ — смуглый цвѣтъ лица и кудрявые волосы—отняты у Басковъ вѣчными тѣнями лѣсовъ и горъ, и малый ростъ Целтиберовъ приблизился у Басковъ къ высокому росту сѣверныхъ народовъ. Какъ сохранили свои голоса птицы, отъ-вѣка вторящія морю, бьющемуся о скалы Басковъ; такъ во всей чистотѣ сохранили Баски языкъ предковъ, неимѣющiй ничего общаго ни съ однимъ изъ живыхъ и мертвыхъ языковъ — чуждый тѣхъ словъ, тѣхъ оборотовъ, которыми Западная Европа измѣнила свои языки для того, чтобъ Римляне могли понимать изъявленiя покорности, выражаемыя не на Латинскомъ языкѣ. Подобно Кантабрамъ, Баски спрашиваютъ сосѣдей: развѣ вы не свободные люди, что носите короткiе волосы? Подобно Кантабрамъ, дичатся иностранцевъ, и думаютъ, что горы созданы для того, чтобъ чужiе люди не проникали въ долины Басковъ. Полуночныхъ хороводовъ въ родной долинѣ хочется Баску, сидящему въ партерѣ Мадритскаго театра: тѣхъ же хороводовъ хотѣлось Кантабру, стоявшему на ступеняхъ Римскаго цирка. Въ Баскихъ горахъ мѣрные звуки молотовъ, поднимаемыхъ водою и бьющихъ наковальни, при шумѣ водопадовъ и крикѣ орловъ, напоминаютъ путешественнику, что Кантабры, лучшiе кузнецы древности, передали потомкамъ свое ремесло. Два поэта Этрурскаго Рима—слѣдственно еще воинственнаго Рима — сказали, что ни голодъ, ни жажда, ни зной, ни холодъ не одолѣютъ Кантабровъ. Гонзальвъ Кордуанскiй утвер-

ждалъ, что легче смирить льва, нежели Баска. Наполеоновы солдаты говорили: «разруби Баска на куски — изъ каждаго куска явится по цѣлому Баску, чтобъ сразиться съ тобою!»

Легенды Католицизма не замѣнили въ памяти Басковъ преданій Бардовъ, населившихъ Пиренеи волшебницами и духами. То не ледяныя громады на горѣ Аюмендѣ, при солнцѣ, кажутся утесами, вылитыми изъ благородныхъ металловъ—то замокъ волшебницы Маитогори: то не верхи ледяныхъ громадъ на горѣ Аюмендѣ, при лунѣ, кажутся разцвѣчеными и, мѣстами, блестятъ, какъ звѣзды—то разноцвѣтныя одежды волшебницъ, то драгоцѣнныя каменья ихъ головныхъ уборовъ, и полуночный вѣтеръ, слетѣвшій съ Аюменди въ долину, приноситъ запоздалому путнику голоса волшебницъ. Старый Баскъ, ставя на часы молодаго Гверильяса, говоритъ ему: «отсюда близокъ тотъ ручей, къ которому Маи-«тогори приводитъ поить любимую лань, и потому «бойся заснуть: не одинъ молодой Эскалдунакъ, за-«снувшій близъ этаго ручья, просыпался на вершинѣ «Аюменди отъ поцалуевъ волшебницы.» При разразившейся бурѣ, изъ глубины лѣса выходитъ Басса-Іаона — духъ-великанъ, садится на придорожный пень, сбрасываетъ съ лица длинные волосы — и съ молніями, падающими съ неба, пересѣкаются молніи, поднимающіяся отъ земли: то взгляды Бассы-Іао-

ны. Въ звуки бури мѣшаются другіе звуки, чуждые бурѣ: то голосъ Бассы-Іаоны. Мать, отпуская сына въ дорогу, говоритъ ему: «помни, что Басса-Іаона «не любитъ Эскалдунаковъ, потому-что Эскалдунаки «*старые* Христіане. Если тебя на дорогѣ кто клик-«нетъ по имени, сперва скажи — ave Maria! послѣ откликнись: услыша ave Maria, Басса-Іаона не пос-«мѣетъ въ другой разъ кликнуть Эскалдунака по «имени, чтобъ заманить его въ руки недобрыхъ. «Если услышишь, что кто-то идетъ позади тебя, «сперва скажи — ave-Maria! потомъ оглянись: Басса-«Іаона невидимкой ходитъ за пѣшими и конными, «и если который изъ нихъ безъ ave Maria оглянется «на его шорохъ, то на своемъ лѣвомъ плечѣ уви-«дитъ лице нечистаго, насмѣхающагося надъ испу-«гомъ Христіанина.»

Фуэросы Басковъ больше льстятъ ихъ народной гордости, нежели приносятъ пользы, и одно изъ ихъ главныхъ достоинствъ, по мнѣнію Баска, заключается въ томъ, что прочіе Испанцы не пользуются ими; что онъ можетъ сказать гордымъ Кастиліянцамъ: «вашъ король только мой sennor (государь)»; можетъ гордиться мыслію, что король всѣхъ Испаній и обѣихъ Индій не имѣетъ права смѣнить алькада въ Баской деревнѣ. О сохраненіи своихъ Фуэросовъ Баскъ молится, какъ о жизни въ небѣ; сражается за нихъ, какъ за жизнь на землѣ. Вѣруя въ предопредѣленіе, Баскъ,

съ безпечностію Мусульманина, рѣшается на самый опасный подвигъ и совершаетъ его, какъ Сѣверо-Американскій дикарь, почитающій убійство непріятеля святымъ дѣломъ.

Къ западу отъ Бидасои лежитъ королевство Наваррскихъ Басковъ; по сторонамъ его безлюдныхъ дорогъ изрѣдка показываются хижины, покрытыя каменными плитами, ряды деревянныхъ крестовъ, ведущихъ къ часовнѣ, какъ аллея изъ сфинксовъ къ Египетскому храму; изрѣдка пастухи въ овечьихъ кожахъ мелькаютъ на ходуляхъ подъ тѣнями сосноваго лѣса. Малѣйшее дуновеніе вѣтра сметаетъ слѣды человѣка съ большей части Наваррскихъ долинъ, сожженныхъ солнцемъ, какъ окрестности Мертваго-моря съ ихъ клочками сухаго дерна, съ ихъ холмами изъ бѣлаго и краснаго мѣла. Наваррскіе Баски, больше Французскихъ, отступили отъ обычаевъ Кантабровъ, больше измѣнили свой языкъ; но никогда Наваррецъ не назоветъ Испанцевъ своими соотечественниками: онъ почитаетъ себя происшедшимъ отъ крови, несравненно благороднѣйшей; гордится своей Пампелуной, величаетъ ее неодолимою — и за-то такъ много напоминаетъ ему его Пампелуна о государяхъ съ титуломъ королей, только Наваррскихъ.

Пиренеи — огромная стѣна, въ верху которой природа продѣлала отверстія, какъ батарея проломы въ крѣпостной стѣнѣ — отдѣляютъ отъ королевства

Леонскаго Астурію, колыбель Испанской монархіи, классическую землю ея государственныхъ людей. Миновавши Астурію, Пиренеи расширяются и наполняютъ Галицію, теперь забытую путешественниками. Но въ среднихъ вѣкахъ на ея дорогахъ видали королей Французскихъ, Польскихъ, и бароновъ со всѣхъ концевъ Европы, идущихъ помолиться св. Іакову Компостельскому. Астурійцы, неутомимые погонщики муловъ, любятъ испытывать свое проворство и силу противъ медвѣдей, еще многочисленныхъ въ Астуріи; крѣпки и воинственны, какъ ихъ предки, ударами копій выбившіе Мавровъ изъ Испанскихъ городовъ. Отъ множества заливовъ, углубившихся въ Галицію, ея берега составляютъ разительную противоположность съ морскими берегами остальной Испаніи, гдѣ пристани рѣдки и не всегда безопасны. Словомъ, Галиція кажется землей, созданной для того, чтобъ служить разсадникомъ мореходцевъ: но ея Горцы, любя, подобно Савойцамъ, хлѣбъ чужбины, уходятъ далеко отъ роднаго океана, чтобы гнуться подъ кипами товаровъ въ приморскихъ городахъ Испаніи, чтобъ помогать Португальцамъ сбирать оливы и апельсины.

Сосѣдство съ Эбро, рѣкой-измѣнницей, открывшей Римлянамъ широкій путь въ землю Целтиберовъ, было причиной, что Каталонія, прежде остальной Испаніи, подпала подъ власть Римлянъ. Съ помощію Франціи она первая изъ Испанскихъ областей осво-

бодилась. отъ Мавровъ и, подъ именемъ Годолоніи, при независимыхъ графахъ Барцелонскихъ, щедро надѣленная Фуэросами, заняла важное мѣсто въ политическомъ мірѣ того времени, и стала родиной Трубадуровъ, придавшихъ столько блеска двумъ столѣтіямъ XII и XIII-му. Безплодіе долинъ, за исключеніемъ Леридской и Ургельской, принудило Каталонцевъ полюбить войну и торговлю. Они первые изъ Испанцевъ вступили съ Маврами въ морскія сраженія, завоевали Минорку и Сардинію, помогли Аррагонцамъ овладѣть Сициліей. Самая торговля Каталонцевъ, распространенная ими по всѣмъ путямъ тогда извѣстнаго міра, требовала, какъ торговля Генуэзцевъ, физическихъ силъ и мужества: физическихъ силъ—для перенесенія долговременныхъ странствій въ земляхъ отдаленныхъ, и мужества—для обороны отъ разбойниковъ и—что случалось нерѣдко—для защиты оружіемъ права продажи или купли. Каталонцы на Левантскихъ торжищахъ хитрили противъ Итальянцевъ; находились въ числѣ Европейцевъ, просившихъ Тамерлана о пощадѣ Азова. Шотландскіе Горцы удивлялись, что Каталонцы, живущіе *недалеко отъ папы*, знаютъ путь къ Оркадскимъ островамъ не хуже Горца-рыболова.

Отъ безпрерывныхъ войнъ, морскихъ и сухопутныхъ, и отъ самой торговли, такъ сказать, воинственной, образовалось изъ Каталонской черни поколѣніе, не знавшее другаго ремесла, кромѣ войны, другой

добродѣтели, кромѣ мужества; слишкомъ лѣнивое, чтобы прокормиться трудами рукъ, слишкомъ гордое, чтобъ просить милостыни. Оно соединило морскіе разбои съ ремесломъ Кондотіерри, и, по нѣскольку лѣтъ сряду, далече отъ отечества, не знало другаго жилища, кромѣ корабля или палатки.

Императоры Византійскіе, угрожаемые Турками, съ радостію и страхомъ встрѣчали Каталонскихъ Кондотіерри. Они, недовольные императорами, захватывали Греческіе города, которыхъ имена узнавали уже по вступленіи въ нихъ ворота, и, господствуя по нѣскольку лѣтъ въ этихъ городахъ, не узнали ихъ исторіи. Много разъ Генуэзскіе нобили уполномочивали своего дожа купить золотомъ дружбу Каталонцевъ; легковѣрные Византійцы расказывали, какъ Каталонецъ, однимъ ударомъ меча, разрубалъ пополамъ всадника и его коня. Императоръ Фридерикъ II славилъ въ стихахъ мягкія руки Англичанокъ и прекрасныя лица Каталонянокъ. Сочинители рыцарскихъ романовъ и волшебныхъ сказокъ любили приводить своихъ героевъ въ Каталонскіе замки, гдѣ, обыкновенно, за отсутствіемъ мужа, Donna Catalanna, гордая, но гостепріимная, встрѣчала рыцаря.

Не-даромъ говорятъ хроники, что Каталонцы, при встрѣчѣ съ королемъ Аррагонскимъ, за сорокъ шаговъ кланялись въ землю; но, вставая, помнили, что у нихъ есть мечи. Не-даромъ Кастильянецъ, го-

воря о Каталоніи, рѣдко забываетъ прибавить къ ней эпитетъ: *мятежная*. Съ XIII столѣтія Каталонія столько разъ возставала противъ королей Аррагонскихъ и Испанскихъ, что большая часть ея исторіи, подобно исторіи Турецкаго государства, заключается въ описаніи мятежей. Въ каждое возстаніе, то избирая въ князья Каталонскіе иностранныхъ государей, то провозглашая Каталонію республикой, Каталонцы сражались на стѣнахъ городовъ и въ тѣснинахъ горъ съ такимъ самоотверженіемъ и упорствомъ, какъ будто трупы братьевъ и пепелъ родныхъ жилищъ придавали Каталонцамъ новыя силы.

Каталонцы, прозванные за свою жадность къ прибытку Испанскими Генуэзцами, по-прежнему соединяютъ любовь къ торговлѣ съ любовью къ войнѣ; еще говорятъ старымъ Французскимъ языкомъ, бывшимъ въ средніе вѣки языкомъ поэзіи. Въ XVIII столѣтіи Каталонскіе депутаты, исчисляя королю Испанскому заслуги своихъ соотечественниковъ, между прочимъ сказали: «наши предки были отцами народной поэзіи». Каталонцы еще любятъ живую пляску предковъ, въ которой женщина, быстро отдѣлившись отъ земли, медленно падаетъ на ожидающія ее руки мужчины. Еще поютъ романы Трубадуровъ о подвигахъ графовъ Барцелонскихъ, о Гречанкахъ, любившихъ Каталонцевъ при Византійскомъ дворѣ. По-прежнему бѣдный Горецъ приставляетъ лѣстницу къ крутизнѣ утеса, и нанашиваетъ мѣшки

съ плодородной землей на его голую вершину, назначенную природою въ убѣжище дикимъ звѣрямъ. По-прежнему Каталонцы больше Французы, нежели Испанцы, и не смотря на это, ненавидятъ Французовъ: ибо Франція, пользуясь любовью Каталонцевъ къ независимости—сильною, какъ любовь къ самой Каталоніи—нѣсколько разъ, для выгодъ своей политики, возстановляла ихъ противъ Испаніи, и каждой разъ оставляла на жертву раздраженнымъ правителямъ. Въ отмщеніе за это Каталонія сражалась съ войсками Лудовика XIV за Австрійскій домъ, какъ не сражалась за Австрійскій домъ ни одна изъ его наслѣдственныхъ областей, даже не исключая Тироля. Оставленная государями, ею избранными, и Англичанами, своими союзниками, она девять лѣтъ боролась съ соединенными арміями Лудовика XIV и Филиппа V; будучи ослаблена усиліями отчаянія, лучше хотѣла поддаться Турецкому султану, нежели признать своимъ королемъ Француза. Большая часть Каталонскаго дворянства, до нашего времени, постоянно отказывалась отъ службы Испанскимъ Бурбонамъ; въ войну революціонную и въ войну за независимость Каталонцы бросались на Французскія колонны съ чувствомъ, больше похожимъ на злобу, нежели на мужество. Каталонцы признали бы королемъ Наполеонова брата, если бы Французы не пришли поддержать его на престолѣ, и возстали бы за Фердинанда VII, хотя бы вся остальная Испанія, съ равнодушіемъ покорилась Французамъ: ибо Каталонцы

хорошо помнятъ бѣдствія Барцелонны подъ бомбами Бервика, разрушеніе Ксантивы, погибшей за Австрійскій домъ, какъ Сагунтъ погибъ за Римлянъ; хорошо помнятъ, какъ, по приказанію короля-Француза, палачь сжегъ Каталонскія знамена, и еще не забыли того, что было написано о Каталонскихъ Фуэросахъ въ хартіяхъ, скрѣпленныхъ королями Аррагонскими и Испанскими—въ хартіяхъ, увезенныхъ изъ Барцелоны и преданныхъ тлѣнію въ Саманскомъ архивѣ по приказанію короля-Француза. Въ войну за независимость Каталонія тѣмъ была между Испанскими областями, чѣмъ Сарагосса между Испанскими городами.

Таковы Горцы Испанскаго сѣвера съ своими народностями, недоступными столѣтіямъ, какъ недоступны имъ стѣны Тарагоны, древнѣйшаго изъ городовъ Испанскаго сѣвера — онѣ, безпорядочно сложенныя изъ гранитныхъ кусковъ, кажутся дѣломъ допотопныхъ Титановъ.

Подъ небомъ глубокимъ и печальнымъ, какъ небо въ картинахъ древнихъ живописцевъ, лежитъ Средняя Испанія, чуждая трудолюбія Сѣверной и пышнаго убранства Южной. Здѣсь города и сіерры окружены степями, печально убранными верескомъ и желтыми растеніями, какъ Гамлетова сумасшедшая убрана въ свой вѣнокъ изъ цвѣтовъ и соломы. Это не степи Аравіи, гдѣ человѣкъ еще не проходилъ

съ дѣломъ рукъ своихъ, и гдѣ одинъ Бедуинъ можетъ найти отечество. Это не земли, истощившія терпѣніе человѣка, и потому брошенныя звѣрямъ и дикимъ растеніямъ. Въ этихъ степяхъ полосы обработанной земли своими оливами и виноградниками обвиваютъ человѣка.

Два народа населяютъ Среднюю Испанію: Аррагонцы, гордые, какъ ихъ славное sino, но, гиперболами превозносятъ свою Аррагонію, какъ лучшую изъ земель, покровительствуемыхъ Мадоной. Нѣкогда народъ многочисленный и богатый населялъ Аррагонію; но теперь — гдѣ два-три дома, окруженные слѣдами другихъ домовъ; гдѣ одинокая часовня, бывшая приходской церковью такихъ селеній, которыхъ и самыя имена забыты; гдѣ въ мѣстѣ, отдаленномъ отъ жилья, слѣды плуга, еще не вовсе сглаженные временемъ, показываютъ, какъ жестоко наказана Аррагонія за то, что не хотѣла даться въ обиду Филиппу II, и за то, что любила Австрійскій домъ.

Кастильцы, такъ надменные, какъ будто XVI-е столѣтіе еще не прошло для Испаніи, лѣнивые, какъ Конкистадоръ по своемъ возвращеніи въ Европу—скоро дождутся того, что ихъ Кастилія обратится въ море изъ песку съ островами изъ гранитныхъ утесовъ. Уже три столѣтія тому, какъ Кастильскій Мадритъ сталъ Испанской столицей, но Кастильцы говорятъ: «Мадритъ столица придворныхъ и нашей

«Америки; у насъ же есть Толедо, одна изъ столицъ «Католицизма, и Бургосъ, который превосходитъ «Фуэросами Мадритъ; потому-что нашъ Бургосъ свя-«той городъ, и хранитъ въ своемъ соборѣ гробы «графовъ Кастиліи.»

Особое племя отъ Кастильцевъ составляютъ Эстремадурцы, *старые* Христіане, по увѣренію романсовъ о Сидѣ. Они населяютъ область, любимую Римлянами, украсившими ее Меридой, любимую Маврами, сдѣлавшими ее садомъ; но теперь она обѣднѣла и была бы вовсе забыта, если бы пастухи мериносовъ и погонщики муловъ не славили въ своихъ пѣсняхъ женщинъ и городовъ Эстремадуры. Живя въ области, чуждой сообщеній какъ съ Португалліей, такъ и съ другими Испанскими областями, Эстремадурцы сохранили суровость предковъ, которые у Карла V, уединившагося въ монастырь св. Юста, крали форелей, отгоняли коровъ, заходившихъ на пашни, и бросали каменьями въ его маленькаго Дона Жуана, когда онъ хотѣлъ полакомиться чужими вишнями.

И холодные историки, говоря объ Южной Испаніи, чувствуютъ поэтическое беспокойство, отъ котораго прерываютъ свое повѣствованіе, чтобъ сказать, какъ вѣтерокъ раскрываетъ бѣлые цвѣты фисташковыхъ деревьевъ, и они кажутся осыпанными горнымъ снѣгомъ; чтобъ вспомнить о томъ поэтѣ-Арабѣ, который, бѣжавши изъ Багдада и ставши Кардубскимъ

калифомъ, посадилъ въ Испаніи первую пальму на память о берегахъ Евфрата, и говорилъ ей въ стихахъ: «прекрасная пальма! мы съ тобою чужіе на югѣ; но тебя не мучитъ тоска о востокѣ!»

Подъ небомъ, у котораго лазурь еще не перенята живописцами, цвѣтетъ и благоухаетъ Южная Испанія съ вѣчной весной и неулетающей пылью. Здѣсь природа въ одно время томна и дѣятельна, какъ природа тропиковъ; она «подобно рѣзвой дѣвѣ, сыплющей изъ передника цвѣты на подругъ» * сыплетъ свои лучшіе дары на два племени Африканской крови, поэтическія, но малодушныя, нѣжащіяся въ неволѣ у чувственныхъ наслажденій, отъ которой навремя освобождаетъ ихъ вѣтеръ Солано, принося потребность преступленій. Опытомъ оправдана Кастильская пословица, что въ Южной Испаніи нѣтъ мужей: жители Мурціи, молчаливые какъ Мусульмане, Андалузцы, прозванные Испанскими Гасконцами, и самые Валенціяне съ своимъ демократическимъ духомъ всегда оставались спокойными зрителями непріятельскихъ нашествій, и потому представляютъ второстепенныя лица въ своей собственной исторіи.

Путешественникъ подумаетъ, что Мавры еще не оставляли Валенціи и Мурціи: вотъ ихъ Арабскіе профили и широкія одежды! вотъ ихъ полумѣсяцы

* Сравненіе одпаго Испанскаго поэта.

на башняхъ, ихъ колеса для поднятія воды! вотъ сады ихъ Абенсараговъ, въ которыхъ больше цвѣтовъ, нежели листьевъ! Подъ этими уединенными деревьями, уже дававшими тѣнь Маврамъ, воображенію такъ легко представить одну изъ плѣнницъ гарема! «Наслажденіе» говоритъ историкъ Маріанна «проникаетъ въ окна и двери Валенціи». А по словамъ Абулфеда: «голубь отдалъ ея горамъ свое ожерелье; павлинъ «ея полямъ—свою одежду; воды Валенціи—вино, воз«становляющее силы; а тѣ долины, въ которыя онѣ «изливаются—кубки калифа.»

* «Какая великолѣпная лѣсница ведетъ изъ Ка«стиліи въ Андалузію! Каждая ступень изъ гранитной «горы, обсаженной вверху сосновымъ лѣсомъ, а вни«зу розами и пальмами. Когда мы говоримъ сіерра, «то разумѣемъ тебя, Сіерра-Морена, какъ Римляне «разумѣли свой Римъ подъ словомъ городъ. Ты лю«бишь играть своимъ покрываломъ изъ облаковъ, «какъ молодая Испанка своими черными локонами. «У тебя много золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, «но ты ихъ таишь въ своихъ нѣдрахъ, потому-что «твоя красота, убранная въ зелень, не нуждается въ «дорогихъ украшеніяхъ!» Только въ случаѣ необходимости Испанецъ рѣшится углубиться въ Сіерра-Морену: такъ ея дороги малодоступны колесамъ и муламъ; такъ онѣ опасны для жизни путешественника отъ множества разбойниковъ, а для его души отъ цѣлаго

* Изъ однаго Испанскаго поэта.

племени чародѣевъ, брошенныхъ легендами въ уединенныя долины Сіерра-Морены.

Наполеоновы колонны остановились отъ удивленія, увидя съ вершинъ Сіерра-Морены Андалузію, и отдали честь оружіемъ ей, такъ же прекрасной въ природѣ, какъ въ гекзаметрахъ Гомера и въ прозѣ Фенелона. По словамъ Мавровъ, равнины Андалузіи пестрѣе ковра, разостланнаго въ свѣтлицѣ гарема; океанъ любитъ ласкаться къ гіацинтамъ и нарциссамъ ея береговъ; пальмы, заблудившіяся дѣти Востока, привлеченныя сладостію климата, тѣснятся у ея потоковъ, или зѣленѣющимися башнями возносятся надъ лимонными рощами. Сіерры, изъ голубаго мрамора въ бѣлыхъ пятнахъ, какъ тигрова кожа, обдаютъ Андалузію запахомъ розъ и миртъ; даже козьи стада, вышедшія изъ сіерръ на долины, долго сохраняютъ этотъ запахъ.

Въ углу Андалузіи возвышается Серанія ди Ронда, отечество Алпухаракскихъ Горцевъ. «Тучи ей служатъ чалмою, а потоки на ея полускатахъ—поясами.*» Бока Сераніи, обставленные утесами, почернѣвшими отъ солнца, искривлены, переломаны тѣмъ физическимъ переворотомъ, который пытался проложить черезъ Серанію путь Средиземному морю въ океанъ. Но разорвавши ее до основанія, проложилъ

* Изъ Абулфеда.

путь одной Гвадіанъ, мѣстами такъ глубоко запавшей въ горы, что, и при солнцѣ, глазъ не отличитъ ея волнъ отъ мрака. Хребты Серапіи дики и безплодны, какъ горы, слышавшія сѣтованія Пророковъ; много труда и времени потрачено Алпухаракцами, чтобъ прислонить къ утесамъ свои жилища, наносить тяжелыхъ каменьевъ на кровли, безъ чего вѣтеръ посрывалъ бы ихъ, и проложить улицы, такъ узкія, что одни мулы могутъ расходиться. За-то между хребтами Серапіи таятся долины съ тропическими произведеніями. Казалось бы, что жители этихъ долинъ должны походить образомъ жизни на племена, пріютившіяся въ оазисахъ Востока—племена, которыхъ отечество заключается въ зеленой равнинѣ, богатство въ пальмахъ и солнечныхъ лучахъ, а верховное благо въ бездѣйствіи. Но издревле Алпухаракцы были хищны и воинственны; по свидѣтельству Арабскихъ историковъ, до 60.000 Алпухаракскихъ конниковъ, съ малолѣтства искусныхъ въ стрѣльбѣ и знавшихъ *тысячу военныхъ хитростей*, сбиралось по первому зову воевать когда за калифа, когда противъ калифа. За-то во всякое время множество плѣнниковъ работало на Алпухаракцевъ, или, въ ожиданіи выкупа, томилось въ ихъ темницахъ.

Алпухаракцы были послѣдніе изъ Мавровъ, покорившихся Испаніи. Сто лѣтъ прошло по паденіи Гренады. Испанцы думали, что оружіе Мавровъ съѣдено ржавчиной въ Испанскихъ арсеналахъ, что на кост-

рахъ инквизиціи погибло вѣрованіе въ Магометовы обѣщанія—какъ вдругъ къ Гренадскимъ воротамъ подскакали воины въ чалмахъ, съ полумѣсяцами на знаменахъ. Удивленные Испанцы подумали: не потомки ли Мавровъ приплыли изъ Африки за своей Гренадой? чернь вообразила, что это Мавры, пришедшіе съ того свѣта за своими сокровищами, зарытыми въ землю: такъ внезапно Алпухаракцы перешли отъ столѣтней покорности къ отплатѣ за обиды. При воплях несчастныхъ жертвъ, они вспомнили Магометовы обѣщанія, при свѣтѣ зажженныхъ церквей нашли оружіе, одежды предковъ и потомка Оммiадовъ для царствованія, и смѣлымъ набѣгомъ едва-было не захватили Гренады. Нѣсколько лѣтъ продолжалась кровавая борьба отчаянія съ могуществомъ; каждую ночь кострами, зажженными на приморскихъ утесахъ, Алпухаракцы просили помощи у Африканскихъ соотечественниковъ — но Африканцы знали, что эти костры призываютъ въ сраженія безъ добычь; каждый день Алпухаракцы, толпясь на берегу Средиземнаго моря, смотрѣли въ ту сторону, где Стамбулъ; но галеры съ мраморными ядрами * не приплывали къ нимъ на помощь — и вскорѣ голову потомка Оммiадовъ, запертую въ желѣзной клѣткѣ, Испанцы прибили къ воротамъ Гренады.

Въ продолженіе трехъ столѣтій Испанское правительство не успѣло пріучить Алпухаракцевъ къ

* Одни Турки употребляли мраморныя ядра.

повиновенію законамъ. Это полу-дикари, неумѣющіе выковывать изъ желѣза ничего другаго, кромѣ кинжала, и отъ которыхъ, по словамъ ихъ сосѣдей, пахнетъ кровью. При первой мѣнѣ сердитыхъ взглядовъ они хватаются за ножи, и случалось, что ножи сражающихся обращались на желавшихъ примирить ихъ. При входѣ въ Серанію останавливались служители инквизиціи, преслѣдуя еретика, и жандармы Кортецовъ, преслѣдуя преступника. Одна вѣра замѣняетъ всѣ общественныя связи у этихъ людей, свято наблюдающихъ два правила: отнимать жизнь за обиду, и презирать того, кто, противъ своей воли, повинуется волѣ другаго. Появленіе священника со св. дарами усмиряетъ мятежъ. Когда одинъ изъ зрителей поединка начинаетъ вслухъ читать молитву, то сражающіеся опускаютъ ножи, снимаютъ шляпы и повторяютъ молитву.

Николай Невѣдомскій.

УКРАИНЦЫ.

Народы, населившіе нынѣшнюю Харьковскую губернію, большею частію были Украинцы, и имѣли съ Малороссіянами одинъ языкъ и одни обычаи; но со времени своего здѣсь поселенія значительно отклонились отъ нихъ до замѣтной разности по нѣсколькимъ причинамъ. Бывъ подчинены одному со внутренними мѣстами Россіи правительству, однимъ и тѣмъ же законамъ, они болѣе слилися съ общею массою Русскаго народа, нежели Малороссіяне, которые долго имѣли своего гетмана и до сихъ дней особливое судное право. Со времени занятія здѣсь жилищъ Слободскими полками поселились средь нихъ и на той же землѣ многіе Великороссіяне: это еще болѣе облегчило и ускорило сношенія сего края со внутренними губерніями. Большое число, по службѣ, чи-

новниковъ и Великороссійскихъ помѣщиковъ, по причинѣ браковъ, начали здѣсь жить, и пріобрѣли помѣстья. Притомъ же Харьковъ, отъ послѣднихъ временъ Петра Великаго и почти до половины царствованія Екатерины Великой (58 лѣтъ), былъ мѣстопребываніемъ главнокомандующихъ войсками въ полуденномъ краѣ, пока, наконецъ, большее расширеніе границъ на югъ не отодвинуло главной квартиры. Всѣ сіи причины, смѣшавъ всѣ поселившіяся здѣсь различныя націи, произвели одинъ, особенный характеръ народа. Слобожанинъ опрятенъ, гостепріименъ, чистосердечно вѣжливъ. Провести, обмануть въ чемъ-либо онъ не сроденъ, и почитаетъ это за грѣхъ; честенъ въ исполненіи условій или и обѣщаній; по чистосердечію своему судитъ и о другихъ, и потому скорѣе будетъ обманутъ, нежели придумаетъ обмануть. Безъ власти и начальства не можетъ пробыть, ждетъ распоряженій и исполняетъ ихъ безъ уклончивости; изъ корысти не унижается; стремится къ познаніямъ, и успѣлъ въ нихъ дѣйствительно, особливо духовенство, которое въ Харьковской губерніи, въ отношеніи познаній и нравственности, можетъ служить образцомъ. Поселянинъ, прежде всякаго рукомесла, старается обучить сыновей грамотѣ, и потомъ уже избираетъ для каждаго промыслы, по склонностямъ; достаточнѣйшій же изъ обывателей почиталъ бы себѣ за стыдъ, если бы изъ сыновей его не было ни од-

наго грамотнаго * От сихъ-то причинъ и самый языкъ здѣсь гораздо очищеннѣе Малороссійскаго. Сколько словъ коренныхъ Малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляется, и они даже не понимаютъ значенія ихъ!

Украинецъ любитъ музыку и имѣетъ къ ней способность: видимъ, что, безъ всякаго ученія музыкальныхъ правилъ, не слыша изъясненій о правильности нотъ или такта, онъ, по одному слуху, выучивается на скрипкѣ и «выигрываетъ» вѣрно, чисто все, что услышитъ. Три человѣка такихъ самоучекъ-музыкантовъ играютъ по городамъ на свадьбахъ Польскіе, Французскія кадрили, мазурки, вальсы и другіе танцы, часто въ городѣ новѣйшіе, подслушанные ими на балѣ вельможи. По деревнямъ же, у помѣщиковъ, гдѣ нѣтъ по близости музыкальной капели, такаго рода музыканты играютъ на свадьбахъ и другихъ пирахъ очень порядочно. Въ архіерейской, коллегіумской (семинарской) и въ частныхъ пѣвческихъ всегда есть отличные голоса. Въ Харьковѣ во многихъ приходскихъ церквахъ поютъ все церковное пѣніе мастеровые какаго-либо ремесла и поютъ все, даже нотное, занятое ими въ архіерейской пѣвческой; поютъ очень согласно, правильно, со всѣми выдержками, переходами въ другой тонъ, не имѣя вовсе понятія о камертонѣ.

* Это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію.

Есть также имѣющіе способности къ художествамъ. Изъ нихъ самоучки-живописцы писали иконы въ извѣстныхъ церквахъ, въ иконостасахъ и т. п. Изъ живописи предпочитается здѣсь иконописство, какъ производство во славу Божію. Рѣщики, упражняющіеся также болѣе въ рѣзьбѣ иконостасовъ и другихъ церковныхъ украшеній, безъ какаго-либо понятія о чинахъ, орденахъ архитектурныхъ, производятъ колонны, капители, карнизы по всѣмъ правиламъ, безъ отступленій. Никогда не смѣшаетъ «оников» съ «коринами»: такъ онъ называетъ, не зная даже о существованіи орденовъ Іоническаго и Коринѳскаго. Составивъ самъ рисунокъ и планъ иконостасу, самъ производитъ его, такъ-что знатоки признаютъ его достаточнымъ въ отношеніи правильности частей и соотвѣтствующимъ мѣрѣ церкви сохраненіемъ вкуса и наблюденіемъ чистоты въ отдѣлкѣ.

Замѣчательныхъ уголовныхъ преступленій, нарушенія важнѣйшихъ правилъ религіи и вѣрноподданнической обязанности, между Слобожанами, съ самаго ихъ здѣсь поселенія до сихъ дней, никогда даже и слышно не было, и ни одинъ изъ жителей сей губерніи ни въ арміи, ни внѣ губерніи или и отечества, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не забылъ обязанности своей къ Престолу и не навлекъ пятна здѣшней губерніи, всегда вѣрной, преданной власти.

Одежда всѣхъ вообще жителей губерніи, противъ первоначальнаго, совершенно измѣнилась. Мущины, служившіе въ полкахъ, имѣли платье казацкое, или національное Малороссійское: широкіе шаровары; полукафтанье, подпоясанное по таліи поясомъ; сверху черкеска съ откидными рукавами; шапка высокая изъ бараньихъ смушекъ, съ суконнымъ цвѣтнымъ верхомъ; за поясомъ, на цѣпочкѣ, ножъ, и при поясѣ же, на портупеѣ, кривая сабля, опоясуемая только въ походѣ, или и на мѣстѣ передъ собравшимся полкомъ. Полковники и старшины, по состоянію и вкусу своему, окладывали черкески галунами или снурками по борту, а также иногда и мѣхомъ. На портретахъ первоначальныхъ полковниковъ видимъ еще, сверхъ всего, накинутую суконную мантію съ аграфомъ или пряжкою на груди изъ драгоцѣнныхъ камней; но какъ въ рукѣ его видимъ тутъ же «пéрначь», знакъ его достоинства, то и полагать должно, что сія мантія вздѣваема имъ была только передъ полкомъ или въ большой парадъ, для отличія отъ всѣхъ подчиненныхъ ему. Съ переформированіемъ казаковъ въ гусары измѣнились въ полкахъ мундиры, а молодые двор .., по склонности своей къ военной службѣ, не попавъ въ гусарскіе свои полки, опредѣлялись въ армію и, выходя въ-отставку, не обращались къ первоначальной своей одеждѣ, которая сходствовала съ одеждою служащихъ чиновниковъ, кромѣ сабли и, можетъ быть, цвѣта, а принимали обще-употребляемую оде-

жду, и продолжали слѣдовать обычаю въ ней до сего времени.

Въ простомъ народѣ мущины сохранили прежнее одѣяніе: суконная «свита» или зипунъ безъ перемѣны до сего времени, исключая живущихъ въ Харьковѣ и вышедшихъ, по состоянію своему, въ купцы или мѣщане. Первые тогда же надѣваютъ сертуки, жилеты, круглую шляпу, и въ домашней жизни стараются приспособляться къ тому состоянію, въ которое они вновь вступили. Мѣщане же вздѣваютъ плисовое полукафтанье, отличный поясъ, и сверху носятъ туже «свиту», но уже «добраго» сукна темнаго цвѣта, и не подпоясываютъ ея.

Какъ мущины высшаго сословія носили національную одежду, такъ равно жены ихъ и дочери сохраняли долго ее. Жены полковниковъ и старшинъ носили такъ называемый «кунтушъ» изъ штофа, парчи, люстрина, обьяри, гродетуру и другихъ плотныхъ матерій, по состоянію и вкусу каждой. Покрой кунтуша» былъ на подобіе такъ называвшихся «Русскихъ шубокъ»: талія и рукава въ-обтяжку, безъ всякихъ сборовъ, кромѣ-что назади въ таліи были маленькіе сборы, покрывавшіеся сверху широкимъ, золотымъ, или серебренымъ гасомъ. Кунтушъ этотъ имѣлъ лежачій воротникъ, на груди откидные клапаны, а на рукавахъ такіе же обшлага — что все дѣлалось изъ богатѣйшей и отличнаго цвѣта

матеріи, нежели кунтушъ. На груди онъ былъ открытъ и только на таліи схватывался, пола на полу, крючкомъ, безъ всякаго пояса. На груди виденъ былъ парчевый, или другой какой корсетъ, подъ-лушу; полы были распашныя, и видна была юбка, называвшаяся «спидницею,» богатѣйшей предъ прочимъ парчи или матеріи, и по ней сверху, напереди, «запàска» (передникъ), яркаго цвѣта матеріи. Башмаки вообще красные, сафьянные, «на коркахъ» или высокихъ колодочкахъ; на шеѣ чѣмъ болѣе нитокъ красныхъ, крупныхъ кораллов, янтарей, гранатъ, жемчугу, перенизанныхъ свернутыми въ трубку голландскими червонцами, и еще особо на черной бархаткѣ висящихъ золотыхъ или серебреныхъ крестовъ, медалей (едиусовъ) и т. п. украшеній, тѣмъ считалось наряднѣе. Головные уборы были различны: старушки носили особаго рода шапочки, темныхъ цвѣтовъ и, по времени, съ мѣхомъ; молодыя же и «франтихи» носили «кораблики», шапочки изъ чернаго бархата съ маленькими напусками, для прикрытія верхушки ушей, и двумя, напереди и назади, рожками. Верхушка кораблика и подзатыльникъ были или изъ богатой парчи, или вышивались блестками, канителью, цвѣтными фольгами и т. под. Другой уборъ былъ—называемый «очипокъ», только по головѣ шапочка, безъ рожковъ, изъ золотой парчи, и по борту обложенъ гасомъ. Дѣвушки высшаго сословія носили кунтуши со всѣми принадлежностями; только на головѣ положены были, по лбу, золотыя и серебреныя сѣтки, гасы, позументы яркихъ

цвѣтовъ, пестрыя и съ букетами, широкія ленты, въ нѣсколько рядовъ одна сверхъ другой и съ длинными отъ всѣхъ концами, назади висящими вмѣстѣ съ длинными (что почиталось красою) косами, искусно заплетенными, и также съ длинными, яркими вплетенными лентами, мелко сплетенными (дрибушки) косичками, полагаемы были на голову вѣнкомъ и сверху, по времени, украшались цвѣтами. Домашній уборъ дѣвушекъ былъ: корсетъ длинный (называемый «юбка») безъ рукавовъ, при обыкновенной юбкѣ и запаскѣ, изъ-за которыхъ видна была рубашка, внизу и рукава коей, пышные, кисейные, миткалевые и т. под. вышиты были золотомъ, серебромъ, цвѣтными нитками, все смотря по достатку родителей. Голова и шея убирались также, но вещи къ тому употреблялись уже не такъ цѣнныя, какъ въ большой нарядъ. Платья, бывъ изъ богатѣйшихъ парчей и другихъ прочныхъ матерій, переходили отъ матери къ дочери, внукамъ и далѣе, во всей цѣлости и въ неизмѣнности фасона. Теперь въ церквахъ помѣщичьихъ селеній много есть нарядныхъ ризъ и другихъ церковныхъ украшеній изъ парчей, принадлежавшихъ прабабушкамъ нашимъ. Отцы семействъ, бывъ въ военной службѣ и примѣнившись къ общимъ обычаямъ, возвращаясь въ домы, требовали отъ женъ и дочерей своихъ преобразованія въ одеждѣ, сходно съ общимъ обычаемъ; а съ открытіемъ намѣстничества, рѣшительно уже всѣ женщины, безъ исключенія, приняли перемѣны и подражаютъ въ одеждахъ и уборахъ

своихъ употребляемому Петербургскимъ высшимъ обществомъ.

Простаго сословія женщины одѣвались точно такъ же, какъ и чиновницы; разумѣется, сходство было только въ формѣ одежды и уборовъ, но все было изъ грубыхъ матерій и безъ вкуса. Наприм. вмѣсто нарядиаго кунтуша, онѣ носятъ изъ простаго бѣлаго сукна *свиты;* вмѣсто парчевыхъ и шелковыхъ юбокъ носятъ *плахты*, тканыя изъ простой шерсти, клетчатымъ, пестрымъ узоромъ; дѣвки носятъ корсеты изъ красной байки съ рукавами и безъ рукавовъ. Убранство-то же сохраняется еще въ жителяхъ всей губерніи, исключая Харькова, гдѣ роскошь успѣла пробраться и въ низшее сословіе. Не только мѣщанскія (о купечествѣ уже нечего и говорить: тамъ выписываютъ модное и наряжаются наравнѣ съ высшимъ сословіемъ) дочери, но и обывательскія дѣвки, лѣтъ десять назадъ, переодѣлись совершенно: носятъ ситцевые *шушуны*, своего покроя, при цвѣтныхъ юбкахъ и фартукахъ; на головѣ не носятъ лентъ и косъ, но повязываютъ, *по-модному*, шелковымъ платкомъ, подбирая цвѣтъ его къ-лицу.

Сего сословія жители, оставивъ прежнюю одежду, оставляютъ и обычаи свои. Такъ наприм. свадьба, прежде происходившая съ большими обрядами, требующими самой строгой во всемъ точности и неупущенія ни малѣйшаго обстоятельства, нынѣ у нихъ

происходитъ вовсе безъ соблюденія прежнихъ обрядовъ, а вмѣсто всего прежняго, отцы новобрачныхъ «печатными билетами» приглашаютъ «на обѣденный столъ, балъ и ужинъ, во *столько-то* часовъ.» Невѣста, собирая «подругъ» своихъ, уже безъ пѣсень, приходитъ въ домъ каждой, и подаетъ билеты родителямъ, стыдясь выговорить прежнее приглашеніе: «кланявся батько и маты, и я кланяюсь, и просимо назавтра, на хлѣбъ, на соль, на веселье» (свадьбу). Женихъ также разноситъ пригласительные билеты на такое же празднованіе другаго дня послѣ свадьбы. Въ назначенный день собравшихся гостей послѣ обѣда не подчуютъ уже, благодаря образованію, водкою, но чаемъ, пивомъ, «ренскимъ»—такъ вообще виноградное вино у нихъ именуется — а попроще, «варенухою». Молодые же люди и большею частью дѣвки, сами съ собою, или съ приходящими приказными, купеческими сидѣльцами танцуютъ... уже не метелицу, не горлицу, не дудочку, а начинаютъ кадрилями (кадрелями), потомъ вальсъ (вальца), шѐна, въ родѣ мазурки. Дурное поведеніе новобрачной до свадьбы остается безъ всякаго взысканія, и всѣ прежде бывшія укорительныя въ томъ пѣсни и обряды совершенно истребились. При всей гласности прежней непохвальной жизни, и даже при слѣдствіяхъ отъ оной, поѣздъ новобрачныхъ, на другой день свадьбы, такъ же украшается красными платками и лентами, какъ будто и у жившей порядочно до сего времени.

Въ рѣдкомъ домѣ у обывателей не бываетъ въ ежедневномъ употребленіи «чай», а сколько-нибудь подостаточнѣе заботятся имѣть всѣ принадлежности къ кофе и учатся приготовлять его.

Не только между молодыми мущинами, которые, чтобы показать себя «удалыми», стараются говорить Русскимъ нарѣчіемъ, нельзя уже услышать національныхъ пѣсень, но и дѣвки совершенно оставили ихъ и уже мало знаютъ обрядныхъ: свадебныхъ, купальныхъ, колядныхъ и проч.

Сколько-нибудь у достаточнаго обывателя горѣлка, кромѣ обыкновенныхъ порцій утромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ, въ угощеніе не входитъ. Въ уѣздныхъ же городахъ и селеніяхъ «все еще идетъ постарому.»

СТАРИНА.

ВИТЯЗЬ БОВА *.

«Въ исторіи старинной Русской литературы много вопросовъ, которые остаются нерѣшенными. Языкъ, тонъ, а болѣе всего повсемѣстность нѣкоторыхъ у насъ простонародныхъ созданій фантазіи были причиною, что первоначальная Русская поэзія казалась чисто народною. Между-тѣмъ замѣтныя заимствованія предметовъ, образовъ и самыхъ красокъ въ этихъ сочиненіяхъ заставляли думать опытныхъ критиковъ, что Востокъ и Западъ насылали въ *серединное* царство наше цвѣты иногда фантастической, иногда рыцарской поэзіи. Карамзинъ нѣсколько разъ (наприм: И. Г. Р., изд. трет., т. III, примѣч. 230 и т. V. примѣч. 382) указывалъ на заимствованія въ старинныхъ памятникахъ Русской литературы. Но въ народѣ на-

* Городъ Бова, или Бови, въ свое время славился въ Калабріи. *М.*

шемъ такъ много способности *русить* все *заморское* (это мы и до сихъ поръ почти ежедневно чувствуемъ, слыша, какъ солдаты наши выговариваютъ не-Русскія имена), что, заслушавшись веселой Русской сказки, въ которой всякое слово, всякая шутка отзывается домашнею работою, не вѣришь передѣлкѣ, по крайней мѣрѣ безъ уликъ, слишкомъ явныхъ. Разысканіе подлинниковъ, служившихъ основою игривымъ росказнямъ народа Русскаго, надобно признавать важною заслугою въ исторіи литературы. Вотъ почему съ истинною благодарностію приняли мы помѣщаемый здѣсь переводъ одной Итальянской повѣсти. Самое легкое подражаніе переводчика любимымъ замашкамъ простонародныхъ раскащиковъ нашихъ сообщило его труду всю прелесть самобытной Русской сказки. И въ тоже время сколько для наблюдательнаго ума развертывается здѣсь новыхъ взглядовъ на старину Русскую!» **Редак.**

*

Въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ знаменитой библіотекѣ графа В. П. *Бутурлина*, погибшей въ Москвѣ 1812 года, погибло также и одно старинное сочиненіе, носившее имя, или титулъ: Poemi da'Cavalieri. Это сочиненіе было весьма любопытно. Я, пользовавшись знакомствомъ съ покойнымъ графомъ *Дмитріемъ Петровичемъ*, имѣлъ случай перевести изъ *его* книги семнадцать пѣсней одной поэмы, пре-

вращенной у насъ въ сказку о *Королевичѣ Бовѣ.* Вотъ этотъ переводъ, весьма недавно отысканный мною въ старыхъ моихъ бумагахъ. Желаю, чтобъ онъ, какъ сколокъ рѣдкости, былъ любопытенъ и для любителей старинной Европейской литературы.

Макаровъ.

I.

Французскій ковалеръ Гвидо, крестоносецъ и воинъ Европейскій, укрѣпился въ Анконѣ, на берегу Адріатическаго моря—и, какъ водилося въ то время, онъ Гвидо объявилъ себя правителемъ народа самовластнымъ. Уменъ да ловокъ былъ тотъ ковалеръ Гвидо!

Смѣлость и силы этаго же ковалера Гвидо заставили многихъ другихъ, подобныхъ ему князей, графовъ и всякихъ ковалеровъ, питать къ *нему* Гвидо богопротивную зависть; а другіе князья, графы и всякіе ковалеры (по той же порѣ), иные по безсилію, а иные изъ робости, покорилися ковалеру Гвидо безъ дальнихъ съ нимъ споровъ: тогда и самъ городъ Римъ трепеталъ его сосѣдства. Отчаянная голова ковалеръ Гвидо! небольно дружно онъ посматривалъ и на папу Римскаго; да и папа Римскій не смѣлъ жаловать-

ся на него королю Французскому; а пожаловался бы, такъ ему же папѣ было бы хуже: король бы сказалъ ковалеру слово, а ковалеръ бы осерчалъ, да пущихъ бы накутилъ бѣдъ папѣ. Тогда князья, графы и всякіе ковалеры почитали короля королемъ надъ собою, но и сами себѣ *въ своемъ* были королями: то-то и называлось *господскимъ*, или, какъ говорятъ люди умѣлые, *правленіемъ Феодаловъ*. «Готовы умирать за тебя, король, *въ твоемъ*, а насъ *въ нашемъ* не тронь!» такъ говаривали эти Феодалы.

Все заключалось въ личной храбрости князей, графовъ и всякихъ ковалеровъ: всѣ Европейскіе народы отъ этихъ храбрыхъ ждали себѣ щита и покою. Какъ горожане, такъ и поселяне говаривали: великъ человѣкъ императоръ, король, или князь нашъ судомъ и правдою; но онъ не богатырь, аль не витязь-ковалеръ смѣлый и храбрый; онъ отъ врага родины не ущититъ насъ и не спасетъ нашихъ стѣнъ отъ разгрома злодѣйскаго.

Мы сказали: *уменъ* да *ловокъ* былъ ковалеръ Гвидо; но тотъ же Гвидо, покоясь на лаврахъ, да и побѣждая еще враговъ во имя Креста, не упитывалъ себя *онъ* полнымъ счастьемъ: жилъ онъ одинъ одинешенекъ; умеръ бы, такъ не-кому и глазъ закрыть. Всяко случится: мы всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Далѣе на всходъ солнышка, по сосѣдству къ *городамъ Долмацкимъ*, властвовалъ не Гвидо, а иной витязь; не *ковалеръ*-витязь, а *просто* витязь (1) — на отдыхѣ отъ боевъ воинскихъ; не спленъ онъ былъ воинствомъ, да богатъ онъ былъ, какъ древній царь Крезъ. Долматы да Славяне, народъ проворной, по сосѣдству, *за-ничто* много ему витязю добра натаскивали. Родомъ былъ этотъ витязь отъ великаго города Рима; на письмѣ нѣтъ того витязя имени и некому было его записывать; но въ народѣ, на словахъ, прадѣды передали дѣдамъ, а дѣды отцамъ нашимъ, отъ отцевъ же нашихъ дошло и къ намъ, сыновьямъ отцевскимъ, что того богатаго витязя, о которомъ говоримъ мы, называли *Каро-Бижіо* (Caro-Bigio), сирѣчь: дорогой, али любезнѣйшій серенькой *человѣчекъ*. Долматы же и Славяне, сосѣди его, называли этаго любезнѣйшаго *серенькаго человѣчка* Каробитомъ или *Кирбитомъ*. У нихъ шла рѣчь по-своему.

У этаго-то *Каро-Бижіо* была дочь распрекрасная. И слава о неимовѣрной красотѣ той дочери скоро вѣстима стала всему ковалерству. И вотъ ковалеры, *витязи*-ковалеры и всякіе Нѣмецкіе рыцари (2) готовы были класть свою голову за распрекрасную дѣвицу, какъ бы за нѣкую святыню. Такова-то жила была дочь Каро-Бижіо, а по-нашему, *любезнѣйшаго серенькаго человѣчка!*

II.

Французскій ковалеръ Гвидо увидѣлъ красавицу, дочь Каро-Бижіо, и не стало за нимъ за ковалеромъ дѣла — предложить сердце и руку красавицѣ. Ужъ таковы Французы; думать долго не любятъ. «*А та* распрекрасная дочь Каро-Бижіо должна быть моею!» говорилъ Гвидо вѣрному своему щитоносцу и любимцу Личардо (Lisciaro, Lisciardo), или *чистяку*, какъ простые люди называли того же щитоносца Личардо. «Иди, иди ты, Личардо!» приказывалъ ему ковалеръ Гвидо, «иди ты къ богатому витязю Каро-Бижіо и донеси ты ему, что я, Французскій ковалеръ Гвидо, хочу безъ-отмѣны жениться на его распрекрасной дочери. Слушай же ты, Личардо! умѣй ты прояснить Каро-Бижіо, что мы Французы сильны и живемъ побѣдою; ты растолкуй ему, какъ счастливъ будетъ нѣженка Римлянинъ, когда Французъ заключитъ съ нимъ союзъ кровный. У Французскихъ ковалеровъ чистая совѣсть, а на сердцѣ нѣтъ *ни страха, ни боязни.* Помни это, мой дорогой Личардо!»

Какъ будто изъ лука стрѣла, пустился въ сосѣдство къ землямъ Долмацкимъ вѣрный щитоносецъ Гвидо, и скоро онъ прибылъ въ тотъ городъ, гдѣ жилъ богатый Каро-Бижіо. Личардо былъ вооруженъ, какъ подобало щитоносцу ковалерскому, и никто, по обычаю, не посмѣлъ останавливать или задер-

живать посла-щитоносца, воина вооруженнаго: и отъ того-то тѣ *вооруженные воины-щитоносцы* не то, что простый путникъ, они поскорѣе иныхъ-прочихъ пробѣгаютъ путемъ-дорогою къ мѣсту. Такъ важивалось при старомъ времени ковалерскомъ; ковалеръ только ковалеру спорщикъ и сопротивщикъ, а никто другой (3).

Смѣло и гордо Личардо шелъ по высокому крыльцу замка Каро-Бижіо; а еще того смѣлѣе да горделивѣе вступилъ онъ посолъ въ его Каро-Бижевъ рыцарскій залъ. Тотъ же часъ встрѣтилъ его Каро-Бижіо, и вотъ онъ посолъ Личардо изложилъ ему витязю Каро-Бижіо весь приказъ своего повелителя Гвидо слово въ слово.

III.

Со вниманіемъ прослушалъ сѣдой Каро-Бижіо посла Гвидова и, вызвавъ изъ терема свою дочь-красавицу, не снялъ съ нея покрывала, какъ бы должно было сдѣлать при свиданіи съ посломъ, прибывшимъ ко двору его требовать невѣсту за своего властелина. Но однакожъ онъ поставилъ ее прямо къ лицу посла. «Дочь!» говорилъ онъ ей: «вольный ковалеръ Гвидо, родомъ Франкъ, съ-честью требуетъ руки твоей. Дочь! ты слыхала о его силѣ и славѣ: въ Палестинѣ, подъ стѣнами Іерусалимскими, съ его храбростію никто не ровнялся. Крѣпки сосѣди наши Славяне природными

силами; но съ Гвидо никакой Славянинъ бороться не станетъ. Люди невѣрные какъ снопы падали отъ *его* могучихъ рукъ. Такъ онъ моченъ, этотъ Гвидо! и мнѣ старцу уже отказать ему ковалеру не можно. При моей старости я очень слабъ въ моихъ силахъ, гробъ и могила поглядываютъ на меня дерзко; но я хочу жить еще, и рукою врага-мстителя ни съ гробомъ, ни съ могилою ознакомленъ быть не желаю. Пусть надъ нами будетъ могучею одна только воля Господняя! отъ людскихъ козней себя укроешь, но Его святаго предѣла не прейдешь. И такъ да будетъ Франкъ Гвидо мнѣ сыномъ!»

IV.

Съ воплемъ и со слезами пала красавица передъ отцемъ на колѣна; она сорвала съ себя покрывало; всѣ русые волосы ея разсыпались по ея плечамъ; ясными своими очами тутъ она свѣту Божіяго не взвидѣла; не блистали они, какъ звѣздочки за туманомъ...

Каро-Бижіо покраснѣлъ до ушей, и повелѣлъ въ туже минуту оставить Личардо рыцарскій залъ свой. Совѣсть била витязя: тогда никто сторонній не могъ и не смѣлъ смотрѣть, безъ особаго права, на красоту дѣвицы (4). Вмѣстѣ съ тѣмъ же Каро-Бижіо самъ готовъ былъ оставить неосторожную дочь свою. *Стыдился онъ того, что ее видѣлъ безъ покрывала*

при стороннемъ человѣкѣ, и сказалъ онъ ей тутъ легкимъ словомъ: *поди*! Но красавица не шла еще и, ставши лице къ лицу съ родителемъ, говорила: «ты мой господинъ и отецъ милосердый! слушалася и повиновалася я во всемъ тебѣ, не гнѣвила тѣмъ Царя небеснаго; но теперь, прости меня, отче! я должна быть ослушницею передъ тобою: ретивымъ сердцемъ и правою душою тебѣ въ томъ сознаюся, что не могу я отдать руки моей Франку Гвидо. Три лѣта прошло тому, когда ты успѣлъ нанять за себя и представить противъ невѣрныхъ храбраго Гвидо (5); съ молитвою я провожала его въ Палестину: тогда жизнь его была твоею жизнію, а въ его славѣ я видѣла тебя славнымъ, мой отче! Но когда онъ Гвидо воротился счастливо изъ Палестины и, какъ побѣдитель враговъ Христовыхъ, сталъ просить руки моей, ты самъ нарекъ его *наемщикомъ* и самъ сказалъ, что тотъ, *кто беретъ плату за жизнь другаго*, никогда не посмѣетъ быть тебѣ зятемъ. И я, повинуясь твоей родительской власти, поклялася Богу—на-вѣки не быть женою Гвидо. Но ежели для тебя необходимо отдать меня въ супруги за Франка: то пусть другой ковалеръ-Франкъ, храбрый и прекрасный *Дьёдоне* (Додонъ) будетъ моимъ супругомъ! Храбры его наемщики Долматы: онъ уже давно щитомъ тебѣ и твоимъ людямъ. Сознайся, мой родитель, и повтори со мною вмѣстѣ, что одинъ только Дьёдоне нашъ охранитель непобѣдимый.»

V.

«Никто, никто, кромѣ Гвидо, не будетъ твоимъ мужемъ!» воскликнулъ раздраженный упорствомъ дочери Каро-Бижіо. «Личардо!» довершилъ онъ же, «подай вѣсть твоему господину, что мы, *вольный* витязь Каро-Бижіо, готовы назвать его, храбраго ковалера Гвидо, нашимъ зятемъ. Мы, старый витязь Каро-Бижіо и дочь наша, спасены имъ ковалеромъ Гвидо въ Сарацинахъ. Да и здѣсь, какъ вѣрующій во Христа, я не подъ щитомъ ли крестоносца Гвидо призванъ владѣть землями въ окрестностяхъ Неаполитанскихъ? Въ лицѣ Гвидо силы властей Европейскихъ дали намъ свой покровъ крѣпкій, и наша жизнь цвѣтетъ теперь и зрѣетъ богато. Да, Личардо! истина вѣщала моими устами, и ты поспѣши отвести этотъ отвѣтъ нашъ ковалеру Гвидо! Скажи ему, что онъ славенъ; повтори ему моимъ словомъ, что я готовъ его звать моимъ зятемъ!»

Личардо, низко поклонясь, оставилъ Каро-Бижіо. Онъ же, старый витязь, молчалъ, а дочь его плакала горько. «*Море слезъ ея*», говоритъ старина, «*готово было затопить самое-ее красавицу, дочь Каро-Бижіо*. Черный воронъ и денно и нощно кричалъ надъ ея покоемъ; окна этаго покоя были скрыты и завѣшены *черною* тканью; но воробей, разлетясь, разбилъ въ одномъ окнѣ стекло и три раза, залетѣвъ въ покой кра-

савицы, кружился надъ ея головою. «Худые, очень худые то знаки», думали и гадали ея мамы, няни и сѣнныя дѣвушки. Всѣ онѣ ловили воробья; каждая изъ нихъ осуждала воробья на смерть, голова его была у нихъ въ оцѣнкѣ: ею, этою головою, могла только прекратиться грусть госпожи ихъ; но воробей улетѣлъ и весело пѣлъ на свободѣ (6).

VI.

Витязи, ковалеры и рыцари охраняли добродѣтель и красоту женщинъ: нерѣдко они сражались на-смерть за обиженную красавицу; но никогда однакожъ съ безразсудствомъ не исполняли и одной вредной прихоти прекрасныхъ. «Рыцари!» говорилъ законъ рыцарскій: «женщины дѣти, и дѣти такія, которыхъ должны вы хранить и лелеять—но тогда же не забывать, что женщинъ-дѣтей нужно спасать отъ желаній ничтожныхъ: гибель дитяти всегда на отвѣтѣ старшихъ.» Хорошъ былъ этотъ законъ рыцарскій: въ каждомъ своемъ параграфѣ онъ говорилъ все и никогда себя не путалъ и не подкрѣплялъ другими параграфами ново-законными; повторять ли еще, что каждый тутъ параграфъ объяснялъ свое и въ своемъ, только ему принадлежавшемъ? И вотъ по этимъ же самымъ ковалерскимъ законамъ дочь Каро-Бижіо, красавица, отдана была въ супружество за Гвидо (7).

Безъ чувствъ упала она предъ алтаремъ Господнимъ: ни слова не слыхала она, какъ и чѣмъ обязывалъ ее священникъ: всѣ видѣли, какъ почти мертвую выносили ее изъ храма!..

А ковалеръ Гвидо?

Ковалеръ Гвидо былъ восхищенъ этою неутѣшною печалью: какъ Франкъ, онъ мыслилъ свое; Небеса только знали, какая легкость была на умѣ его. Съ восторгомъ прижимая къ своей груди прелестную дочь Каро Бижіо, онъ равнодушно поглядывалъ на свадебный поѣздъ и говорилъ громко: «она теперь моя, *моя*—и никто, никто ее у меня не отниметъ!» Не будь Гвидо Французъ—онъ не сказалъ бы этаго; онъ вѣрилъ бы той истинѣ, которая пѣла и поетъ еще: «*силою милымъ никому не будешь*» (8).

VII.

Три года, какъ три вѣка, протянулись въ однѣхъ только печаляхъ для прекрасной; но и въ эти три года-вѣки она не привыкла къ горестямъ, ее изнурявшимъ. Честь вызвала Гвидо на поля Сицилійскія: красавица-супруга должна была туда сопровождать его; но, при видѣ волнъ бунтовавшаго тогда моря, она пришла въ робость и упросила своего супруга оставить ее въ ихъ Калабрійскомъ городѣ Бова.

Этотъ городъ укрѣпленъ былъ съ разумомъ; труднымъ онъ казался для враговъ своихъ, и потому-то Гвидо завѣрялъ себя, что въ стѣнахъ Бова жена его красавица проживетъ безопасно, что тутъ ее не отыщутъ никакіе враги-соблазнители. Дьёдоне былъ для него врагомъ страшнѣйшимъ: хитра была душа у этаго ковалера; но покоренные Гвидомъ жители города Бова давно были ему Гвидо вѣрными, и давно уже первые во всѣхъ бояхъ привыкли за него сражаться, и особенно не любили они самаго Дьёдоне, который неоднократно измѣнялъ имъ въ словѣ. И такъ по-истинѣ красавица, супруга Гвидо, опасностей не имѣла...

VIII.

Живучи въ Бова, прекрасная родила сына, и въ честь Бова, какъ крѣпкаго охранителя чести матери, отецъ нарекъ и сына именемъ Бова. Ковалеръ Бова— звали его Итальянцы; *Крулевичь Бова*—называли его же сосѣдніе Славяне. Младенецъ этотъ былъ прекрасенъ, какъ ангелъ Божій; но мать, нелюбившая мужа, не полюбила и сына. Она страшно проклята его при самомъ его рожденіи.

А Гвидо не вѣрилъ такой жестокости материнскаго сердца; онъ уповалъ крѣпко, что бракъ его, съ рожденіемъ сына, будетъ счастливѣй: и скоро велѣлъ онъ Гвидо и женѣ и сыну опять жить въ любимой

имъ наслѣдственной родинѣ, Анконѣ, ближе къ берегамъ столь же любимаго имъ Венецейскаго моря. Воды этаго моря святы: съ нимъ дожъ Венецейскій обручается дорогимъ перстнемъ ежегодно.

Въ Анконѣ красавица скоро успѣла найти довѣренность въ Личардо; она умѣла договорить его передать о себѣ самую вѣрную вѣсть ковалеру Дьёдоне. Коварно и нелѣпо было содержаніе этой вѣсти: красавица открыто просила ковалера Дьёдоне, чтобы онъ ковалеръ, похитивъ ее красавицу изъ Анконы, привелъ бы ее къ алтарю Господнему. Тамъ она снова изготовилась изречь клятву супруги, отречь себя отъ Гвидо; его только Дьёдоне называть своимъ законнымъ супругомъ. «Время къ тому,» примолвила она, «удобно; да и бракъ безъ любви не святыня: я безъ грѣха этотъ бракъ расторгаю!..»

Закупленный, а еще и того болѣе, устрашенный мщеніемъ красавицы, Личардо (она дала себѣ обѣтъ обвинить его предъ властелиномъ) позабылъ всѣ милости Гвидо и, безъ отговорокъ, поѣхалъ ко врагу его, къ ковалеру Дьёдоне!

IX.

Ковалеръ Дьёдоне жилъ роскошнѣе и веселѣе ковалера Гвидо. Въ замкѣ ковалера Дьёдоне все блистало солнышкомъ, всегда гремѣла музыка, и раздава-

лись сладкія, пріятныя пѣсни. Что и говорить о пѣвцахъ и пѣвицахъ Италіи! Нѣтъ еще той другой страны, гдѣ бы пѣвали ихъ лучше: пѣвцы и пѣвицы Итальянскіе — ученики и ученицы птицъ небесныхъ, и лучшимъ голосистымъ лѣснымъ и полевымъ птицамъ, въ цѣлой Европѣ, *лучшій* пріютъ только въ Италіи. А музыка Итальянская—какъ богата она своими средствами! Нѣжная свирѣль пастуха Швейцарскаго всегда превосходитъ неловкой свистъ свирѣли Греческой; струнная музыка гитаръ и мандолинъ, по своему виду, бѣднѣе арфъ и лиръ, но, подъ голосъ пѣвицы-Итальянки, какъ сладко она разговариваетъ съ чувствами сердца!...

Всякій входилъ къ Дьёдоне безъ доклада и безъ малѣйшихъ церемоній, почти всегда необходимыхъ при дворѣ благородныхъ. Эти церемоніи пришли въ Европу отъ Востока; но Дьёдоне, дружный съ Далматами, Кроатами и другими Славянами, въ своихъ бояхъ давно позабывшими Востокъ, ихъ простотою пріучилъ и себя къ простотѣ—*съ кѣмъ поведешься*!.. А потому и Личардо шелъ въ жилище его просто и безпрепятственно, прямо къ лицу самаго ковалера, въ замкѣ котораго, какъ почти сказано, всѣ ворота и всѣ двери для всякаго гостя отворялися настежъ.

Дьёдоне дружески протянулъ руку Личардо, и Личардо смѣло объяснилъ ему всѣ причины своего къ нему посольства.

Внимательно прослушавъ порученія посла, ковалеръ взглянулъ на него съ удивленіемъ и недовѣрчиво, а потомъ, захохотавъ громко, отвѣчалъ ему послу: «вижу я, что твоя госпожа зло и горько для меня издѣвается надо мною. Скажи жъ ты мнѣ, посолъ: жена храбраго ковалера и мать прекраснаго сына должна ли и можетъ ли оставлять на-вѣки, хотя бы и ненавистнаго ей, мужа? Можетъ ли *то* позабыть она, что *ненавидимый ею мужъ* отецъ ея сыну? Мы здѣсь думаемъ, что дѣти между женою и мужемъ кладутъ союзъ неразрывный. Такъ писано и въ книгѣ правъ честнаго ковалерства.»

«Ты *правъ*, ковалеръ!» возразилъ Личардо. «Но, какъ любовь, такъ и ненависть женщинъ, для насъ мущинъ неисповѣдимы! Для женъ не прописаны права ковалерства: онѣ всѣ намъ дѣти, мы ихъ щитъ и чадолюбивые отцы. Ковалеръ! я клянусь тебѣ въ истинѣ моего посольства! Не вѣришь мнѣ: то, не исполняя правъ твоей власти погубить меня голодомъ, заключи въ темницу и держи тамъ до той поры, пока ты самъ не извѣдаешь всей истины моего къ тебѣ посольства, и тогда, если я въ чемъ-либо окажусь лживымъ, у тебя нѣтъ недостатка въ реляхъ, отъ *первой рели вели накинуть петлю мнѣ на шею; пусть я умру безчестно*!

X.

«Если медъ дивій слаще всего» говорилъ Дьёдоне послу Личардо: «то повѣрь ты мнѣ, вѣрный посолъ госпожи своей, что твое посольство еще гораздо слаще дивьяго меду меня усладило! Добрыхъ пословъ не токмо не казнятъ, но и въ темницу не заключаютъ: вѣрь моему ковалерскому слову, воинъ! что у меня здѣсь ты гораздо свободнѣе, нежели въ собственномъ дому твоемъ. Угостите его!» присовокупилъ онъ же ковалеръ, обращаясь къ своимъ придворнымъ. «Угостите этаго посла дорогаго всѣмъ тѣмъ, что теперь есть у насъ лучшаго. Рѣдко такихъ гостей мы встрѣчаемъ!»

Личардо поклонился ковалеру до земли и тотъ же часъ готовъ былъ оставить его ковалерскую палату; но Дьёдоне остановилъ его и дополнилъ ему такими словами: «Воинъ!» говорилъ онъ, «а если я отъ посольства твоего получу и дѣйствительно успѣхи: то не только подарю тебя сребромъ, или златомъ; *но и самъ поднесу тебѣ изъ моего собственнаго кубка того меду, которой пьемъ только мы ковалеры* (9).

Радостно Личардо сѣдлалъ своего коня: поспѣшно и съ полною душевною веселостію онъ везъ ковалерскій отвѣтъ госпожѣ своей. Но конь посла угадывалъ бѣды въ будущемъ: онъ спотыкался! Зайцы и

волки три раза перебѣгали ему дорогу; въ перелѣскѣ какая-то вѣщая птица преслѣдовала всадника съ крикомъ; на небѣ раскатился громъ и ярко блеснула молнія, но тучи нигдѣ не было видно.

Можно было *угадывать*, что добраго тутъ будетъ мало. А Личардо ѣхалъ, ни о чемъ не горюя.

XI.

При всходѣ солнца, на слѣдующее утро, во дворѣ Дьёдоне кликали кличь и громко звали въ рога. Тотъ же кличь и тѣ же роговые позывы повторялись на дворахъ воиновъ и ковалеровъ сосѣднихъ—и вотъ, очень скоро, до тридцати тысячь искателей битвъ и счастья отъ битвы собрались на призывъ подъ знамена Дьёдоне.

«На добычу!» крикнулъ ковалеръ этотъ тысячникамъ и сотникамъ войска, и съ пѣснями всѣ они двинулись къ Анконѣ.

Смѣло раскинули свои шатры всѣ эти воины Дьёдоне на заповѣдныхъ лугахъ храбраго Гвидо. Рано усмотрѣла ихъ его супруга изъ оконъ своего замка. Это было тогда, когда еще не зналъ о томъ и не ожидалъ того ковалеръ Гвидо; но невѣрная красавица облеклась въ лучшее платье и съ ласкою вошла въ покой къ супругу. «Ковалеръ!» сказала она ему: «сынъ

нашъ, будущій ковалеръ Бова, прямо наслѣдуетъ твою славу: молока матери и обыкновенной пищи дѣтской для него было мало и недовольно; теперь же, возрастая, онъ требуетъ себѣ въ пищу дикаго вепря!.. Придворный врачь твой Рихтеръ-фонъ-Шмерценъ утвердилъ совѣтомъ, что одинъ только *дикій вепрь*, укрѣпивъ слабыя силы Бова, проявитъ его мощнымъ и тебя достойнымъ: съ этою пищею онъ будетъ ковалеромъ непобѣдимымъ. Велики слова мудраго врача Рихтера-фонъ-Шмерценъ; недаромъ онъ для насъ оставилъ свою Нѣмецкую землю!..»

— Но много людей — возразилъ Гвидо — отъ лекарствъ Рихтера-фонъ-Шмерценъ пошло въ землю; не всѣ лекарства и совѣты его были вѣрны, и двадцать разъ я думалъ указать ему висѣлицу въ награду. По закону ковалерскому такъ рѣшится участь врачей-людоморовъ! — «Я вѣрю ему, какъ мать моего сына!» воскликнула красавица. «Дикій вепрь невдавнѣ опустошаетъ лѣса твои; убей его своими руками и утоли тѣмъ прихоть вѣрной тебѣ супруги, матери будущаго ковалера!»

Гвидо, женатый уже болѣе трехъ лѣтъ, но никогда еще невидавшій и неслыхавшій ни одной ласки отъ своей супруги-красавицы, несказанно порадовался привѣтливости, дотолѣ еще ему незнакомой. Крѣпко и пламенно поцаловалъ онъ красавицу, и въ ту же минуту, не послалъ кого-либо, а самъ поскакалъ въ

поля отыскивать лютаго вепря. Но лишь только онъ выѣхалъ за твердыя стѣны Анконы, тотъ же часъ его любимица всѣ градскія врата *накрѣпко* затворила. Ковалеръ слышалъ, съ какимъ шумомъ, по отъѣздѣ его, всѣ мосты Анконскіе подняты были цѣпями; однако жъ онъ не зналъ того, что закупленной стражѣ отданъ былъ *приказъ* не впускать его болѣе въ Анкону. Измѣнники дали въ томъ крестную клятву Личардо.

XII.

Скрытый за лѣсами съ войскомъ своимъ Дьёдоне измѣннически, не какъ воинъ, а какъ разбойникъ напалъ на одинокаго Гвидо. Поздно этотъ обманутый мужъ узналъ свою неосторожность и поздно онъ догадался про коварства своей супруги юной, прекрасной, но невѣрной и столько же мстительной, какими и всѣ были оскорбленныя Итальянки его вѣка.

Должно было спасаться: быстро онъ оборотилъ своего коня и вихремъ полетѣлъ къ Анконѣ. Слышали, какъ онъ, въ отчаяніи, проклиналъ измѣнницу-супругу и какъ роталъ даже на юнаго Бова, который не умѣлъ предупредить его о предстоящей ему гибели!.. Но здѣсь Дьёдоне, обладавшій лучшимъ конемъ Аравійскимъ, какъ буря, настигъ убѣгавшаго Гвидо, и съ однаго сильнаго удара Дамаскимъ копьемъ повергъ его мертвымъ на землю...

XIII.

Равнодушно смотрѣла красавица на убитаго супруга. Она видѣла, какъ онъ палъ мертвымъ отъ руки разбойника; она видѣла, какъ онъ убитый плавалъ въ крови своей, какъ звѣрски окружила его ближняя дружина Дьёдоне, и какъ она, ограбивъ безчувственный трупъ убитаго, съ насмѣшками кинула его на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Самъ Дьёдоне завладѣлъ мечемъ и шеломомъ убитаго, и съ торжествомъ растопталъ тотъ шеломъ конемъ, а мечь изломалъ въ куски. Это все дѣла ковалерства безчестнаго! А вдова Гвидо, забывъ и долгъ и честь супруги ковалера, утѣшалась тѣмъ бесчестьемъ; она сама отворяла врата градскія и сама поспѣшала встрѣтить убійцу своего мужа. До нея не было еще тому примѣра въ воинствѣ христіанскомъ; но ее всѣ видѣли, какъ она помогла, въ самыхъ вратахъ градскихъ, сойти Дьёдоне съ коня своего, какъ она держала тутъ стремя, и какъ она же, при лицѣ всего народа и войска, наградила убійцу пламеннымъ поцалуемъ. Вмѣстѣ съ нею, рука объ руку, съ Личардо и со многими продавшимися измѣнниками, *разбойникъ шумно и весело* вступилъ въ замокъ Гвидо. Со всею дружиною сѣлъ онъ за изготовленные столы, и радость этихъ пирующихъ была несказанная и неописанная.

«Потомки Римлянъ гибнутъ въ развратѣ!» твердили иные изъ ближнихъ убитаго: «ихъ продаютъ жены и развратъ свой предпочитаютъ чести быть вѣрною супругою храброму и доброму ковалеру!»

XIV.

По гласу народному узналъ только юный Бова объ измѣнѣ Личардо и объ ужасномъ дѣлѣ супруги-матери. Онъ самъ слышалъ, какъ всѣ называли ее чародѣйкою и мужеубійцею. Священники Христіанскіе торжественно предавали ее посреди храмовъ проклятію и тогда же отлучили ее отъ Церкви Христовой. Ужасъ поразилъ юношу; онъ оставилъ домъ родительскій, бѣжалъ—и вотъ испуганный едва нашелъ для себя мѣсто въ одной изъ конюшень отцевскихъ: тамъ, въ ясляхъ, на корму лошадиномъ, лежалъ онъ полумертвымъ. Съ большимъ трудомъ отыскалъ его приверженный къ нему Симвальдо.

«Сынъ ковалерскій!» сказалъ онъ ему: «сынъ страшнаго для невѣрныхъ Гвидо! Узнай, что твой непобѣдимый родитель, мечь врагамъ Христовымъ, измѣною и коварствомъ жены своей, а твоей матери, умерщвленъ постыдно. Клянись, сынъ непобѣдимаго! клянись вѣчно мстить злодѣямъ неслыханнымъ! То права и долгъ ковалерства; но ты еще юнъ Бова. Какіе, и гдѣ способы силъ въ помощь ребенку? Одно средство—спасаться: бѣжимъ въ Сульмону; тамъ въ благо-

словенной странѣ Абруццо-Ольтра, въ странѣ моей, я и ты будемъ безопасными. Стѣны Сульмоны тверды, и никакое злодѣйство ихъ не разрушитъ. Другъ и сподвижникъ Гвидо», дополнилъ Симвальдо, «никогда и никакъ не будетъ ни другомъ, ни союзникомъ подлаго обольстителя чужой жены: онъ посрамилъ права и честь ковалера».

—Посрамилъ права и честь ковалера!—повторилъ юноша за Симвальдо и крѣпко задумался.

Тайно и осторожно вывелъ его Симвальдо съ конюшаго двора. Для побѣга ихъ кони были готовы.

XV.

Съ тридцатью только вѣрными вассалами Симвальдо, сопровождая Бова, ускакалъ изъ Анконы; но скоро тутъ въ Анконѣ узнали объ измѣнѣ Симвальдо. «Онъ опасный врагъ!» воскликнула мужеубійца, и съ ея тѣхъ словъ бирючи затрубили повсюду въ трубы серебреныя, а глашатые били биломъ и голосомъ возглашали на всѣхъ башняхъ: то былъ набатъ!

Воины Анконы и вся пришлая дружина Дьёдоне взволновались—и менѣе, нежели въ сутки, до сорока тысячь ожидали приказаній убійцы. «Добыча у васъ въ очахъ!» произнесъ къ нимъ Дьёдоне. «Побѣгъ Симвальдо злодѣйство намъ! Честь моя и честь вашей

госпожи покрыта срамомъ. Окромя жизни Бова, котораго мы должны возвратить матери, всѣ кони и вся казна измѣнниковъ принадлежатъ вамъ!»

Съ быстротою вихря воины спѣшили преслѣдовать Симвальдо; но уже подъ стѣнами Сульмоны самъ Дьёдоне едва настигъ бѣжавшихъ. Сражаться малолюднымъ было невозможно, и Симвальдо, по особому счастью, успѣлъ спасти себя въ стѣнахъ крѣпости. Но юный Бова, изнуренный дальнимъ странствованіемъ, ослабѣлъ и палъ съ коня своего на землю: воины Симвальдо не успѣли спасти его, и онъ достался въ добычу Дьёдоне. Съ презрѣніемъ взглянулъ на него коварный, осыпалъ бранью неслыханною и, какъ невольника, позорно связаннаго, отослалъ къ матери.

XVI.

Осаждая Сульмону, однажды Дьёдоне, сидя задумавшись въ шатрѣ своемъ, уснулъ—и вотъ страшный сонъ его встревожилъ: онъ, ковалеръ Дьёдоне, видѣлъ во снѣ юношу Бова ковалеромъ сильнымъ, смѣлымъ и удачливымъ; онъ, ковалеръ Дьёдоне, самъ тутъ слышалъ, какъ цѣлый свѣтъ, начиная отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга, толковалъ о славѣ и чести этаго же Бова, и какъ этотъ же Бова встрѣтилъ его Дьёдоне, какъ убійцу своего отца, и отмстилъ ему, положивъ его Дьёдоне мертвымъ на землю.

Растревоженный и весь трепещущій, Дьёдоне пробудился отъ сна и открылъ всю тайну единственному и любимому брату своему Антоніо, не ковалеру-воину, но монаху пустынному, по учености книжной знавшему многія слова чернаго чародѣйства.

Этотъ Антоній охотно принялъ на себя посольство къ матери Бова; онъ прибылъ къ ней поспѣшно и въ ужасныхъ предвѣстіяхъ объяснилъ ей сонъ своего брата. Легковѣрная, убѣдившись словомъ волшебника, оробѣла. Пустынникъ предложилъ ей средства, какъ лишить Бова жизни. Средства эти были вѣрны, но ужасны; мать колебалась; наконецъ, убѣжденная доводомъ—*въ угодность Богу истреблять зло*, рѣшилась заключить сына въ темницу, тамъ позабыть его и заставить умереть его съ голоду. «Жены ковалеровъ, для спасенія человѣчества» говоритъ уставъ ковалерской: «обязаны были жертвовать не только дѣтьми, но даже и собственною жизнію!» Да! Того требовала святость закона ковалерскаго.

XVII.

Около полугода Дьёдоне оставался подъ крѣпкими стѣнами Сульмоны; но вся осада его никакихъ успѣховъ не имѣла, и Симвальдо явно смѣялся надъ безуспѣшностью своего врага; довольный и запасный всѣмъ внутри крѣпости, онъ только радовался тому, какъ подъ дождемъ осеннимъ воины Дьёдоне испыты-

вали болѣзни, умирали, а нѣкоторые измѣняли ему и убѣгали! Копья и стрѣлы этихъ воиновъ что могли сдѣлать оградѣ каменной, неприступной!.. И вотъ напослѣдокъ Дьёдоне снялъ осаду съ крѣпости и возвратился съ большими потерями въ Анкону.

Счастливый Симвальдо, пользуясь неудачами и потерями враговъ, немедленно вызвалъ къ себѣ до пяти тысячь всадниковъ: то были Кроаты да Угры, наемники вѣрнѣйшіе; лихо онъ сѣлъ съ ними на кони и быстро нагонялъ враговъ отступавшихъ; но Дьёдоне въ ратномъ дѣлѣ ковалеръ хитрый; онъ, и растроенный безуспѣшнымъ походомъ, умѣлъ спасти себя въ стѣнахъ Анконы. Симвальдо и вся его дружина, удалая на чистотѣ, въ полѣ, также, какъ и Дьёдоне отошелъ отъ Сульмоны, отошли отъ Анконы...

Впрочемъ вредъ и ужасъ, нанесенный Симвальдомъ, душевно растроилъ мать Бовы. Совѣсть мучила ее злодѣйку, и она каялась предъ Господомъ въ своихъ злодѣйствахъ! Изнуренный же походомъ и болѣзнями Дьёдоне предлагалъ миръ: всѣ условія были выгодой для Симвальдо; но онъ, вѣрный слуга государскій, всѣ отвергалъ ихъ и требовалъ только — Бова! Таковы-то были прежніе господскіе слуги!..

Примѣчаніе.

1. *«Не ковалеръ-витязь, а просто витязь»*. Авторъ поэмы раздѣляетъ тогдашнихъ *ковалеровъ-воиновъ* на три, или на четыре разряда: одни изъ нихъ были тѣ, которые во всякое время обязывались являться къ дѣлу, по призыву своихъ государей, императоровъ и королей, брать съ собою же своихъ вассаловъ и стоять щитомъ за царя и родину! Этихъ-то героевъ называли *витязями*-ковалерами: ибо они содержали при себѣ конницу; другіе же, оставивъ свое поприще служебное, по старости, или слабости здоровья, жили въ своихъ замкахъ и могли не имѣть конныхъ, а потому и назывались отъ сосѣднихъ Славянъ просто *витязями*. (Замѣчаніе автора).

2. Венеціанъ, Испанцевъ, Итальянцевъ, Французовъ и нѣкоторыхъ другихъ Европейцевъ Славяне называли *ковалерами*, точно такъ, какъ и *тѣ* націи сами себя называютъ; собственно же *свои* ковалеры у Славянъ извѣстны подъ именемъ *витязей*, а у Нѣмцевъ титуловались *рыцарями* (Замѣчан. автора).

3. Авторъ ссылается въ томъ на *уставъ ковалерскій*, утвержденный, будто бы, папами и государями свѣтскими. М.

4. Тамъ же: о поведеніи женъ и *о дозволеніи нанимать за себя богачамъ-витязямъ Франскихъ ковалеровъ*. М.

5. Тоже. М.

6. Примѣта *о залетѣ воробья* и намъ знакома; и у насъ кувыркаютъ залетѣвшаго воробья отъ окна къ двери: и если онъ придетъ хвостомъ къ двери, то, вырывая у него хвостъ, пускаютъ его на волю: если же онъ отъ окна къ двери, по размѣру, прямо ляжетъ головою, тогда безпощадно несчастный лишается головы— ее отрываютъ. Тѣмъ и другимъ средствомъ предотвращается худое предвѣстіе. М.

7. Уставъ ковалерскій. (Замѣч. автора).

8. Указка на легкомысленность Французовъ. М.

9. Награда, знаменитая по закону устава ковалерскаго. (Замѣч. автора).

ХАРАКТЕРЫ И НРАВЫ.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА СЫНА СТОЛБИКОВ

Предувѣдомленіе. До сихъ поръ читатели Современника въ каждомъ его № находили Повѣсти г. *Основьяненка*. Ихъ красоты неподдѣльныя — истина жизни, разнообразіе и вѣрность въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, изумительная точность въ очеркахъ нравовъ, неистощимый запасъ благородной и остроумной веселости, неподражаемый юморъ, глубокія черты трогательной чувствительности, духъ и направленіе чистой, возвышенной нравственности, оригинальный, самымъ положеніемъ и природою лицъ опредѣляемый слогъ — все постепенно содѣйствовало, что авторъ наконецъ возбудилъ всеобщій энтузіазмъ къ своимъ произведеніямъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ въ своемъ родѣ лучшій писатель нашего времени.

Въ новомъ своемъ романѣ: *Жизнь и похожденія Петра Степанова сына Столбикова* (изъ котораго получили мы для напечатанія въ Современникѣ нѣсколько главъ), является онъ съ новыми совершенствами. Романъ — обширное поле для великаго таланта. Это полная жизнь въ ея поэтическомъ шествіи, съ безчисленными отношеніями, переворотами, эпизодами; это взглядъ на горизонтъ обширный, гдѣ нація въ опредѣленную эпоху возникаетъ въ яркомъ свѣтѣ съ своими особенностями нравовъ, ума и невѣжества, пороковъ и доблестей, предразсудковъ и знаній. Дѣйствіе, описываемое авторомъ, происходитъ въ Великороссіи въ XVIII стол.

По объявленіямъ, выходящимъ изъ типографіи Е. Ѳ. Фишера, публика уже знаетъ, что г. содержатель этой типографіи приступилъ къ печатанію *Полнаго Собранія Сочиненій г. Основьяненка.* Ихъ появленіе конечно составитъ эпоху въ нашей литературѣ. Каждый томъ сочиненій г. Основьяненка, заключающій въ себѣ цѣлое, независимое отъ прочихъ, можно будетъ пріобрѣтать отдѣльно. Г. Фишеръ, желая сдѣлать доступною для всѣхъ покупку столь замѣчательнаго автора, предположилъ продавать его сочиненія по самой дешевой цѣнѣ (На прим. Повѣсть: *Панъ Халявскій*, въ двухъ частяхъ, съ картинами, состоящая изъ 20 листовъ, напечатанныхъ самымъ убористымъ шрифтомъ, будетъ продаваться по 1 р. серебромъ). Видимо, что и въ этомъ отношеніи изданіе сочиненій

г. Основьяненка должно произвести у насъ важную перемѣну въ книжномъ дѣлѣ. Теперь пріобрѣтеніе Русскихъ книгъ дошло почти до невозможности: такъ онѣ дороги. Само собою разумѣется, что благодѣтельный сей оборотъ только и можно было начать авторомъ, надъ сочиненіями котораго примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи. Редакц.

ГЛАВА X

въ которой описывается необыкновенный обѣдъ, бывшій у губернатора *

Послѣ бывшаго при Дворѣ торжества въ нашемъ намѣстничествѣ ожидали наградъ. Поручикъ правителя, или, какъ обыкновенно называли, вице-губернаторъ, ожидалъ Владимірскаго креста въ петлицу; предсѣдатели палатъ и другихъ мѣстъ ожидали, кто чиновъ, кто почетныхъ табакерокъ; совѣтники и ассессоры палатъ, губернскій и прочіе прокуроры и ихъ стряпчіе — слѣдующихъ чиновъ; заслуженный директоръ экономіи трехъ сотъ душъ крестьянъ; словомъ, всѣ были въ пріятномъ ожиданіи. Первый почтовый день долженъ былъ привезти рѣшеніе всѣмъ надеждамъ.

* Всѣ главы, здѣсь помѣщенныя, взяты изъ втораго тома Романа.

Накануне этаго роковаго дня, какъ теперь помню, втораго-надесять Іюля, губернаторъ, окончивъ свои занятія, вечеромъ ходилъ съ супругою по залѣ; я стоялъ по-обыкновенію у дверей и слушалъ ихъ разговоръ.

Изъ-промежду прочаго губернаторша увѣряла мужа своего, что въ намѣстничествѣ всѣ до единаго любятъ его, чрезвычайно довольны его управленіемъ, и что всѣ вообще негодуютъ на разнесшуюся молву, будто бы его скоро отставятъ. Надобно знать, что молва эта точно носилась, и ее поддерживалъ совѣтникъ, неладившій съ губернаторомъ. Онъ почти всѣмъ за тайну открывалъ, что послалъ на губернатора ужасный доносъ — и, прибавлялъ онъ съ самонадѣянностію, «одинъ изъ насъ падетъ: можетъ быть и—я.»

Губернаторъ возражалъ женѣ своей, что это говорятъ отъ того, что видятъ его на мѣстѣ: «а получи я», говорилъ онъ, «отставку, какъ предсказываютъ, и что очень случиться можетъ, потому-что должность губернатора такъ многосложна, что, бывъ исправнымъ, во всѣхъ частяхъ, въ одной изъ нихъ можно ужасно прослужиться; тогда, мой другъ, увидишь сама, какъ начнутъ со мной обращаться, и что про меня мнѣ же въ-глаза заговорятъ.»

Губернаторша увѣряла, что ей стряпчиха и ассессорша уголовной палаты божились, что вся губернія ужасно его любитъ и всѣ преданы; уѣздная казначейша ручалась также за всѣхъ, что...

Въ эту минуту вошелъ губернскій почтмейстеръ и подалъ губернатору партикулярное письмо, сказавъ, что сейчасъ изъ Петербурга съ эстафетой получено.

Губернаторъ, прочитавъ, ужасно перемѣнился въ лицѣ, потеръ себѣ лобъ рукою, поблагодарилъ почтмейстера и отпустилъ его. Потомъ ходилъ по комнатѣ, все задумавшись; жена стояла у окна, примѣчала за каждымъ его движеніемъ и боялась помѣшать ему думать.

«Столбиковъ!» сказалъ онъ мнѣ, вдругъ остановясь: «ступай ко всѣмъ безъ изъятія чиновникамъ въ городѣ и проси всѣхъ ихъ пожаловать ко мнѣ завтра обѣдать. Возьми списокъ и по немъ, не пропуская никого, всѣхъ проси.»

Жена подступила къ нему и сказала: къ чему это, другъ мой? Приглашая всѣхъ, надобно угостить прилично, а я вовсе не приготовлялась...

«И не безпокойся ни о чемъ», сказалъ онъ ей: «я тебѣ все раскажу. Ступай же, Столбиковъ! и спѣши

объѣхать всѣхъ: уже поздо, а чиновниковъ много. Смотри, не прозѣвай кого по обычаю.»

Я, схвативъ списокъ, полетѣлъ по всѣмъ домамъ. Каждый приглашаемый удивлялся, что у губернатора обѣдъ въ простой день, когда нѣтъ ни праздника, ни торжества. Многіе догадывались, что какъ завтра почтовый день и губернаторъ надѣется получить ленту, такъ видно расположенъ тутъ же и отпраздновать. Злой же на губернатора совѣтникъ примолвилъ: «да долго ли ему еще пиры задавать?» Впрочемъ всѣ безъ исключенія объявили, что «будутъ.»

Утромъ я видѣлъ губернаторшу; она была въ самомъ веселомъ духѣ, ходила вездѣ проворно и, приходя часто къ мужу, пеняла ему, что онъ такъ мраченъ, когда надобно веселиться. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенно смущенъ, и на всѣ ласки и вызовы жены его къ веселью отвѣчалъ: «твоя веселость извинительна: ты женщина и жена. Васъ все подобное восхищаетъ. Но мнѣ очень тяжело...»

Изъ всего этаго я выводилъ свое заключеніе: конечно-дискать его отставили противъ воли и по клеветѣ совѣтника? Онъ огорчается, а жена веселится, что поѣдетъ или въ деревню, или въ Петербургъ: мое же дѣло остается уже безъ всякаго движенія.

Приходитъ обѣденное время. Слуги суетятся, убираютъ большой столъ лучшими приборами и, какъ обыкновенно, пересужаютъ господъ. «Что это они затѣяли?» говоритъ одинъ другому: «экой пропасной столъ, на 80 кувертовъ! а вѣдь на кухнѣ-то всего-на-все готовятъ на восемь персонъ. Сама барыня, посовѣтовавшись съ бариномъ, такъ повару приказала. Спрашивай толку! Вотъ такъ-то они и во всемъ.»

Вдругъ губернаторъ, призвавъ меня, сказалъ: «Ступай къ почтмейстеру и скажи, когда придетъ почта, такъ чтобъ не раздавали никому, а, привезя всѣ письма къ чиновникамъ сюда... но я лучше напишу къ нему, иначе ты все, по-обычаю, перепутаешь.» Написавши записку, отдалъ мнѣ, и я отвезъ ее къ почтмейстеру. Тотъ, прочитавши, пожалъ плечами и сказалъ: «доложите его превосходительству, что все въ точности будетъ исполнено. Чудно!» примолвилъ онъ: «я ровно ничего здѣсь не понимаю!»

— А я ровно все понимаю — подумалъ я, выходя изъ почтовой конторы. — Какъ на тарелкѣ видно, что губернатора отрѣшили, и онъ хочетъ, угостивши всѣхъ въ послѣдній разъ, откланяться и уѣхать въ деревню.—

Начали гости съѣзжаться. Губернаторъ не выходитъ. Чиновники, одинъ съ другимъ: шушу-шушу. Слышны слова: «отставленъ что ли?» — А вотъ уз-

наемъ. — Иные подходятъ ко мнѣ, какъ къ самому ближайшему чиновнику и съ улыбкою спрашиваютъ: «Какую ленту получилъ губернаторъ?»—Не знаю-съ.— «Какой чинъ дали губернатору, военный или статскій?»—Не знаю-съ —и вздохну отъ огорченія, что еще ничего не видя, а уже прежде кланявшіеся и въ глаза раболѣпствовавшіе губернатору начинаютъ насмѣхаться надъ невзгодьемъ его, и вспомнилъ при этомъ презамысловатую картину, видѣнную мною въ домѣ городничаго: изъ людей въ различныхъ положеніяхъ составлены литеры, а изъ тѣхъ литеръ сведены слова, и вышла надпись: «таковъ нынѣ свѣтъ.»

Совѣтникъ, недовольный губернаторомъ, подошедши къ ассессору уголовной палаты, сказалъ: «вѣдь чуфарится, обѣды даетъ; а вотъ-вотъ почта рѣшительное привезетъ. Да примѣчайте, вонъ имъ взысканный чиновникъ (указывая на меня)! видите, какъ печаленъ: тотъ все знаетъ.» Ассесоръ съ важностью отвѣчалъ:—да... конечно. —

Въ другой сторонѣ залы директоръ экономіи подошелъ къ вице-губернатору и сказалъ: «только помѣшали нашему предположенію. А стерляди-то? животрепещущія, а?» А тотъ ему отвѣчалъ: — что же дѣлать? противъ воли и противъ чувствъ надобно покланяться, пока...—Въ отвѣтъ ему и тотъ сказалъ: «пока,» и, пожавъ другъ другу руки, разошлись.

Вошелъ губернаторъ скромно, за-просто, во фракѣ. Всѣ зашаркали, закланялись... ближайшіе начали освѣдомляться о здоровьѣ его превосходительства; а его превосходительство, не показывая никакаго смущенія, началъ разговаривать съ предстоящими, и видно на обыкновенный свой ладъ, потому-что замѣтно было у нѣкоторыхъ смущеніе при его вопросахъ.

Къ ссорящемуся съ нимъ совѣтнику губернаторъ подошелъ и съ улыбочкою спросилъ; «не безпокойно ли было вамъ въ пути и не тяготило ли васъ что при возвращеніи?»

Надобно знать, что этотъ совѣтникъ былъ откомандированъ осмотрѣть главныя дороги въ намѣстничествѣ, и слышно, что онъ, при сей вѣрной оказіи, съ кого можно было, бралъ все, что подъ-руку попало и, будто, возвращаясь, цѣлыя фуры привезъ съ собою. Еще въ то утро губернаторъ получилъ койкакія о томъ свѣдѣнія.

— Ничуть, ваше превосходительство!— отвѣчалъ совѣтникъ свободно: —я не тяготился этимъ препорученіемъ, и съ большимъ удовольствіемъ воротился. —

«Но вы проѣхали губернію еще только въ одной сторонѣ, а если бы кончили осмотрѣть всѣ, конечно больше бы удовольствія *получили*;» такъ сказалъ ему

губернаторъ и слово «получили» произнесъ значительно.

Но совѣтникъ не смѣшался, а почти съ дерзостью поспѣшилъ ему отвѣчать: «другую сторону я оставилъ осмотрѣть, когда буду провожать *прочь изъ губерніи* (и отличилъ эти слова тѣмъ же тономъ, какъ и губернаторъ слово *получили*) кого поважнѣе.»

Губернаторъ, сказавъ ему: «къ чему такое безпокойство?» отошелъ къ другимъ.

Вице-губернаторъ подошелъ къ совѣтнику, пожалъ ему руку и сказалъ «браво!»

Продолжая занимать гостей своихъ такимъ образомъ, губернаторъ все поглядывалъ на дверь, какъ вотъ вошелъ почтмейстеръ и подалъ ему конвертъ. Губернаторъ принялъ спокойно и еще съ усмѣшкою сказалъ: «вотъ и почта. Не будетъ ли какихъ новостей?» Всеобщее вниманіе обратилось на губернатора, безъ всякаго движенія читавшаго бумагу; потомъ, обратясь ко всѣмъ предстоящимъ, сказалъ: «ну, господа! долженъ вамъ объявить: я уже у васъ не губернаторъ!..»

Надобно было имѣть, подобно Аргусу, сто глазъ, чтобы замѣтить всѣхъ осьмидесяти человѣкъ физіономіи, вдругъ измѣнившіяся при этомъ объявленіи.

Иной пораженъ истинною горестью; у инаго радость просіяла на лицѣ; у другаго коварная, злобная улыбка; иной еще, отъ радости, не вѣрилъ и, поглядывая на всѣхъ, какъ будто требовалъ подтвержденія. Вице-губернаторъ съ ужимкою началъ кланяться; одинъ изъ предсѣдателей задрожалъ, и холодный потъ выступилъ у него на лицѣ; совѣтникъ-противникъ даже щелкнулъ пальцами отъ восторга... всѣхъ и не перепишешь. Я самъ невольно воскликнулъ: «вотъ тебѣ и разъ!» Мнѣ стало грустно, тяжело, досадно, больно, и я согласился бы лучше, чтобы меня кто прибилъ, лишь бы это не случилось... О дѣлѣ моемъ мнѣ и на умъ не приходило, но было грустно, что такому отличному губернатору не дали возможности продолжать исправлять губернію. Я даже всплакнулъ немного.

Губернаторъ стоялъ посреди общества и, поглядывая на всѣхъ, молчалъ, ожидая отъ кого-либо утѣшительнаго слова. Всѣ молчали; переглядывались между собою; а иные стояли, потупивъ голову, какъ оглушенные.

Губернаторъ потомъ сказалъ: «меня это такъ поразило, что я прошу у васъ позволенія оставить васъ на короткое время. Я буду къ вамъ сейчасъ.» Сказавъ это, онъ пошелъ въ свои комнаты.

Тутъ опять представилась новая декорація. Нѣкоторые изъ поникшихъ отъ печали распрямились,

физіономіи ихъ просвѣтлѣли и радостная улыбка ознаменовалась ясно; услышалось шушуканье, полу-слова, взрывъ смѣха... и вдругъ все повалило къ выходу.

Вице-губернаторъ, схватя за руку директора экономіи, сказалъ: «къ чему уже унижаться? роль отыграна. Поѣдемъ къ откупщику обѣдать.» И директоръ экономіи, сказавъ: — да; у него стерляди поважнѣе отставнаго губернатора, — похромалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Я обогналъ всѣхъ и стоялъ въ передней, слушая, что говорили уходящіе. Одинъ спрашивалъ у кучи выходящихъ: «Куда же мы это идемъ?»—Разумѣется, искать обѣда свободнѣе—отвѣчали голоса. «Прилично ли, господа? Вѣдь мы званы.» Такъ чтоже: неужели намъ оставаться и слушать его заунывныя пѣсни?.. прошло идолопоклонство! — раздавался голосъ. «Эй, господа! вспомните старую хлѣбъ-соль; у него всегда обѣды славные и вина вдоволь. Живое оставляете, а мертваго ищете.»—Здраствующій откупщикъ лучше всякаго губернатора. Откупщикъ звалъ казенную палату, достанетъ и на верхнюю расправу—отвѣчали другіе—и каждый, каждый уходилъ съ какимъ-либо колкимъ замѣчаніемъ. Совѣтникъ же, ссорившійся съ губернаторомъ, торжествовалъ болѣе всѣхъ. Онъ уже безъ всякаго зазрѣнія говорилъ, что это онъ ссадилъ его превосходительство; что благодарные чиновники должны ему воздвигнуть монументъ за ос-

вобожденіе губерніи отъ такаго губернатора; что теперь-то онъ его прижметъ и потребуетъ, чтобы его превосходительство сего же дня очистилъ казенный домъ—и много тому подобнаго говорили уходящіе.

Съ большою грустью я вошелъ въ опустѣвшую залу. Въ ней только и остались: губернскій предводитель, предсѣдатели обѣихъ палатъ и уголовнаго департамента верхняго земскаго суда, совѣстный судья, засѣдатель, о которомъ губернаторъ тамъ много говорилъ, одинъ совѣтникъ палаты и два или три ассессора, также палатскихъ.

Развалины бывшаго, многолюднаго собранія являли жалкій видъ. Каждый изъ оставшихся стоялъ особо, погруженный въ горестныя мысли... вдругъ дверь отворилась... вошелъ отставной губернаторъ и уже въ полномъ мундирѣ. Кажется никто, кромѣ меня, не замѣтилъ, что у него шитье на мундирѣ уже было не генералъ-маіорское, а генералъ-поруческое. Войдя въ залу и, окинувъ ее глазами, при всемъ важномъ своемъ видѣ, не могъ удержаться и, захохотавъ, сказалъ: «ахъ, какъ я отгадалъ!»

Губернскій предводитель скоро подошелъ къ нему и началъ говорить что-то очень хорошо: что кромѣ того, что какъ онъ былъ полезенъ губерніи, какъ усердно очищалъ ее отъ недостойныхъ чиновниковъ, и какъ удачно умѣлъ избирать достойнѣйшихъ; что

дворянство, вновь рожденное дарованными ему милостями, имѣло въ немъ опытнаго руководителя, наставника въ новой для нихъ службѣ и ревностнаго защитника правъ ихъ—и потому изъявлялъ всеобщее сожалѣніе, что лишаются такаго начальника...

«Погодите, погодите!» сказалъ ему губернаторъ, обнимая его: «вы увидите неожидаемую развязку..»

Предсѣдатель гражданской палаты подошелъ и началъ что-то говорить въ извиненіе ушедшихъ.

Губернаторъ перервалъ его и сказалъ: «Этотъ урокъ для васъ. Не забывайте никогда сегоднешняго ихъ поступка.» Потомъ, оборотясь къ уголовному предсѣдателю, сказалъ: «простите меня великодушно: я вчера предположилъ, что вы будете въ числѣ ихъ... я краснѣю отъ подобной мысли!.. но мы всегда ссорились съ вами...»

— Ваше пр-во наставляли меня въ моей должности, и если я возражалъ вамъ, такъ для того, чтобы болѣе воспользоваться вашими совѣтами.—Такъ отвѣчалъ ему предсѣдатель, и они дружески пожали другъ-другу руки.

«И совѣсть меня не оставила!» сказалъ губернаторъ совѣстному судьѣ.

— Совѣсть является и безъ призыву—отвѣчалъ судья:—но бывъ призвана, тѣмъ болѣе она не должна оставлять имѣющаго въ ней надобность, хотя бы это было и для однаго только обѣда. Но я вижу, что вы, не боясь упрековъ совѣсти, надѣли на себя лишнее шитье, и сгараю отъ нетерпѣнія знать скорѣе развязку. Конечно, вы нашъ не губернаторъ; вы это намъ объявили; но обрадуйте скорѣе: не больше ли вы для насъ?..—

«Такъ точно, друзья мои!» сказалъ губернаторъ съ большимъ чувствомъ: «служба моя удостоена Монаршаго вниманія. Я генералъ-поручикъ и, къ большему моему обрадованію, не растанусь съ вами. Мнѣ повелѣно въ этой области быть правящимъ должность намѣстника...»

Радостный крикъ заглушилъ дальнѣйшія слова его. Маленькое это общество благородныхъ людей, въ полнотѣ чувствъ своихъ, забыло приличія, бросилось обнимать своего начальника, облеченнаго еще въ бо̀льшую власть, и искреннія слезы омочили прекрасно сшитый, богатый генералъ-поруческій мундиръ...

Я также не выдержалъ и, право, ни отъ кого ненаучаемый, подбѣжалъ къ высокому своему начальнику и, не смѣя обнять его, цаловалъ въ полной радости руку его высокопревосходительства. Онъ замѣтилъ меня и—вотъ, истинно, не лгу!—изволилъ об-

нять меня и сказалъ: «спасибо, братъ, за усердіе! Я замѣтилъ твои искреннія слезы».

Совѣстный судья первый началъ говорить: «Что почувствуютъ ушедшіе, когда узнаютъ!.. Противъ воли узнаютъ совѣсть...»

— Пора и ихъ вывести изъ недоумѣнія. Я получу полное удовлетвореніе — сказалъ намѣстникъ. — Они всѣ остановлены у подъѣзда, и вы увидите новую картину. Столбиковъ! Сойди внизъ и объяви господамъ, чтобы воротились выслушать Высочайшія повелѣнія; но не говори ни слова о бывшемъ здѣсь. —

«Слушаю, ваше высокопревосходительство!» сказалъ я по-нашему, по-военному, громко, бодро, отрывисто и съ полною радостью въ душѣ и сердцѣ.

ГЛАВА XI,

въ коей описываются послѣдствія случившагося.

Сошедъ къ подъѣзду, я нашелъ тамъ страшную суматоху. Сколько господа чиновники ни требовали къ себѣ экипажей, но частный приставъ не дозволялъ въѣзжать имъ во дворъ и, приказавъ запереть ворота, объявлялъ, что отъ намѣстника-де приказано не отпускать никого до особаго повелѣнія, очень скоро имѣющаго послѣдовать.

Вице-губернаторъ чуфарился и кричалъ громче частнаго· «какой намѣстникъ? онъ отсюда далеко; губернаторъ отставленъ, слѣдовательно я занимаю его мѣсто; я вамъ приказываю.»

—Слушаю-съ. Справедливо изволите говорить— со всѣмъ почтеніемъ докладывалъ частный—но отпустить васъ не могу.—

«Не думаютъ-ли насъ противъ воли заставить здѣсь обѣдать?»

—Не могу знать-съ.—

«А между-тѣмъ уха съ живыми стерлядями простываетъ, и откупщикъ, потерявъ терпѣніе, перестанетъ насъ ожидать», вздохнувши, сказалъ директоръ экономіи.

Вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ: — Да что это такое? мы арестованы, что ли? мы рѣшительно не хотимъ обѣдать у отставнаго губернатора... —

«Который приказалъ объявить вамъ, чтобы пожаловали наверхъ для выслушанія Высочайшихъ повелѣній», сказалъ я оффиціальнымъ тономъ, и заставилъ всѣхъ умолкнуть.

—Пойдемте, господа—сказалъ вице-губернаторъ: —что за чудеса съ нами дѣлаютъ? — И за нимъ, хотя съ маленькимъ ропотомъ, всѣ пошли.

«Мнѣ очень жаль, господа, что вы отказались доставить мнѣ удовольствіе провести день съ вами...» началъ-было говорить намѣстникъ, еще имъ не объявленный, какъ изъ кучи послышались голоса — Что же дѣлать! у каждаго свои обязанности... — Но намѣстникъ продолжалъ:

«Я долженъ былъ объявить вамъ Высочайшія повелѣнія; а какъ вы прежде времени оставили меня, то я рѣшился васъ пріостановить и просить собраться опять здѣсь. Г. вице-губернаторъ! вы даже не дождались принять отъ меня Всемилостивѣйше пожалованный вамъ орденъ св. Владиміра четвертой степени, на который вы получили право долговременною, усердною вашею службою. Замѣтьте, что въ торжество пожаловано только четырнадцать такихъ крестовъ. Пріятно мнѣ оканчивать службу въ губернаторскомъ званіи, вручая и объявляя Царскія награды. Г. предсѣдатель гражданской палаты! ваша отличная служба награждена: управленію вашему ввѣряется эта губернія. Вотъ указъ, а послѣ обѣда примите отъ меня вполнѣ губернаторскую должность.»

Вице-губернаторъ, въ это время вздѣвавшій крестъ, до того задрожалъ и смѣшался, что не зналъ,

какъ и быть ему. Блѣдность въ лицѣ и большое смущеніе ясно открывали, что онъ недоволенъ былъ такимъ назначеніемъ.

Намѣстникъ продолжалъ къ новому губернатору: «вы будете имѣть хорошаго помощника по намѣстническому правленію. Вамъ назначенъ въ совѣтники этотъ господинъ!» и подвелъ къ нему того засѣдателя, котораго всегда хвалилъ. «Онъ опредѣленъ на мѣсто совѣтника» и указалъ на ссорившагося съ нимъ: «который, за злоупотребленія, извѣстныя правительству, за клевету, разсѣваемую имъ на начальствующія лица, отрѣшается отъ должности, и если не преданъ суду, такъ единственно изъ уваженія къ ходатайству моему. Вамъ, г. предсѣдатель уголовной палаты, въ уваженіе недостаточнаго состоянія, пожаловано сто душъ крестьянъ въ новоприсоединенной Бѣлоруссіи. Прочимъ гг. чиновникамъ, о коихъ я ходатайствовалъ, повелѣно объявить слѣдующіе чины. Пріятнѣе для меня всего то, что я не растаюсь съ вами и, какъ вашъ генералъ-губернаторъ...»

Онъ силился продолжать, но ему не дали... Самыя громкія, искреннія поздравленія полились рѣкою — слова: «достойному достойное!... какъ мы счастливы!.. отдана справедливость... это награда намъ!..» Всего слышаннаго тогда и не перескажешь. Не опишешь также и быстрой перемѣны, какую приняли всѣ тутъ бывшія лица: натянутая радость, принуж-

денная веселость, притворное участіе... О-охъ! какихъ чудесъ насмотрѣлся я въ это утро!.. О, XVIII-й вѣкъ!..

Намѣстникъ отвернулся отъ нихъ и тѣмъ пресѣкъ изъявленія «чистосердечной ихъ радости». Когда они умолкли, онъ продолжалъ: «я еще вчера узналъ о всѣхъ сихъ наградахъ и о новомъ мнѣ назначеніи, и поручилъ пригласить васъ, чтобы вмѣстѣ раздѣлить общую радость; но вы не дослушали меня, дали волю скрываемымъ до того чувствамъ вашимъ, и по нимъ поступили. Извините меня... желаю вамъ добраго аппетита. Завтра вступлю въ новую должность. Кому изъ васъ до сего совѣтовалъ, теперь требую подать въ отставку. До свиданія. Предоставьте намъ воспользоваться обѣдомъ, для васъ приготовленнымъ.» Сказавъ почти-такъ, онъ съ чиновниками, не оставлявшими его, ушелъ въ гостиную.

Всѣ, пристыженные, не знали, какія принять роли. Иной говорилъ: «это вы, Иванъ Ивановичъ, меня отвели; я располагалъ непремѣнно здѣсь обѣдать.» Другой твердилъ — предостойный начальникъ! жаль, что мои злодѣи поселили въ немъ такое обо мнѣ заключеніе!—и много, какъ водится въ такомъ случаѣ, подобнаго говорили, но все-таки ушли.

Вскорѣ подали намъ обѣдъ... да какой! подлинно генералъ-губернаторскій! Къ столу вышла и гене-

ралъ-губернаторша. Мужъ расказывалъ гостямъ о вчерашнемъ съ нею разговорѣ, и какъ онъ, получа извѣстіе о новомъ своемъ назначеніи, рѣшился показать женѣ, каковы бываютъ люди. Жена къ этому была равнодушна. Ее, какъ жену и женщину, занимало возвышеніе мужа; а мужъ, напротивъ, все расказывалъ, какъ онъ боится новой должности, трудной, тяжелой, важной, влекущей за собою, въ случаѣ, большія непріятности, и подвергающей отвѣтственности Богу, Царю, обществу и совѣсти.

«Чего бояться?» думалъ я, управляясь съ отличнѣйшими соусами: «когда дослужусь до генералъ-губернаторства, со всею охотою, безъ робости вступлю въ должность.» Не знаю, съ какимъ аппетитомъ обѣдали чиновники въ другихъ мѣстахъ, но я, на-радости, пообѣдалъ знатно, до того, что повторилъ стихъ безсмертнаго Сумарокова:

«Наполненъ нашъ животъ
Премножествомъ суетъ»!

ГЛАВА XXI,

въ которой описывается горестное поживаніе тетушки моей.

Домъ тетушки былъ большой, въ старинномъ вкусѣ, но какъ-то опущенъ и кое-гдѣ былъ похожъ

на разрушающійся. Въ деревнѣ, во время проѣзда моего, я замѣтилъ бѣдность между крестьянами и явное вездѣ неустройство. Непопечительна же тетушка о крестьянахъ! думалъ я.

Найдя въ передней людей, сидящихъ въ безпорядкѣ и неразсудившихъ доложить обо мнѣ, я вошелъ прямо въ залу. Сидѣвшіе въ кругу два мущины съ нѣсколькими дамами и дѣвицами обратились ко мнѣ, а женщины вскрикнули довольно громко: «ки э се, ки э се?»

Одинъ изъ мущинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «что вамъ здѣсь угодно?»

— Я тетушкинъ племянникъ—отвѣчалъ я: — и пріѣхалъ засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. —

Мущина, улыбнувшись, отошелъ отъ меня и сказалъ младшей дѣвицѣ: «Поди, Дуня, скажи ей, что пріѣхалъ родня ея: сойдетъ ли она, или туда его тащить?» Дуня пошла неохотно.

Общество сдѣлало еще тѣснѣе свой кружокъ и начали шептать, поглядывая на меня, не довольно вѣжливо.

Другой мущина, по времени, подошелъ ко мнѣ и, безъ дальнихъ варіацій, спросилъ меня: «а какъ ваша фамилія?»

— Столбиковъ —отвѣчалъ я громко.

Едва только выговорилъ я, какъ всѣ захохотали... и пошли разныя изъясненія на мою фамилію, замѣчанія на мою наружность—и, къ умноженію безстыдства, женщины подходили ко мнѣ, разсматривали меня насмѣшливо и даже подъ носъ мнѣ смѣялись. Одна молоденькая дѣвица до того дошла, что рѣшилась спросить: «вы нарочно подложили себѣ такое брюхо?» Всѣ захохотали громко, а я, теряя всякое терпѣніе, чуть-было не отпустилъ ей приличнаго на вопросъ отвѣта, но явилась Дуня и словомъ: «идетъ» уняла ихъ смѣхъ. Они усѣлись поодаль и одинъ изъ мущинъ сказалъ: «наступаетъ трогательная сцена! родственное свиданіе.»

Я все стоялъ посреди комнаты и уже мысленно торжествовалъ надъ ихъ замѣшательствомъ, когда увидятъ они родственный пріемъ доброй тетушки. Я все не понималъ, что это за люди. Я почиталъ ихъ гостями.

Черезъ нѣсколько времени вошла старушка, слабая, блѣдная, сухенькая; она едва шла, опираясь на трость. Я не узналъ въ ней тетушки; но, полагая,

что это должна быть она, пошелъ ей навстрѣчу и, едва удерживаясь отъ радостныхъ слезъ, спросилъ ее: «узнаете ли вы меня?»

Долго она смотрѣла на меня еще прекрасными глазами своими, смотрѣла очень внимательно и наконецъ сказала: «нѣтъ, батюшка; не могу припомнить, гдѣ я видѣла васъ.»

— Я Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ, сынъ сестры вашей...—

«Петрушенька!.. золотой мой!..» и съ сими словами выронила палку изъ рукъ и бросилась мнѣ на шею, цалуя меня и приговаривая: «сынъ сестрицы... друга моего?.. сироточка!., обними же меня еще!..»

Я поддерживалъ ее, дрожащую всѣми членами — иначе она упала бы. Принявъ поцалуи и орошенный слезами ея, смѣшавшимися съ моими, такими же искренними, потому-что тутъ вспомнилъ я все драгоцѣнное, потерянное мною: мать, любовь и ласки ея, милости тетушкины, коими наслаждался бы въ несчастномъ дѣтствѣ своемъ, если бы не злодѣйскіе поступки опекуна... я привелъ ее къ креслу, усадилъ, перецаловалъ ручки ея и, въ полнотѣ чувствъ, бросился къ ногамъ ея и благодарилъ за доставленіе мнѣ неиспытаннаго мною счастія принимать ласки искренно любящей меня...

Отвѣчая на ласки ласками же, наконецъ тетушка обратилась къ находящимся въ сторонѣ и очень покойно сидящимъ особамъ и сказала имъ: «дѣти! я такъ восхищена, такъ обрадована, что и забыла похвалиться передъ вами. Это сынъ сестры моей, мой племянникъ, братъ вамъ...»

Услыша, что это семейство тетушки моей, а не гости, я, забывъ совершенно все обращеніе ихъ со мною, со всѣмъ родственнымъ расположеніемъ обратился къ нимъ, все еще, и послѣ словъ матери, не измѣнившимъ своего положенія, какъ первый братецъ, къ которому бросился я съ объятіями, отступилъ отъ меня, подалъ мнѣ только руку, и съ явною насмѣшкою началъ говорить: «честь имѣю себя рекомендовать вамъ, любезнѣйшій братецъ, сынъ сестрицы матери моей. Прошу меня удостоить добраго вашего расположенія и быть увѣреннымъ...»

Тутъ подбѣжалъ другой братецъ и, вырвавъ мою руку изъ рукъ брата, съ такою же насмѣшкою сталъ говорить: «позвольте и мнѣ насладиться счастіемъ познакомиться съ братцомъ, уже мною такъ много...»

Не могши болѣе переносить язвительныхъ ихъ насмѣшекъ, оказываемыхъ мнѣ такъ явно и въ присутствіи матери ихъ, вырвавъ руку, я оставилъ ихъ и обратился къ сестрицамъ, надѣясь, какъ отъ жен-

щинъ, если уже не искренности, такъ болѣе пристойности; подошелъ къ первой изъ нихъ съ словомъ: «сестрица!» и хотѣлъ взять ея руку, какъ она, отдернувъ ее, спрятала за спину и, кивнувъ головою, сказала: «мое почтеніе!»... Я къ другой, также сказавъ: «неужели и вы, сестрица...» Она поступила, какъ и первая, и сказала: «извините; я вамъ не сестра!»

— Петрушенька, другъ мой! ко мнѣ!..» вскричала горько плачущая тетушка, простирая ко мнѣ изсохшія свои руки.

Съ презрѣніемъ оставилъ я ужасныхъ родныхъ своихъ; я бросился къ горькой своей тетушкѣ, къ изумленію моему, не такъ много удивляющейся происходившей передъ нею сценѣ и неимѣющей власти дѣтямъ своимъ сдѣлать на то, по крайней мѣрѣ, замѣчаніе. Я мало жилъ еще въ свѣтѣ и почти не зналъ его; слѣдовательно эта сцена, съ подробностями своими, поражала меня.

Наградивъ меня, за перенесенное мною, самыми нѣжнѣйшими ласками, тетушка сказала, не въ видѣ приказанія, а какъ будто выпрашивая: «а что же, дѣти! пріѣзжему гостю не подать ли чаю съ дороги?»

— Развѣ вы забыли, что чай уже давно отпили?—сказала грубо одна изъ дѣвицъ.

«Можно бы, кажется, и приготовить,» сказала тетушка тише, нежели въ полголоса, какъ будто боясь навлечь упреки за сказанное ею.

— Говори! — отвѣчала та же дѣвица, не умѣряя своего голоса и не расчитывая, что мать услышитъ.

Пораженный до глубины сердца всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ мною и такъ необыкновеннымъ для меня новичка, еще неосмотрѣвшагося въ свѣтѣ, я не могъ удержаться, зарыдалъ и бросился на грудь жестоко страдающей тетушки. Она не плакала, не была удивлена, но страдала жестоко! Она уподоблялась пронзенной уже неоднократно кинжаломъ и чувствовавшей, что въ свѣжей ранѣ поворачиваютъ оружіе, чтобы лютѣе чувствовала она боль, ей наносимую.

Видя ее такъ жестоко страдающую и невыносимо болящую душевно, я плакалъ какъ ребенокъ... я воображалъ, что стѣны дома падутъ на злодѣевъ, земля не захочетъ носить ихъ и пожретъ при насъ. Но домъ не падалъ, чтобы люди не бродили по свѣту въ развалинахъ; земля не разверзалась, чтобы не сдѣлать частыхъ провалинъ. Я, только одинъ я, незнавшій обязанностей дѣтей къ родителямъ, неимѣвшій ихъ въ тѣ дни, когда я началъ разумѣть себя, неслышавшій никогда о долгѣ нашемъ къ родителямъ, я, по внутреннему какому-то голосу, во мнѣ вопію-

щему, находилъ, что эти дѣти смертно грѣшатъ, и что если бы я ихъ тутъ же всѣхъ передушилъ, не отвѣчалъ бы передъ совѣстью своею.

Тетушка, видя меня сильно за нее страдающаго, только обнимала меня; молчала, но молчаніе ея было краснорѣчиво. Ужасныя эти дѣти, кажется, совѣстились уже меня, слезами своими такъ явно и жестоко ихъ укоряющаго; молча, удалились въ свои комнаты...

Тетушка, тяжко вздохнувъ, сказала мнѣ: «Петрушенька! золотой мой!.. это еще ничего; то ли я вытерпливаю!.. Отведи меня въ мою комнату; и мнѣ и тебѣ надобно отдохнуть.»

Только лишь я принялся помогать тетушкѣ итти, какъ—откуда взялись два служителя, старички: они взяли свою барыню подъ руки и почти взнесли на лѣстницу и привели въ антресоли, гдѣ была ея комната...

Идучи за нею по лѣстницѣ, я слышалъ, какъ она говорила: «Сергѣй! услужи же мнѣ много: позаботься и попроси отъ меня повара, чтобы отпустилъ ко мнѣ, на верхъ, порядочную порцію ужина. Вѣдь онъ племянникъ мой, сынъ сестры, что знаешь...»

— Знаю, матушка, и очень знаю. Я ѣздилъ тогда съ вами и все знаю. А объ ужинѣ не безпокойтесь; я на все пойду и все сдѣлаю, что должно...—

Изъ этаго я заключилъ, что тетушка не имѣетъ никакой воли въ своемъ домѣ и, вмѣсто приказаній, проситъ слугъ своихъ, боясь, что они не послушаютъ ее, въ угодность дѣтямъ ея. Бѣдныя дѣти!..

Тетушка, пришедши къ себѣ, бросилась въ постель, плакала горько и произносила тихо молитву. Сколько могъ разслушать, она молилась, чтобы Богъ простилъ дѣтей ея и не взыскалъ бы за ихъ «неразуміе»; такъ она называла ужасныя ихъ дѣйствія.

Во время бывшей тишины въ комнатѣ я замѣтилъ, что она одна только назначена ей: тутъ ея спальня, богомольная, уборная и пріемная, если только имѣетъ она кого принимать? Мебель старинная и, конечно, у старушки тутъ было все завѣтное, о многомъ напоминающее.

Призвавъ служащую ей женщину, однихъ лѣтъ съ нею, отрекомендовала меня; а та припомнила, какъ она съ госпожею была въ домѣ матушки и видѣла меня всего въ грязи и лице, выпачканное сажею. Поговоривъ о старинѣ, тетушка начала заботиться, гдѣ мнѣ ночевать?

«Не-что, матушка; пусть ляжетъ въ моей кануркѣ; а постель твою положу. Вѣдь господа-то не дадутъ другой и въ свои покои не пустятъ, коли это твой гость.»

До ужина тетушка слушала мои похожденія, изъ которыхъ большую часть я утаилъ, чтобы не огорчить еще болѣе старушки, и такъ, при каждомъ моемъ бѣдствіи, вскрикивающей: «о мой Петрушенька!.. о сестра моя!..» Выслушавъ все, она долго говорила мнѣ о матушкѣ моей: какъ онѣ были дружны съ из-дѣтства; какъ она, вышедъ за мужъ, радовалась рожденію моему; какъ всегда въ письмахъ хвалила меня, мою понятливость, мой умъ... (таково сердце матери!) и — примолвила тетушка; «не пришлось ей радоваться такимъ сынкомъ-молодцомъ!»

Благодаря старичку Сергѣю, позаботившемуся объ ужинѣ и даже принесшему въ карманѣ — чтобы господа не видали, какъ говорилъ онъ—бутылку добраго вина, мы поужинали порядочно, и я легъ въ шкафѣ, близъ комнаты тетушкиной, гдѣ было жилище служанки ея, и спалъ препокойно.

Проснувшись довольно поздно, не могъ итти къ тетушкѣ, чтобы не прервать ея моленья; а внизъ я не сходилъ, чтобы не увидѣть извerговъ-дѣтей, и потому разговаривалъ съ женщиною тетушки. Она мнѣ расказывала о дѣтствѣ матушкиномъ, хвалила ея до-

брую душу, горевала о горькой участи госпожи своей и т. под., пока не позвала меня тетушка.

Послѣ завтрака она расказала мнѣ необыкновенныя свои бѣдствія.

«Не успѣвъ испросить, чтобы тебя поручили мнѣ на воспитаніе», говорила она, «а имѣніе отдали бы надежнѣйшему опекуну; подавъ вездѣ жалобы и просьбы; не скрывъ и того, какъ ты матушкино бюро узналъ у предводителя, и о многомъ тому подобномъ доведя до свѣдѣнія начальства и не получивъ удовлетворенія, я возвратилась домой, оплакивая твою участь и чтобъ, не зная того, приготовить себѣ вѣчное несчастіе. Я занялась воспитаніемъ дѣтей, и для образованія ихъ выписала учителя Француза съ женою. Видя, что они занимаются дѣтьми безпрерывно, я переносила всѣ ихъ прихоти, исполняла всѣ капризы... Но вскорѣ замѣтила и слѣды отличнаго воспитанія: дѣти начали мнѣ говорить: «ты, матушка»; «не правда, матушка»; «какой вздоръ ты говоришь» и много подобныхъ славностей, раздиравшихъ сердце мое. Сначала послѣ стола дѣти перестали подходить ко мнѣ, а потомъ по-утру и ввечеру не говорили мнѣ обыкновенныхъ привѣтствій. На упреки мои дѣтямъ, Французы вступались за нихъ: говорили, что такъ принято во всей Франціи, и хвалили дѣтей, что они ведутъ себя, какъ должно настоящимъ Французамъ.»

«Сыновей я отправила въ училище, а дочери оставались дома. Видя, что Французы развращаютъ ихъ все болѣе и болѣе, я, для отвращенія бѣды. согнала Французовъ... но тутъ увидѣла горести, дочерями мнѣ причиняемыя. Меня не слушали, не уважали... и когда я хотѣла показать власть свою надъ ними, то надо мною смѣялись, грубили мнѣ; уѣзжая, противъ воли, къ сосѣдямъ, тамъ оговаривали меня, жаловались, поносили...»

«Какъ вотъ возвратились и сынки! Учились плохо, служили безъ году недѣлю, и вышли въ отставку, промотавъ все, что я имъ высылала, и надѣлавъ отъ себя долговъ. Поживъ немного, начали жаловаться на скуку; находили, что имѣніе худо мною управляется, однимъ словомъ: потребовали, чтобы я передала имъ имѣніе. И я—конечно, глупо!—но какъ мать, собственное мое родовое имѣніе укрѣпила за дѣтьми своими, отказавшись отъ права когда-нибудь потребовать его обратно. Кредиторы ихъ и мои, у кого я для дѣтей же занимала на ихъ же мотовство, явились ко мнѣ и объявили, что они сыновьямъ моимъ и пяти рублей не вѣрятъ; требовали отъ меня денегъ или новыхъ актовъ отъ моего имени. Дѣти отказали мнѣ въ деньгахъ, и я, за ихъ долги, выдала акты отъ себя, взявъ отъ нихъ бумагу, что они мнѣ деньги взнесутъ въ сроки.

«Сынки мои не жили дома, и послѣ долговременной отлучки явился сперва одинъ съ женою, а потомъ также и другой. Не только испросить благословенія, но ниже извѣстили меня, что они женятся. Кто мои невѣстки и откуда, я долго не знала; нарочно не объявляли мнѣ. О именахъ ихъ я узнала на другой день отъ людей. Жены были подобны мужьямъ: меня вовсе не хотѣли знать, не уважали и даже мало говорили со мной. Почти принудили меня уступить мои комнаты, ограничили мою прислугу старою Лукерьею, отказываютъ мнѣ во всемъ, чего бы я ни спросила и даже—хотя бы и просила. Грубости, досады, насмѣшки слышу ото всѣхъ. Въ тюрьму мою, какъ я называю эту единственную мою комнату, никто изъ нихъ не ходитъ, хотя бы я и нездорова была. Не сойди внизъ, они по недѣлямъ меня не видятъ. Денегъ не даютъ мнѣ нисколько и не хотятъ слушать о нуждахъ моихъ; только что поятъ, да кормятъ... но уже какъ!.. О, Боже, прости мои прегрѣшенія!.. Если бы не усердіе старыхъ слугъ, можетъ быть, истощась, давно бы умерла, чего дѣти усердно желаютъ.»

«Кончились сроки моимъ долговымъ актамъ. Кредиторы требуютъ своихъ денегъ. Дѣти и думать не хотятъ, чтобы платить долги мои, и отговариваются, что хотя и дали въ платежѣ бумагу, но эта бумага партикулярная и нигдѣ незаписанная, чего я, по женскому разсудку, вовсе не знала. Кредиторы

ихъ усовѣщиваютъ и говорятъ: «когда вы не хотите платить, а матушка ваша, за отдачею вамъ имѣнія, не имѣетъ ничего, такъ, по закону, ее слѣдуетъ заключить въ тюрьму».—Какъ вы-себѣ съ нею хотите!—отвѣчаютъ дѣти и ѣдутъ на охоту или къ сосѣдямъ.»

«Кредиторы лишаются своего, изъ человѣколюбія щадятъ меня; но тѣмъ тяжелѣе на совѣсти моей: къ собственному горю прибавилось и это мученіе, что я точно-какъ ограбила благорасположенныхъ мнѣ людей.»

Я горько плакалъ вмѣстѣ съ тетушкою...

ГЛАВА XXII

о томъ, на что я, въ крайности, долженъ былъ рѣшиться.

«Здравствуй, предметъ нѣжнѣйшей моей страсти!» такъ перервалъ наши сѣтованія голосъ вошедшаго старчика, низкаго ростомъ, живаго и проворнаго не по лѣтамъ. Вошедъ въ комнату и быстро оглядѣвъ меня, вскрикнулъ: «а это что за невидаль? Не соперникъ ли, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, вздумалъ увиваться? Давай его сюда! Еще не доставало, чтобъ, за твои старыя прелести, такіе славные молодцы перерѣзывали свои горла.»

— Пустое, батюшка; напрасно ревнуешь —отвѣчала тетушка съ сердечною улыбкою и утирая слезы, отъ горести ею пролитыя. — Это племянникъ мой... —

«Какой это? Я весь родъ и плодъ твой знаю, а этаго красавца еще не видалъ. Не изъ Столбиковыхъ ли кто?»

— Точно; ты отгадалъ. Это сынъ сестры моей. Полюби его, горькаго сироту, Дмитрій Ивановичь! —

«Видишь ли, съ-разу узналъ. Видно сокола по полету,» сказалъ онъ и протянулъ ко мнѣ руку, внимательно смотря мнѣ въ глаза. Потомъ сказалъ: «что, сударикъ? Опекунъ еще не закрѣпостилъ тебя за собою вмѣстѣ съ имѣніемъ? Ужъ кстати бы. По глазамъ вашимъ вижу, что вы, пересказывая другъ-другу радости свои, восхищались до восхищенія.»

— Восхищались, батюшка, какъ и всякій день восхищаюсь. А тутъ, къ моему горю, племянникъ разсказалъ свое; такъ было чему восхищаться! —

«Ты своему горю сама виновата и кисни по-дѣломъ. Предоставь мнѣ полную волю дѣйствовать: и я тебѣ клянусь, что не прошло бы трехъ дней, какъ прибѣжалъ бы исправникъ, тебя поставилъ бы опять хозяйкою и госпожею, какъ и была; молодцовъ твоихъ

подвели бы подъ красную шапку, а сударушекъ-дочерей твоихъ заставили бы въ скромномъ мѣстѣ щипать перья для богадельныхъ старухъ. Благодаря Бога, Русскіе Цари умѣютъ истреблять язву людскую. Пиши бумагу, давай руку—и слезы твои уймутся.»

— Опять ты, Дмитрій Ивановичь, за старое. Поднимется ли у меня рука на мое рожденіе?.. Я мать!.. и отцу непростительно дѣйствовать противъ дѣтей своихъ... —

«Ты разсуждаешь подобно всѣмъ людямъ неблагомыслящимъ и вреднымъ для отечества нашего. Человѣкъ, защищающій злодѣяніе и оправдывающій его, есть самъ злодѣй и врагъ рода человѣческаго. Худой сынъ, неуважающій родителей, пренебрегающій ихъ, оставляющій безъ пособія и призора въ болѣзни или старости, есть зловредная язва: онъ никогда не будетъ добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцемъ; никакая маска, принимаемая имъ, не исправитъ сердца его; откроется случай — онъ продастъ и предастъ ихъ для личной выгоды. Онъ худой гражданинъ, опасный членъ въ обществѣ, гнилой сынъ отечества, богоотступникъ, непочитающій ничего святымъ, всему предпочитающій себя и выгоды свои. Это ясно. Кто не почитаетъ, неуважаетъ ближайшей, непосредственной надъ нимъ власти, можетъ ли тотъ повиноваться власти, дѣйствующей на него посредствомъ другихъ властей? Неблагодарный родителямъ

за дарованныя ими первѣйшія блага: жизнь, званіе, имущество, извѣстность въ обществѣ—будетъ-ли онъ благодаренъ и признателенъ къ той власти, которая по милосердому, Божескому свойству своему, печется о неприкосновенности и ненарушеніи всего того, что дано ему одними только родителями? И потому такой сынъ, какъ зло должно быть немедленно исправляемо—и по мѣрѣ преувеличенія вины — наказываемо, уничтожаемо, истребляемо, чтобы слабый не подумалъ, что можно быть вреднымъ безнаказанно, а милосердый Творецъ не прогнѣвался бы за потворство злу. И потому похвально дѣлаютъ родители, вопія предъ закономъ о гнусныхъ дѣйствіяхъ дѣтей своихъ: они тушатъ искру, чтобъ не произвела пожара; напротивъ, снисходительные къ порочнымъ дѣтямъ заслуживаютъ терпимыя ими бѣды...»

— Заслужила и я свою вину, не обративъ вниманія на воспитаніе ихъ; а бывши причиною разврата ихъ и утѣсняемая ими, я рѣшилась переносить все... —

«Да ты переноси, плачь и терпи — по-дѣломъ вору мука — но избавь общество отъ язвы, отъ соблазнительнаго примѣра другимъ. Подъ красную шапку, подъ красную шапку, когда у насъ нѣтъ ни висѣлицъ, ни костровъ!»

Много и очень много подобнаго говорилъ Дмитрій Ивановичь, и все убѣждалъ тетушку прибѣгнуть къ закону, чтобы обуздать ужасныхъ дѣтей ея. Но кроткая, снисходительная тетушка никакъ того не хотѣла, говоря, что она рѣшилась все переносить за грѣхи свои, и чтобы не винили ее люди за погубленіе дѣтей.

«А не боишься, если тебя Богъ обвинитъ?» вскрикнулъ Дмитрій Ивановичь. «Да кто тебя обвинитъ? Люди, подобные дѣткамъ твоимъ, и которые такъ же бы поступили — а можетъ и поступали — если бы были въ подобныхъ обстоятельствахъ.»

Споръ ихъ продолжался и во время обѣда, присланнаго намъ отъ дѣтей. Потомъ онъ расспрашивалъ о моемъ положеніи, которое отчасти извѣстно было ему по слуху. Я расказалъ все.

Послѣ обѣда тетушка просила совѣта у Дмитрія Ивановича: что мнѣ предпринять въ крайнемъ моемъ положеніи? «Онъ, батюшка, безъ пріюта, безъ крова и безъ копѣйки денегъ. Видимое дѣло, что я не могу его держать у себя и дать ему хотя малѣйшую помощь. Родныхъ много, но опасно ему ввѣрить себя. Съ его характеромъ, съ его неопытностью, его оберутъ не хуже, какъ и опекунъ обобралъ его; да еще возьмутъ и бумагу—вѣдь онъ совершеннолѣтній; и пособить не можно будетъ. Чѣмъ ему жить, какъ со-

держать себя? Наставь его, батюшка, Дмитрій Ивановичь!»

— Малой! подай мнѣ надворнаго совѣтника! Не присовѣтуетъ ли онъ мнѣ чего?—закричалъ Дмитрій Ивановичь. И ему подали большую трубку съ чехломъ, сдѣланнымъ изъ кожи.

Дмитрій Ивановичь закурилъ трубку съ ужасным табакомъ; но скоро отворилъ окно и сказалъ: «не прогнѣвайся, обожаемая! Не могу курить другаго, какъ своего надворнаго совѣтника, такъ названнаго мною потому, что его курить должно только на дворѣ. Но чтобъ ты, при своей слабой головѣ, не свалилась отъ него, такъ я отворилъ окно. Покурю и подумаю о твоемъ Петрушѣ.»

Куривши трубку, онъ дремалъ очень исправно.

Во время его дремоты тетушка расказала мнѣ, что это близкій ея сосѣдъ, другъ былъ мужу ея, а теперь и ей; совѣтникъ самый искренній, честныхъ, благородныхъ правилъ, ума здраваго, откровененъ, и обращеніе всегда со всѣми ровное. Часто навѣщаетъ ее въ горѣ и всегда говоритъ одно и тоже, что и теперь. Сначала объявилъ дѣтямъ тетушкинымъ, чтобы, во время пріѣзда его, они не смѣли показываться ему на глаза, иначе онъ свернетъ имъ шею. Дѣти строго исполняютъ его приказъ.

Упавшая трубка изъ рукъ заснувшаго Дмитрія Ивановича прервала нашъ разговоръ и разбудила его. Онъ зѣвнулъ громко, потянулся, протеръ глаза, всталъ и началъ ходить по комнатѣ, останавливаясь противъ меня и всегда разсматривая меня пристально. Потомъ сказалъ:

«Петруша! твое дѣло справедливо, и ты его выиграешь. Но на это надобно время, въ продолженіе котораго тебѣ должно ѣсть, пить, одѣваться и не жить праздно. Имѣя такое полное здоровье, какъ у тебя, подаяніемъ жить грѣшно. Воровать и грабить не совѣтую; худо награждаютъ за эти подвиги. Служить въ той или другой службѣ, немного погоди. Ни ты службѣ, ни служба тебѣ покуда выгодъ не доставитъ. Я уже вижу. Прожить иначе нельзя, какъ надобно трудиться. Иди въ управляющіе имѣніемъ. Я тебѣ найду теплое мѣстечко. Вижу, братъ, что управленіе хозяйствомъ для тебя тарабарская грамота; но я тебя упрячу туда, гдѣ большой мудрости не нужно, и ты покойно проживешь до рѣшенія твоего дѣла. Напишу письмо; извощикъ твой здѣсь, за бездѣлицу довезетъ тебя до мѣста, и ты заживешь припѣваючи. Ну, что вертишь головой, а?

— Помилуйте!—отвѣчалъ я съ негодованіемъ:— какъ мнѣ итти во услуженіе, въ прикащики?.. Вѣдь я дворянинъ!. —

«Охъ, вы дворяне бездворные!» вскричалъ онъ: «вотъ тутъ вы мнѣ сидите! Предки мои были бояре, воеводы средняго полка и правой руки, стольники, генералы, губернаторы; то какъ мнѣ унижать себя? Такъ говорите вы; а между-тѣмъ что вы дѣлаете? Крестьянъ своихъ разоряете, другъ-друга обыгрываете въ карты, таскаете по судамъ, лишаете собственности; другъ-друга злословите, лишаете добраго имени; женъ, дочерей развращаете; мужей, отцовъ обманываете; просителей обираете, бѣдныхъ утѣсняете — и чванитесь: «я-де-су-янька, на мнѣ красная шапка!» Я дворянинъ отъ предковъ: какъ мнѣ быть въ зависимости у кого-либо, не только мнѣ равнаго, но еще и ниже меня по происхожденію! Тьфу! пропадай ваша голова! Честнымъ образомъ содержать себя никогда не стыдно. Нашъ долгъ, священный долгъ, служить ближнему, чѣмъ только можно: дѣломъ, совѣтомъ, наставленіемъ, руководствомъ. О томъ молю Бога ежедневно, чтобы имѣть къ тому случай, и если въ день удастся мнѣ хоть приказать стаканъ воды подать жаждущему, или отсовѣтовать дѣлать что безполезное, то благодарю святой промыслъ Его о мнѣ.

Много еще подобнаго тому говорилъ мнѣ Дмитрій Ивановичь; убѣждала и просила тетушка согласиться на предложеніе его... и я... наконецъ согласился быть... управляющимъ...

Управляющимъ!.. я?.. впрочемъ, мнѣ казалось, что быть управляющимъ честнѣе того, чѣмъ былъ я у Столбиковскаго...

Расположили, устроили, написали письмо къ помѣщицѣ, къ которой я долженъ явиться для занятія должности, договорили извощика, простились со мною... Тетушка много плакала; а я обѣщалъ и ей и въ душѣ моей, какъ скоро получу свое имѣніе, перевезти тетушку къ себѣ и доставить ей всѣ выгоды и во всѣхъ отношеніяхъ покойную жизнь.

Дмитрій Ивановичь дѣлалъ мнѣ прекрасныя наставленія и желалъ мнѣ всякаго добра.

Когда я усаживался въ повозку, такъ сверху кричали мнѣ братцы и сестрицы: «прощайте г. Столбиковъ!» другой кричалъ: — нѣтъ, г. Столобовъ!.. — «не такъ: г. Стоноговъ!» и много т. п.

Я не обращалъ на нихъ вниманія и выѣхалъ, вздохнувъ еще разъ о тетушкѣ, долженствующей жить съ такими извергами!

ГЛАВА XXIII

о томъ, какъ я былъ управляющимъ у благотворительной помѣщицы.

Имѣніе помѣщицы, къ которой я былъ рекомендованъ, отстояло недалеко, и я пріѣхалъ туда гораздо прежде до захожденія солнца. Домъ ея былъ небольшой, дворянскій; но на дворѣ возвышалось строеніе обширное, котораго половина выстроена и обдѣлана была, какъ должно; другая же половина не была даже еще покрыта.

Остановившись на экономическомъ дворѣ, я узналъ, что госпожа «въ училищѣ», и выйдетъ оттуда только къ ужину. Когда же нашли случай доложить ей, что пріѣхалъ-де кто-то съ письмами, она пришла въ домъ и приказала допустить меня.

Когда отданное мною ей письмо отъ Дмитрія Ивановича она читала, я разсматривалъ ее и нашелъ, что она лѣтъ сорока, довольно пріятной наружности и, казалось, души доброй.

Прочитавъ письмо, она сказала мнѣ кроткимъ голосомъ: «очень рада, голубчикъ (слово: «голубчикъ» крѣпко пощекотало меня; но въ моемъ новомъ званіи надобно было все переносить и ко всему

быть готовымъ)! «очень рада, голубчикъ, что буду имѣть у себя человѣка, рекомендованнаго Дмитріемъ Ивановичемъ. Прежде всего мнѣ хотѣлось бы знать, на какомъ положеніи будешь ты служить у меня?»

«Ты... служить...» О, обстоятельства, обстоятельства!

— Я долженъ управлять вашимъ имѣніемъ — отвѣчалъ я, по наставленію Дмитрія Ивановича: — и какъ ваше имѣніе оброчное, то болѣе всего заботиться о сборѣ оброковъ. За это имѣть столъ, полное содержаніе и *обращеніе* — примолвилъ я, возвысивъ голосъ на этомъ словѣ: — какъ слѣдуетъ благородному человѣку; а жалованья 800 рублей.

«Восемь сотъ... рублей!» сказала госпожа протяжно, и потомъ, подумавъ, продолжала: «хорошо; я согласна. Теперь отдыхай; а завтра займись, голубчикъ, своею должностію. Иди же въ контору, отдохни.»

Мало же подѣйствовало мое требованіе на приличное обращеніе!

Комнаты для меня показались приличны; но ужинъ скуденъ.

Конторщикъ, писарь и прочіе чиновники, долженствовавшіе зависѣть отъ меня, явились ко мнѣ и,

къ удивленію моему, хотѣли быть со мною фамиліарны; но моя амбиція пробудилась, и я, удержавъ ихъ отъ короткости, заставилъ обращаться со мною съ уваженіемъ. Они, желая открыть мнѣ все и показать правила, по коимъ я долженъ поступать, начали-было изъясняться о характерѣ и наклонностяхъ госпожи своей; но я, вспомнивъ наставленіе Дмитрія Ивановича: дѣлать свое дѣло, а въ чужое не вмѣшиваться; и служить своему господину со всѣмъ усердіемъ, не разбирая, хорошъ ли онъ, или дуренъ; и еще не позволять собственнымъ и наемнымъ людямъ перетолковывать дѣйствія и намѣренія господъ своихъ: гдѣ умничанье, тамъ родятся пересуды, а тамъ и неповиновеніе, а отъ того и все зло — и потому, съ первыхъ поръ, запретилъ я имъ, чтобы не только мнѣ не пересказывали ничего подобнаго, но и сами бы, не толкуя ничего, дѣлали, что велятъ. Они обѣщали повиноваться.

«Нехудо быть управляющимъ!» размышлялъ я, легши въ постель. «Комната довольно порядочная, содержаніе во всемъ безнужное, деньги будутъ; всѣ слушаютъ, повинуются; я одинъ могу приказывать, всѣмъ повелѣвать... Правда, обращеніе госпожи со мною... но я покажу ей, что я не обыкновенный управляющій. Что ни говори Дмитрій Ивановичь, я все-таки природный дворянинъ.»

На другое утро я пересмотрѣлъ книги, вѣдомости, отчеты—и нашелъ, что весь порядокъ управленія состоитъ въ томъ, чтобы собирать оброкъ съ крестьянъ исправнѣе и поболѣе; требовать денегъ отъ арендаторовъ, имѣющихъ на откупу землю, мельницы, и всѣ заведенія. Деньги, безсрочно, вносились госпожѣ... Но вотъ что меня огорчило и изумило: безпрестанный заемъ денегъ; нѣкоторые векселя изъ-за сроковъ не уплачены, а по всѣмъ вообще проценты не платятся; имѣніе же заложено въ банкѣ, и ничего свободнаго нѣтъ. «Барыня должна быть мотовка!» подумалъ я, и пошелъ по ея призыву.

Послѣ первоначальныхъ распросовъ о сёмъ о томъ, о хозяйствѣ, моихъ планахъ къ улучшенію его, она сказала, прибавляя вездѣ несносное для меня *голубчикъ*: «изволишь видѣть,. голубчикъ; человѣку надобно жить для вѣчности, надобно дѣлать, по возможности, ближнимъ добро. Милостину раздавать очень обыкновенно, и мы часто даемъ ее людямъ, незаслуживающимъ нашего состраданія: пьяницамъ, мерзавцамъ, мошенникамъ, негодяямъ, обманщикамъ, кои вездѣ намъ кучами попадаются. Я рѣшилась дѣлать существенное добро, и для этаго не жалѣю себя и своей собственности. Я завела училище для дочерей, хотя и не вовсе бѣдныхъ дворянъ, но моихъ хорошихъ пріятелей, и такихъ, за коихъ просятъ меня начальники. Я предполагала имѣть 50 учени; но строенія не могла окончить: ужасно, сколько требует-

ся на окончаніе. Употребивши занятую въ банкѣ сумму, я едва могла выстроить и отдѣлать часть строенія, и открыла сперва для двенадцати дѣвицъ. Пріискала смотрительницу, мадамъ, уговорила учителей ѣздить изъ города давать уроки — и у меня все идетъ прекрасно! Дорогонько все это стоитъ; денегъ исходитъ гибель на содержаніе и жалованье, котораго нѣкоторымъ не могши уплатить, надавала векселей. Требуютъ и по нимъ.»

— Не лучше ли бы, сударыня, — сказалъ я съ нѣкоторымъ опасеніемъ, на первый случай давая ей совѣты: — прежде бы уплатить долги, кои, какъ я осмотрѣлъ, значительны и возрастаютъ отъ неплатежа; а потомъ уже, припасши капиталъ, приниматься за благое дѣло? —

«Добраго дѣла никогда не должно откладывать. Чѣмъ скорѣе начну я благотворить, хотя стѣсняя себя, тѣмъ я полезнѣе въ свѣтѣ и угодна Богу. Долги же мнѣ не страшны: мое имѣніе, конечно, не велико; но я им ю мно ое въ в ду. У меня два родныхъ брата; у одного одна дочь, хотя и здорова, но мы всѣ подъ Богомъ! Зачахнетъ, умретъ; а братъ постарше меня, ужъ навѣрно не перенесетъ такой жестокой потери; вотъ наслѣдство и перейдетъ мнѣ, потому-что у другаго брата, хотя и три сына, здоровяки, Богъ съ ними! — но ужасно склонны къ военной жизни. Ну, пошли на войну, тамъ имъ и аминь.

Братъ и безъ того хворый; недолго ему, сердечному, горевать будетъ. Анъ тутъ отъ двухъ братьевъ мнѣ придется болѣе тысячи душъ. А два дяди родныхъ? Семейства ихъ семействами, а не равенъ часъ, какъ лишатся всѣхъ дѣтей, да и по ихъ души Богъ пошлетъ, такъ не кому же, какъ мнѣ, все это достанется, и я тогда во всей округѣ первая помѣщица! Когда же Богъ благословляетъ такимъ состояніемъ, такъ мнѣ, окаянной грѣшницѣ, и сидѣть сложа руки? Нѣтъ; я должна употребить его на дѣло, Богу угодное, пріятелямъ моимъ полезное...»

— Но пріятели ваши, статься можетъ, и сами могли бы воспитать своихъ дочерей? —

«Кто объ этомъ споритъ, голубчикъ! Но я не имѣла бы случая оказать имъ услуги, и не видѣла бы отъ нихъ такаго почтенія къ себѣ и благодарности, какъ нынѣ. Они меня вездѣ превозносятъ, и я во всемъ уѣздѣ слыву за женщину благотворительную, благоразумно употребляющую свое достояніе. Притомъ же очень лестно, когда получаешь письмо отъ губернатора, или еще и отъ самаго намѣстника, которымъ просятъ оказать благодѣяніе и принять дочь ихъ секретаря въ училище. Такъ просьба просьбой, письмо письмомъ, а сладкія рѣчи услаждаютъ душу.»

— И по кончинѣ вашей много останется благодарныхъ! — сказалъ я, желая поддѣлаться подъ ея мысли.

«Прошу меня, голубчикъ, не морить!» сказала она, покраснѣвъ отъ досады. «Я, взявшись за благотворительныя дѣла, вѣрю и надѣюсь, что Богъ меня помилуетъ и продлитъ жизнь, умножа мое состояніе, для пользы ближнихъ моихъ. Я вижу, ты философъ, а я философіи не люблю. Занимайся-ка своимъ дѣломъ и доставляй мнѣ поболѣе денегъ; не воспрепятствуй дѣлать мнѣ благодѣянія.»

Получивъ первый урокъ, я пошелъ отъ нея и принялся со всѣмъ усердіемъ собирать ей денегъ. Къ неплатящимъ усилилъ требованія и настоянія; съ крестьянъ взыскивалъ и даже доходилъ до угрозъ— и этими мѣрами довелъ до того, что мѣсяца три моя благотворительная госпожа содержала въ порядкѣ свое училище, хотя учителямъ выдавала новыя заемныя бумаги, надѣясь по нимъ уплатить, когда повымрутъ всѣ ея родственники и она приберетъ къ себѣ оставшіяся послѣ нихъ имѣнія.

Наконецъ, когда ужъ отъ всѣхъ арендаторовъ собраны были арендныя суммы, оброкъ съ крестьянъ взятъ впередъ, моей госпожѣ крѣпко понадобились деньги въ значительномъ числѣ: она открыла еще мѣсто на пять учениц, присланныхъ ей отъ предво-

дителей, председателей и проч., при письмахъ въ самыхъ лестныхъ для нея выраженіяхъ. Новыхъ учениць надобно было экипировать, устроить все для нихъ необходимое; нужны были деньги; потребовала отъ меня, а у меня не было никакихъ средствъ удовлетворить ее.

Призвавъ меня и исчисливъ всѣ свои благотворенія, начала упрекать, что во мнѣ нѣтъ золотника человѣколюбія, когда я не даю ей средствъ дѣлать добрыхъ дѣлъ.

Я представилъ ей положеніе экономіи и показалъ отчеты.

«Такъ чтожъ, голубчикъ! Такъ это я должна воздухомъ питать благородныхъ дѣтей, взятыхъ мною на мое попеченіе? Нѣтъ, это не годится. Вотъ тебѣ средство: съ крестьянъ потребуй оброкъ за предбудущій годъ.»

— Чтобъ получить за текущій, я у нихъ обобралъ все и продалъ за безцѣнокъ...—

«Послѣднія крохи возьми, не останавливай моихъ благотвореній! Мужикъ, Хамово колѣно, созданъ для работы; пріобрѣтетъ себѣ снова. А съ арендаторами вотъ какъ поступи: скажи каждому, что другіе надбавляютъ знатныя цѣны, вотъ они и наддадутъ.»

— Я не умѣю такъ поступать. Это противъ совѣсти. —

«Что тутъ до совѣсти, когда мнѣ деньги нужны? Вѣдь я не на прихоти ихъ требую, не на роскошь, не на мотовство, а на благотвореніе.»

— Благотвореніе должно производить, не стѣсняя и не обижая другихъ... —

«Ты, голубчикъ, опять за философію?» вскричала она въ сильномъ гнѣвѣ. «Такъ не нада же мнѣ философовъ! Вонъ! Я была безъ тебя, и пробуду безъ твоихъ проповѣдей.»

— Очень охотно оставляю васъ; позвольте представить вамъ счетъ, сколько я долженъ получить отъ васъ за службу мою. —

«Представляй—и убирайся!»

Вышедши, я слышалъ, какъ она упрекала меня: «Вотъ выскочка! жалѣетъ глупыхъ мужиковъ, уважаетъ свою совѣсть, а не подумаетъ, какъ мнѣ безъ денегъ быть полезной ближнимъ?..»

Расчетъ мой былъ коротокъ. Жалованья мнѣ слѣдовало за четыре мѣсяца 266 рубл. 66 коп. Написавъ это, я принесъ къ ней. У нея были гости. Двою-

родная сестра ея съ мужемъ привезли дочь и просили, Христа ради, принять ее въ училище и тѣмъ облегчить ихъ. Они имѣли ограниченное состояніе, долги и восемь человѣкъ дѣтей.

Благотворительница отказала за-тѣмъ, что она сгоритъ со стыда, когда ея племянница будетъ воспитываться вмѣстѣ съ дочерями неимущихъ чиновниковъ; что она учредила училище не для родныхъ; да и къ чему въ ихъ мизерномъ состояніи ученая дочь, и къ чему у нихъ такъ много дѣтей... Наговоривъ подобныхъ грубостей и глупостей, она почти выслала родныхъ своихъ, а потомъ принялась за меня.

Начала укоризнами, что я такъ жаденъ къ деньгамъ, что и копѣйки поставилъ въ счетъ, не пожертвовавъ никогда ничего въ пользу ея училища. Потомъ, написавъ простую расписку, что она должна мнѣ такую-то сумму, хотѣла отдѣлаться отъ меня.

Сколько я ни представлялъ ей, что это мое заслуженное, которое она должна прежде уплатить, а потомъ уже благотворить; что мнѣ нужны деньги; что это...

«Такъ вотъ Богъ, а вотъ и дверь! Ищи на меня.» И съ сими словами вывела меня за дверь и заперлась.

Сколько я ни посылалъ требованій, угрозъ, просьбъ о нужныхъ мнѣ деньгахъ, заслуженныхъ мною, она не смягчилась. Долженъ былъ выѣхать отъ нея безо всего.

Основьяненко.

ПРІѢЗЖІЕ ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ;
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло настать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по суботамъ,
Служанокъ била, осердясь,
Все это мужа не спросясь.

Е. Онѣгинъ. А. Пушкинъ.

Въ ...ской губерніи, неподалеку—а именно верстахъ въ 10—отъ уѣзднаго города Г., и не въ дальнемъ разстояніи, т. е. съ небольшимъ въ 300 верстахъ отъ Петербурга, находится село, принадлежащее отставному юнкеру Голоногову. Помѣщику, не смотря на его юношественный чинъ, стукнуло, по веснѣ, 60 лѣтъ. Онъ женатъ уже 32 года, и имѣетъ пятнадцать человѣкъ дѣтей; изъ нихъ четыре мужеска и 11 женска пола. Супруга Евлампія Савельевича Голоногова, Авдотья Елисѣевна Голоногова, десятью годами моложе своего супруга. Старшее дѣтище этой плодовитой пары есть тридцатилѣтняя дщерь,

Олимпіада Евлампіевна, названная такъ въ честь старшей сестрицы Евлампія Савельевича, Олимпіады Савельевны. Далѣе дѣти идутъ эшелонами на разстояніи однаго года, а иногда и двухъ лѣтъ — и четырнадцатый и послѣдній отпрыскъ рода Голоноговыхъ есть шестилѣтняя дочь Соломанида Евлампіевна, названная этимъ неблагозвучнымъ именемъ въ честь второй сестрицы Евлампія Савельевича, Соломаниды Савельевны. Всѣ эти дѣти и сестры Евлампія Савельевича жили у него въ домѣ, такъ-что списокъ семьи представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) Евлампій Савельевичъ; 2) супруга его Авдотья Елисѣевна; дѣти ихъ: 1) Олимпіада; 2) Силантій; 3) Авдотья; 4) Евлампій; 5) Савелій; 6) Елисѣй; 7) Анастасія, самая красивая и умная, отъ роду 20 лѣтъ; 8) Христина; 9) Февронія; 10) Анна; 11) Анисія; 12) Пелагея; 13) Надежда; 14) Прасковья; и 15) Соломанида. Сестры Евлампія Савельевича: 1) Олимпіада, 2) Соломанида. Итого 19 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 мужчинъ и 14 женщинъ. Домъ былъ довольно великъ, но, такъ называемыхъ, чистыхъ комнатъ было полторы; одна гостиная, а другая столовая, въ которой стоялъ диванъ, служившій, во время ночи, ложемъ для однаго изъ сыновей Евлампія Савельевича. Остальныя комнаты были уставлены кроватями разныхъ видовъ и величинъ. Поутру въ 7-мь часовъ вся компанія являлась въ столовую, гдѣ былъ накрываемъ огромный чайный столъ, и гдѣ Ванька и Сенька—въ широкихъ, неуклюжихъ сертукахъ съ разорванными локтями и засаленны-

ми обшлагами—бѣгали изъ угла въ уголъ съ кофейниками, чайниками, чашками, стаканами, кружками, и прочимъ. Олимпіада, старшая дочь, обыкновенно разливала чай и кофе. Лишь только всѣ эти сыны и дщери природы разсядутся по своимъ мѣстамъ, Олимпіада обращалась къ матушкѣ съ вопросомъ, чего она прикажетъ, чаю или кофе; потомъ этотъ же вопросъ повторялся батюшкѣ и двумъ его сестрицамъ; прочимъ же безъ разбору давала госпожа провіантмейстерша, что было подъ-рукою. Когда каждому была выдана его порція, тогда начиналась самая дѣятельная работа: огромныя блюда съ хлѣбомъ исчезали одно за другимъ, молочники опоражнивались; Ванька и Сенька бѣгали какъ угорѣлые; самое строгое молчаніе царствовало въ комнатѣ; всѣ набивали желудки свои, какъ будто бы не ѣли три дня и столько же дней сбирались еще голодать. Въ деревнѣ славный аппетитъ. Два самовара кипятку выливались въ чайники и три кофейника опоражнивались. Когда все было съѣдено и выпито, Авдотья Елисѣевна вставала изъ-за стола и говорила:

«И дѣло же, въ самомъ дѣлѣ; пора честь знать.»

Ея примѣру слѣдовали всѣ прочіе, и въ столовой оставалась только Олимпіада и при ней ея адъютанты, Ванька и Сенька. Оставшись такимъ образомъ одна съ своимъ штабомъ, Олимпіада обыкновенно брала въ руки самый большой чайникъ, а два другихъ давала

Ванькѣ и Сенькѣ. и въ одинъ мигъ, слѣдуя движеніямъ барышни, лакеи открывали крышечки у чайниковъ, засовывали туда руки и выбрасывали на полъ сырые чайные листики. По окончаніи этой процедуры, Олимпіада ставила свой чайникъ на подносъ и говорила:

«Смотрите жъ, не пылите, какъ будете мести; довольно листу набросали.»

Это благоразумное хозяйственное распоряженіе, кромѣ опрятности, имѣло еще очень важную нравственную цѣль—удержаніе слугъ отъ роскоши (пить чай есть роскошь): вкуси въ разъ этаго сладкаго напитка, лакеи неминуемо стали бы обкрадывать господъ, не довольствуясь ихъ остатками. Гущу, остававшуюся въ кофейникахъ, сливали въ одинъ сосудъ для переваривания и вкушенія вечеромъ, послѣ чего она поступала въ ведро, назначенное для складки всякой дряни, въ пользу свиней.

По окончаніи этой важной церемоніи, Олимпіада исчезала до обѣда, не имѣя никакихъ занятій, кромѣ управленія чайнымъ департаментомъ.

Авдотья Елисѣевна отправлялась заниматься тою частію хозяйства, которую она, при распредѣленіи должностей, предоставила себѣ, а именно: кухнею. Поваръ въ запачканномъ, нѣкогда бывшемъ бѣлымъ

передникѣ, ожидалъ барыню, выложивъ на видъ всю провизію.

«Ну, что Ѳедотка?» говорила обыкновенно барыня, входя въ кухню.

— Ничего, сударыня, стряпаю. —

«То-то смотри, стряпай, не пьянствовать у меня: по лицу вижу, что ты вчера вечеромъ выпилъ лишнюю.»

— Помилуйте, сударыня... —

«Нечего тутъ миловать васъ бездѣльниковъ.»

И вслѣдъ за этимъ введеніемъ начинался разговоръ о курахъ, уткахъ, пирогахъ, яицахъ, молокѣ, маслѣ, и т. д.

Въ то время, какъ Авдотья Елисѣевна такъ усердно занималась хозяйствомъ, Евлампій Савельевичь удалялся въ свой кабинетъ. Тамъ садился онъ къ окну въ широкія кресла, бралъ въ руки С. Петербургскія Вѣдомости и начиналъ читать. Внутреннія и иностранныя извѣстія мало занимали его; онъ пробѣгалъ ихъ почти безъ всякаго вниманія. Отдѣленіе смѣси нравилось ему болѣе, хотя также не доставляло большаго наслажденія; однако же онъ все это от-

читывалъ, для очищенія совѣсти, и только по исполненіи сего долга, дозволялъ себѣ приступать къ *увеселительному* чтенію, къ чтенію прибавленій. Но почему же нравились прибавленія Евлампію Савельевичу? — а вотъ, изволите видѣть, онъ уже лѣтъ десять, какъ сбирался ѣхать въ Петербургъ, а потому высматривалъ въ Вѣдомостяхъ, гдѣ и что продается дешево въ столицѣ, и гдѣ и что можно купить по-случаю?

Иногда съ восторгомъ выбѣгалъ онъ изъ кабинета, съ листкомъ въ рукѣ, и не спуская съ него глазъ, кричалъ женѣ:

«Авдотья Елисѣевна! Авдотья Елисѣевна! чудное дѣло, афера, матушка, афера.»

— Что съ тобой? — возражала жена.

«Какъ что?» отвѣчалъ онъ, «продается, за скорымъ отъѣздомъ, енотовая шуба, за самую сходную цѣну.»

— А развѣ тебѣ нужна шуба? —

«Нѣтъ, да вѣдь какъ пріѣдемъ туда, занадобится.»

— Выкинь дурь изъ головы-то, батюшка — говорила жена — тебя послушать, такъ думаешь, что ужъ ты и закладывать приказалъ. —

«Не ровенъ часъ, Дуняша, чего добраго!»

— И, полно — отвѣчала жена.

И Евлампій Савельевичь, разбитый симъ замѣчаніемъ на-голову, удалялся въ свой кабинетъ.

Въ полдень вся семья собиралась къ обѣду. Дѣти (и большія и малыя), набѣгавшись, кто по двору, кто по саду, кто по полямъ, являлись со всепожирающимъ аппетитомъ. Ѣли, ѣли, пили, пили (квасъ и воду); наѣлись, напились. Подана перевареная кофейная гуща, что отъ утра осталась. Всѣ дѣла кончены; компанія расходится по своимъ угламъ, и черезъ десять минутъ громкое, хоровое храпѣніе возвѣщаетъ о спокойномъ опочиваніи семейства Голоноговыхъ. Спятъ часъ, спятъ другой, вотъ пошелъ ужъ и третій. Авдотья Елисѣевна, первая воспрянувъ ото сна, пускается въ походъ. Она обходитъ всѣ комнаты, и дергаетъ каждаго за ноги, говоря:

«Полно спать, надобно честь знать.» Потомъ идетъ она въ людскія, и кричитъ:

«Не надрыхлись еще, окаянные, ужъ господа встали.»

И на этотъ призывъ вся дворня подымалась на ноги.

Вечеръ былъ проводимъ въ бесѣдѣ, раскладываніи гранъ-пасьянса, вязаніи или штопаніи чулокъ, шитьѣ и вышиваньи, прогулкахъ. Наступало время пить чай, а тамъ и ужинъ на столѣ. Послѣ ужина спать. И на другой день опять то же. Скучно кажется, не правда ли? Но у всякаго человѣка своя натура, и есть натуры, любящія такой образъ жизни безъ мѣры. Такія натуры были и у семейства Голоноговыхъ. Имъ было мало дѣла до того, что дѣлается въ свѣтѣ. Только одинъ Евлампій Савельевичъ имѣлъ непреодолимое желаніе побывать въ Петербургѣ; но какъ это желаніе оставалось безъ исполненія въ теченіе такаго долгаго времени, то и не предвидѣлось возможности видѣть его когда-либо осуществившимся, еслибъ одно, по-видимому, незначительное обстоятельство не произвело важнаго переворота въ дѣлахъ семейства Голоноговыхъ.

Однажды поутру Евлампій Савельевичъ, напившись вдоволь кофе и чаю, по обыкновенію сѣлъ въ кресла, и началъ читать С. Петербургскія Вѣдомости. Чтеніе шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ Евлампій

Савельевичь вскрикнулъ, вскочилъ съ мѣста, ударилъ себя по лбу, и во все горло закричалъ:

«Хорошо же! Ѣду въ Питеръ»!

На крикъ его вбѣжала въ кабинетъ Авдотья Елисѣевна, въ сопровожденіи Христины, Анны, Анисьи и нѣкоторыхъ другихъ дочерей.

— Что съ тобой? — въ испугѣ спрашивала Авдотья Елисѣевна.

«Ѣду въ Питеръ, матушка!» торжественно произнесъ Евлампій Савельевичь.

Для полнаго уразумѣнія дѣла, должно расказать вкратцѣ кое-что предшествовавшее. Въ пяти верстахъ отъ Голоногова жилъ сосѣдъ, человѣкъ нерасчетливый и страшный игрокъ. Имѣніе его, состоявшее изъ 300 душъ, было богато хорошею землею, и часто привлекало на себя взоры Евлампія Савельевича. «Кабы продалъ, я бы купилъ», говаривалъ Голоноговъ. Но имѣніе не продавалось. И вдругъ читаетъ онъ въ газетахъ, что имѣніе продается съ публичнаго торгу; торгъ назначается 10-го Генваря, а теперь еще только 20-е Декабря. Какъ не поѣхать въ Петербургъ торговаться на имѣніе, предметъ желаній и помышленій!

«Не взнесъ! не взнесъ!» кричалъ Евлампій Савелевичь.

— Да кто не взнесъ?—спрашивала Авдотья Елисѣевна.

«Коробкиновъ! Коробкиновъ!»

— Да что не взнесъ? —

«Извѣстно, деньги въ Опекунскій.»

— А тебѣ-то, батюшка, какая отъ того радость, что человѣкъ въ петлю лѣзетъ?—

«Мнѣ, мнѣ... да какъ ты можешь только спрашивать? Куплю, куплю.»

— Что? Опекунской купишь? —

«Фу, прости Господи! дура какая; говорятъ вамъ, что деревню Коробкинова продаютъ съ аукціона, и что я ѣду покупать ее, вотъ и все.»

— Прежде, нежели въ дуры жаловать—отвѣчала обиженнымъ тономъ Авдотья Елисѣевна — лучше бы растолковали, вотъ какъ теперь, а-то ревете, какъ звѣрь какой, «Опекунской! не взнесъ! куплю!» А я почемъ знаю, что покупать сбираетесь?—

«Когда же вы не понимаете. я что ли виноватъ?»

— Такъ вы говорите такъ, чтобы понимать можно было. —

«Да что съ бабами толковать! Прошу васъ приказать изготовить, что нужно, къ отъѣзду. Черезъ недѣлю мы поѣдемъ.»

— Какъ, всѣ? —

«Ну тамъ, кого сами знаете, возьмете; два возка и кибитку большую приготовьте; сколько сядетъ, столько и поѣдетъ.»

Авдотья Елисѣевна, видя, что дѣло идетъ не на шутку, не смѣла возражать Евлампію Савельевичу, и молча вышла изъ кабинета съ своею свитою. Цѣлый томъ понадобился бы для описанія тѣхъ хлопотъ, которыя происходили въ домѣ Голоноговыхъ въ теченіе недѣли, назначенной Евлампіемъ Савельевичемъ для приготовленій къ дорогѣ. Вычинили и вычистили возки и кибитку; нашили платья господамъ и слугамъ; а кто между дѣтьми повыросъ изъ брюкъ, не выносивъ ихъ, того одежда поступала на меньшаго; всѣ локти и колѣни осмотрѣны; имѣвшіяся на нихъ дыры покрыты заплатками; любопытные пальцы на ногахъ, выглядывавшіе изъ сапогъ, лише-

ны дневнаго свѣта; дочерямъ, для-ради тепла, нашиты шапки съ мѣховыми опушками, и прочее нужное на дорогу; словомъ, хлопотамъ не было конца. Споры о томъ, кому ѣхать, были не хуже споровъ въ Парижской камерѣ депутатовъ, и наконецъ рѣшено, что въ каждомъ возкѣ можно помѣстить, по шести особъ, и того сядетъ туда 12 человѣкъ, т. е. Евлампій Савельевичь съ супругою и десять дѣтей; остальнымъ же четверымъ и сестрицамъ Евламнія Савельевича положено оставаться дома, за неимѣніемъ мѣста. Кибитка назначена для поклажи и для людей. Все готово. Завтра ѣдутъ. Зачѣмъ утомлять читателя дорожной скукой, извѣстной всякому православному человѣку, выѣзжавшему когда-нибудь хоть на 50 верстъ отъ своего жилья? Прибавивъ къ такой обыкновенной скукѣ суету и хлопоты, неразлучные съ каждымъ движеніемъ многочисленнаго семейства, легко понять то, что пришлось потерпѣть семейству Голоноговыхъ въ ихъ путешествіи.

Вечеромъ, въ Крещенье, ввалились въ Петербургъ два старомодные возка, похожіе конструкціей на бывшіе театральные, въ сопровожденіи загроможденной кибитки. Счастье необыкновенно покровительствовало семейству Голоноговыхъ. Въ какомъ-то трактирѣ нашлось три комнаты, которыми и воспользовались пріѣзжіе.

На слѣдующее утро, Голоноговъ (отецъ) отправился посѣщать своихъ знакомыхъ. Это были частію люди, которые служили вмѣстѣ съ нимъ юнкерами; частію же такіе, которые, по случаю сломавшихся дорогой экипажей, принуждены были заѣхать къ нему въ деревню. Адресы двоихъ были ему извѣстны. Одинъ (изъ числа служившихъ съ Евлампіемъ Савельевичемъ во время оно) былъ генералъ С***. Адресъ его узналъ Голоноговъ въ трактирѣ, потому-что С***, сдѣлавшись человѣкомъ извѣстнымъ, принадлежалъ къ числу знатныхъ, коихъ мѣсто жительства извѣстно всѣмъ. Другой былъ статскій совѣтникъ В*** (изъ числа ломавшихъ экипажи). Адресъ его былъ извѣстенъ Голоногову изъ его собственной записной книжки, куда онъ былъ записанъ со словъ самаго г. статскаго совѣтника, въ то время, какъ чинили его экипажъ, что было съ небольшимъ годъ тому назадъ.

Вотъ Евлампій Савельевичъ у дверей дома генерала С***. Деньщикъ доложилъ объ немъ его превосходительству. Голоногова просили войти. Стоя въ красиво-меблированной пріемной, Евлампій Савельевичъ припоминалъ всѣ обстоятельства ихъ прежняго знакомства. «Напомню я ему наши шашни, думалъ Голоноговъ. Славной былъ малой этотъ Гриша; пьетъ-себѣ, бывало, да посмѣивается, буянитъ такъ, «что охти-мнѣ.»

Мечтанія Евлампія Савельевича были прерваны появленіемъ генерала, который, въ мундирѣ, съ двумя звѣздами на груди, вошелъ въ комнату и вѣжливо, но сухо поклонился Голоногову, съ вопросомъ: «что вамъ угодно?»

Голоноговъ, какъ ни былъ пораженъ появленіемъ генерала, однако воспоминанія юности взяли верхъ надъ удивленіемъ—и этотъ сынъ природы, съ распростертыми руками, ожидающими принять въ свои объятія грудь, украшенную звѣздами, воскликнулъ:

«Григорій Степановичь! не узналъ ты, я-чай, стараго сослуживца?»

Генералъ вѣжливо отвѣчалъ ему, что не имѣетъ чести его знать.

«Эхъ, братъ Гриша! память у тебя коротка; помнишь ли, какъ мы съ полкомъ стояли въ Г***? И ты, и я, мы оба были юнкерами; помнишь ли, какъ командиръ распекалъ насъ за то, что мы опоздали на ученье; а мы, прости Господи, въ картишки засидѣлись, ха! ха! ха! Что, вспомнилъ? ха! ха! ха!»

— То, что вы изволите говорить мнѣ, можетъ быть справедливо; но признаюсь вамъ, я не помню

ничего; да и не диво, вотъ уже сорокъ лѣтъ, что я произведенъ въ офицеры. —

«Знаю, знаю», возразилъ Голоноговъ, «да что до этаго! друзей помнятъ и черезъ 60 лѣтъ. Я не забылъ тебя, Григорій Степановичъ, и только лишь пріѣхалъ, поспѣшилъ навѣстить тебя.»

— Весьма благодарю за честь — отвѣчалъ генералъ—но признаюсь вамъ, что мнѣ не-когда, я долженъ сейчасъ ѣхать со двора. —

«Что за церемоніи между друзьями! съ Богомъ, Гриша! я и въ другой разъ зайду.»

Съ этими словами Голоноговъ вышелъ, а за нимъ и генералъ. Когда Голоноговъ сходилъ съ лѣстницы, то ему слышались слова, произносимыя генераломъ: «не принимать никогда». Но Евлампій Савельевичъ, въ простотѣ души, не принялъ этаго на свой счетъ, а полагалъ, что распоряженіе касается кого-либо другаго.

У статскаго совѣтника В***, куда отправился затѣмъ Евлампій Савельевичъ, былъ онъ принятъ почти такъ же, т. е. вѣжливо, но сухо, не смотря на всѣ увѣренія въ дружбѣ и преданности съ его стороны.

«Странно, какъ люди говорятъ совсѣмъ иначе здѣсь въ Питерѣ» говорилъ онъ женѣ, пришедъ домой, «не то, что у насъ въ деревнѣ; ни одинъ даже и сѣсть не попросилъ. Ну—Гриша, другое дѣло, онъ со мной безъ чиновъ обходится; а В*** могъ бы пригласить меня откушать.»

— Хорошо, Евлампій Савельевичь — отвѣчала жена — ты-себѣ ходи, куда надобно, а мнѣ пора дочерей принарядить по-здѣшнему; вели нанять возокъ, да дай денегъ; поѣду въ магазей. —

«Постой, матушка, у меня записано, гдѣ покупать», отвѣчалъ Евлампій Савельевичь, вынимая свою записную книжку. «Куда тебѣ? въ магазей? платья? шляпы? Вотъ, постой! Викторъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Морскихъ.»

— Хорошо, скажи холопу. —

«Постой, постой! это мужской портной! Вотъ, постой!.. мусью Эліо! Охъ нѣтъ, это парихмахеръ. Вотъ... тьфу пропасть, все мужчины въ глаза лѣзутъ. Вотъ... нѣтъ не то. Видно, матушка, у меня женскихъ портныхъ нѣтъ на листу. Ну, да заѣдешь, гдѣ увидишь, что платья вывѣшены, остановись. А вотъ тебѣ и деньги.»

Возокъ привезенъ. Авдотья Елисѣевна, съ четырьмя дочерьми, отправилась разъѣзжать по городу, сказавъ извощику:

«Ступай на Невской проспектъ!»

Вотъ они на Невскомъ. Авдотья Елисѣевна не спускаетъ глазъ съ окна возка. Вотъ въ какомъ-то домѣ, въ нижнемъ этажѣ, развѣшены разноцвѣтныя платья.

«Стой! стой!» кричитъ Авдотья Елисѣевна, «стой, разбойникъ!»

Возокъ остановился. Матушка съ четырьмя дочками вошла въ магазинъ.

«Маменька! какія славныя платья!» кричатъ во весь голосъ всѣ четыре дочери; «купите, купите намъ.»

Маменька вступаетъ въ разговоръ съ купцомъ.

«Что, батюшка, приберешь ли на моихъ дочерей хорошія платья?»

— Какія вамъ угодно?—спрашиваетъ купецъ.

«Да какія носятъ, такихъ и дай.»

— Это по вкусу, сударыня, кому что нравится. Вамъ въ дворянское собраніе ѣхать?

«Да куда бы ни было, и туда и сюда.»

— Извольте сами выбирать. Вотъ Испанское; вотъ домино простое; вотъ костюмъ паяцпа! —

«Что ты, что ты, съ ума сошелъ что-ли? моихъ дочерей паярцами одѣвать!»

— Что жъ, сударыня, для маскарада покойное платье, не жметъ и не жарко.—

«Какой тебѣ маскарадъ! говорятъ тебѣ, что мнѣ нужно одѣть дѣвокъ по-здѣшнему.»

— Это не у насъ, сударыня, мы держимъ маскарадныя платья, а вотъ не угодно ли къ Соловьевой пожаловать, недалеко отсюда, возлѣ Англійскаго магазина. —

«Раскажи-ка, любезный, извощику; мы не здѣшніе», отвѣчаетъ Авдотья Елисѣевна, и съ своей командой отправляется къ Соловьевой.

Магазинъ Соловьевой былъ набитъ биткомъ разными дамами. Авдотья Елисѣевна, войдя въ него, гро-

могласно требуетъ мастерицу. Всѣ взоры обращаются на нее. Она говоритъ громче и спрашиваетъ:

«Да гдѣ же мастерица? мнѣ не-когда ждать.»

Къ ней подходитъ магазинная дѣвушка и говоритъ:

— Что вамъ угодно? —

«Да вотъ, дочерямъ платья нужны.»

— Къ спѣху ли вамъ? —

«Конечно къ спѣху; мы изъ деревни на короткое время пріѣхали.»

— Мы скоро сдѣлать не можемъ, работы много; черезъ двѣ недѣли, если угодно пожаловать. —

«Черезъ двѣ недѣли? черезъ двѣ недѣли?» кричитъ Авдотья Елисѣевна, «да насъ, Богъ дастъ, и здѣсь не будетъ черезъ двѣ недѣли.»

— Какъ угодно-съ—отвѣчаетъ дѣвушка, и отходитъ къ другимъ посѣтительницамъ.

«Послушай, мастерица!» спрашиваетъ Авдотья Елисѣевна, «а что у васъ платье стоитъ?»

— Съ прикладомъ, или безъ прикладу? —

«Какой тамъ прикладъ! что я знаю? платье, просто, шелковое платье.»

— За шитье-съ двадцать рублей, а матерію, какую угодно. —

«Какъ? за одно шитье двадцать рублей?»

— Да-съ, съ подкладкой и съ кантиками. —

«Придется къ другой ѣхать» говоритъ Авдотья Елисѣевна, «съ этой не сладишь; двадцать рублей! легкое ли дѣло!»

И съ этимъ словомъ Авдотья Елисѣевна ушла съ своими дочерьми изъ магазина.

Однако на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей. Послѣ безплоднаго двухъ-часоваго плаванія въ возкѣ по сыпучимъ Петербургскимъ снѣгамъ, Авдотья Елисѣевна нашла наконецъ какую-то великодушную магазинщицу, которая, не смотря на множество работы, рѣшилась взяться сдѣлать четыре платья, съ обѣщаніемъ изготовить ихъ черезъ пять дней, съ платою по 15 р. за работу. И вотъ, *мастерица* принимается снимать мѣрку съ одной изъ дѣвицъ.

«Сударыня», говоритъ она, обращаясь къ Авдотьѣ Елисѣевнѣ, «вашимъ барышнямъ надобно корсеты сдѣлать: такъ ни одно платье порядочно сидѣть не будетъ.»

— Что ты матушка, съ ума спятила — возражаетъ Авдотья Елисѣевна—къ чему дочерямъ моимъ корсеты! съ-роду не пашивали, да и я безъ нихъ вѣкъ жила.—

«Право, не хорошо будетъ, сударыня», отвѣчаетъ магазинщица, «все ужъ виду того нельзя дать. Позвольте, у меня есть готовые корсеты, позвольте примѣрить; сами изволите увидѣть, какая разница.»

И магазинщица, не ожидая отвѣта Авдотьи Елисѣевны, начала шарить въ ящикахъ комода, и вынула оттуда съ полдюжины разныхъ корсетовъ. Забравъ ихъ подъ руку, она пригласила посѣтительницъ пожаловать въ другую комнату. Машинально повинуясь ей, послѣдовали за нею наши дамы.

Тамъ... но не стать же мнѣ въ самомъ дѣлѣ расказывать вамъ, какъ магазинщица раздѣла одну изъ дѣвицъ Голоноговыхъ и напяливала на нее свое орудіе пытки; скажу только, что можно было слышать, стоя у двери.

Ай! — раздался голосъ дѣвицы.

«Пусти, пусти!» вскрикнула Авдотья Елисѣевна, «задавишь ребенка.»

— Ничего, сударыня; помилуйте, такъ ли стягиваются у насъ! иногда шнуруютъ такъ, что снурки лопаются. Не больно вѣдь вамъ, барышня? —

— Нѣтъ, теперь ничего; ай, ай, больно!—

«Брось, брось свой проклятый хомутъ» раздался голосъ Авдотьи Елисѣевны.

— Ничего, сударыня. —

«Тебѣ ничего, какъ дитя не твое; а у меня такъ сердце надрывается, глядя, что рожденіе мое затягиваютъ, какъ лошадь какую; брось, брось! снимай долой! и знать не хочу вашихъ проклятыхъ корсетовъ; въ гробъ гоните людей, да и только.»

— Какъ вамъ угодно. —

«То-то же, изъ чего тутъ бѣсноваться? какъ Богъ создалъ, такъ и ходи, чего мудрить! Снимайка лучше мѣрки, да смотри, не обузь въ животѣ да въ груди, да чтобъ подъ мышкой не жало.»

— Очень хорошо-съ. А матерія какая у васъ?—

«Да какую носятъ, изъ такой и сшей.»

— У меня нѣтъ матерій, потрудитесь сами купить. —

«А гдѣ мнѣ покупать ее! я и не знаю, гдѣ продаютъ.»

— Въ гостиномъ дворѣ, вотъ тутъ не далеко, у Масленикова или у Погребова. —

«Я, матушка, не только твоего Погребова, да и гостинаго-то двора не знаю. Да чего же купить?»

— Если угодно, гро-де-наплю, или пу-де-суа, или гро-дафрикъ, или сатень-шине. —

«Постой, постой, мать моя, ничего не разумѣю. Скажи ты мнѣ, сколько аршинъ шелковой матеріи нужно, и почемъ аршинъ?»

— На каждое платье нужно-съ пу-де-суа 20 аршинъ, а на всѣ четыре 80 аршинъ; получить можете по 5 рублей 50 коп., всего будетъ четыреста, да восемьдесятъ полтинъ — сорокъ, четыреста сорокъ рублей. —

«Четыреста сорокъ рублей? слыханное ли дѣло! *четыреста сорокъ рублей!* Нѣтъ, мать моя, мы не милліонщики, выдумай что-нибудь подешевле.»

— Возьмите букъ-муслину бѣлаго; оно и нарядно и дешево, а на чехлы подъ-низъ лощенаго коленкору. Такъ вамъ четыре платья, съ шитьемъ, обойдутся рублей въ 250 съ небольшимъ. —

Это показалось Авдотьѣ Елисѣевнѣ получше, и она рѣшилась. Извощику растолковали, куда ѣхать, и дѣло было слажено: букъ-муслинъ и коленкоръ куплены, платья заказаны.

Совершивъ такой важный, достохвальный подвигъ, Авдотья Елисѣевна отправилась домой, гдѣ и застала своего супруга, сидѣвшаго въ углу комнаты съ повисшею нижнею губою. Разстроенный видъ мужа остановилъ потокъ расказовъ, готовыхъ хлынуть изъ устъ Авдотьи Елисѣевны о ея странствованіяхъ и приключеніяхъ.

«Что съ тобой, Евлаша?» заботливо спросила она мужа.

— Ошибся, чортъ побери! — ворчалъ сквозь зубы Евлампій Савельевичь, не поднимая глазъ съ пола.

«Да и мы ошиблись, душа моя», возразила жена, «вмѣсто швеи заѣхали-было къ скомороху съ шутовскими нарядами. Окаянный, хотѣлъ дочерей паярцами нарядить.»

Евлампій Савельевичь не обращалъ вниманія на слова Авдотьи Елисѣевны. Послѣдняя, замѣтивъ это, подошла къ нему и, ласково взявъ его за голову, спросила:

«Что жъ съ тобой случилось въ этомъ несносномъ Питерѣ?»

— Говорятъ тебѣ, что ошибся. —

«Да въ чемъ же, свѣтъ ты мой?»

— Не то начиталъ. —

«Да раскажи, голубчикъ; я, знаешь, проста, не понимаю.»

Евлампію Савельевичу, кажется, не хотѣлось открывать тайну свою; однако, помолчавъ нѣсколько и видя, что жена не отстаетъ отъ него, онъ вынужденъ былъ произнести скоро и отрывисто слѣдующія слова:

— Даромъ пріѣхали. Будетъ продаваться имѣніе Коробкинова, да не того, что я думалъ, не нашего сосѣда, а другаго какаго-то, чортъ его вѣдаетъ, въ другой губерніи. Чтобъ имъ пропадать всѣмъ Коробкиновымъ, вишь сколько ихъ народилось! —

«Это еще не такая бѣда, чтобъ горевать», возразила жена, желая успокоить мужа.

— Не такая бѣда! не такая бѣда! — говорилъ Голоноговъ, передразнивая жену — ты и рада, что мужъ сдурилъ; рада, что не ты одна вздоръ дѣлаешь, что и мнѣ довелось сплоховать. Стыдно, матушка, грѣшно, тяжкій грѣхъ надъ мужемъ глумиться. Вели-ка укладывать; завтра уѣдемъ. —

«Что ты, батюшка! ужъ и уѣзжать, только что пріѣхали; а съ платьями что дѣлать стану? вѣдь четверымъ заказаны.»

— Ну ихъ къ чорту! что хочешь, то и дѣлай. —

Авдотья Елисѣевна, какъ умная и опытная дама, не противорѣчила мужу. Она знала, что если замолчитъ теперь, то пріобрѣтетъ чрезъ это право говорить тѣмъ болѣе въ-послѣдствіи. «Небось, не уѣдешь», сказала она себѣ, и сдѣлала видъ, какъ будто начинаетъ укладывать въ сундуки.

Черезъ нѣсколько минутъ Авдотья Елисѣевна начала маневрировать. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что Авдотья Елисѣевна показала при этомъ случаѣ чрезвычайно много ловкости, которая сдѣлала бы честь самому тонкому дипломату. Вы думаете, что она стала просить мужа отсрочить отъѣздъ изъ Петербурга?—Ни мало; ей и въ голову не приходилъ такой вздоръ: напротивъ того, она торопила слугъ, прикрикивала на дочерей, суетилась, укладывала, выкладывала, и поговаривала:

«Часа черезъ два все будетъ готово; пошли-ка за лошадьми, Евлампій Савельевичь! На четыре платья даромъ бросила 200 рублей; хоть и жалко, да Богъ съ ними. Посылай-ка за лошадьми, Евлаша! Дѣти на Питеръ не взглянули, да тѣмъ и лучше: что ихъ баловать! теперь, Богъ дастъ, никогда не сберемся; въ деревнѣ-то лучше сидѣть. Посылай-ка за лошадьми!..»

И много такаго еще наговорила Авдотья Елисѣевна, прибавляя вездѣ: «посылай-ка за лошадьми!» Евлампій Савельевичь долго слушалъ ее; слушалъ, да наконецъ какъ вскочитъ съ кресла, да и крикнулъ:

— Такъ нѣтъ же, не бывать по-твоему! Развязывай узлы! Не поѣду; поживу здѣсь еще, сколько душѣ моей угодно. —

Авдотья Елисѣевна начала-было возражать; но мужъ разсердился не на-шутку, и объявилъ, что онъ и слушать не хочетъ объ отъѣздѣ. Кончено; остаются.

На другой день Евлампій Савельевичь отправился съ визитомъ къ генералу С***. Деньщикъ сказалъ ему, что его превосходительства дома нѣтъ. Пошелъ онъ оттуда къ статскому совѣтнику В***—и того дома нѣтъ; уѣхалъ къ должности. Идучи домой, Евлампій Савельевичь зашелъ въ кондитерскую До́миника. Видя, какъ другіе ѣдятъ, онъ почувствовалъ аппетитъ, и спросилъ, что стоитъ кусокъ говядины съ капустой? Ему объявили, что говядины съ капустой нѣтъ, а если угодно—бифстекъ съ картофелемъ. Узнавъ, что за птица бифстекъ и сколько за него платить, Евлампій Савельевичь рѣшился разориться на цѣлый рубль и велѣлъ подать себѣ порцію. Во время завтрака онъ прилежно слушалъ разговоры присутствовавшихъ. Два офицера и одинъ чиновникъ толковали о театрѣ. Рѣчь шла о Тальони. Это имя было знакомо Евлампію Савельевичу изъ Академическихъ Вѣдомостей.

«Тальони танцуетъ сегодня въ Сильфидѣ», говорилъ одинъ изъ офицеровъ; «она восхитительна въ этомъ балетѣ!»

— Что Сильфида въ сравненіи съ Робертомъ? — возразилъ чиновникъ — въ Робертѣ она хоть и мало

танцуетъ, но зато танецъ-то каковъ? Онъ соблазнилъ бы не только Роберта, но и всякаго. —

«Не согласенъ», отвѣчалъ другой офицеръ. «Тальони не создана для роли въ Робертѣ: она слишкомъ худощава, эѳирна; а въ роли Елены нужны пышныя плечи, роскошная грудь, словомъ, нужно тѣло.»

— По-твоему надобно пустить на сцену кого-нибудь потолще, что бы не летала, *какъ пухъ отъ устъ Эола*, а ворочалась бы какъ пуховикъ. —

Евлампій Савельевичь слушалъ со вниманіемъ. Въ его головѣ родилась идея. Выждавъ благопріятную минуту, онъ спросилъ одного изъ разговаривавшихъ:

«А смѣю спросить, гдѣ будетъ танцовать г-жа Тальони?»

— На Большомъ театрѣ—былъ короткій отвѣтъ.

Евлампій Савельевичь, отслушавъ, всталъ, расплатился и вышелъ вонъ. Лишь только очутился онъ на улицѣ, то взялъ извощика, порядивъ его за гривенникъ въ Большой театръ.

Не станемъ слѣдовать за Евлампіемъ Савельевичемъ въ кассу Большаго театра, хотя бы и довольно было любопытно послушать разговоръ его съ касси-

ромъ; но это повлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ только, что, спустя часъ послѣ завтрака у Доминика, Евлампій Савельевичь остановился у подъѣзда трактира, гдѣ жилъ, и, выходя изъ саней, говорилъ про-себя:

«Супризъ! супризъ! супризъ Дунюшѣ и дѣткамъ.»

Этотъ супризъ заключался въ билетѣ на ложу втораго яруса.

Жена и дочери были въ восхищеніи.

«Оно бы можно и подешевле мѣста нанять», говорилъ Евлампій Савельевичь, «да слышь, больно высоко, и говорилъ мнѣ тотъ, что деньги сбираетъ, что выше этаго знатное дворянство не ѣздитъ.»

Насталъ вечеръ. Принарядившись кое-какъ въ домашнія платья, Авдотья Елисѣевна съ шестью дочерьми и двумя сыновьями отправилась въ театръ, оставя остальныхъ на попеченіе няньки. Два возка, набитые биткомъ, пріѣхали. Вошли въ театральныя сѣни.

«Гдѣ пройти во второй ярусъ?» спрашиваетъ Евлампій Савельевичь стоящаго у дверей солдата.

— Вотъ налѣво, по лѣстницѣ, пожалуйте въ верхъ. —

Потянулась наша компанія по лѣстницѣ. Идутъ, идутъ; наконецъ остановились.

«Не здѣсь ли полно?» говоритъ Евлампій Савельевичь. «Дай-ка спрошу.»

На спросъ его капельдинеръ говоритъ ему, что это бель-этажъ, и что надобно подыматься еще выше. Пошли опять. Идутъ, идутъ — конца нѣть лѣстницѣ.

— Уфъ! уфъ! — говоритъ Авдотья Елисѣевна — мочи нѣтъ устала; погоди немножко, Евлампій Савельевичь, дай вздохнуть, право мочи нѣтъ. —

«Вотъ скоро, скоро», говоритъ Евлампій Савельсвичь, «теперь не далеко.»

Съ трудомъ добравшись до верху, спрашиваютъ капельдинера. Тотъ говоритъ, что это третій ярусъ, второй-де пониже. Какъ услышала это Авдотья Елисѣевна, то и пошла бранить мужа; ужъ она честила его, честила, такъ-что люди останавливались съ удивленіемъ. Успокоивъ супругу свою, Евлампій Савельевичь благополучно провелъ ихъ наконецъ во второй ярусъ.

Капельдинеръ отворилъ ложу № 18. Авдотья Елисѣевна и дочери ея, а равно и Евлампій Савельевичь сняли шубы и салопы и навьючили ихъ на двухъ лакеевъ, одѣтыхъ въ тѣ фризовыя шинели, которыя

съ нѣкотораго времени совершенно исчезли въ Петербургѣ, и являются въ столичномъ градѣ, въ видѣ изъятій, на подобіе феноменовъ (геніевъ или кометъ).

Авдотья Елисѣевна, войдя въ ложу, остановилась; ворочалась туда, сюда; глядѣла внизъ и вверхъ, и не подвигалась ни на шагъ впередъ. Дочери тѣснили ее сзади; толкали, толкали, но все напрасно: Авдотья Елисѣевна стояла какъ вкопанная въ дверяхъ ложи. Евлампій Савельевичь, не понимая, что значитъ такая задержка, началъ острить. «Проходите же сквозь *дефилею*», говорилъ онъ, «намъ съ тылу дуетъ сѣверный вѣтеръ.»

Въ эту минуту Авдотья Елисѣевна обернулась. На лицѣ ея выражались гнѣвъ, оскорбленное самолюбіе и нѣчто въ родѣ отчаянія.

«Чтожъ вы, Авдотья Елисѣевна?» спрашивалъ Евлампій Савельевичь, «подвигайтесь, матушка; ужъ музыка играетъ.»

— Нѣтъ, батюшка —отвѣчала Авдотья Елисѣевна—не допущу себя до такаго срама; избави Боже!—

«Чтожъ тамъ такое, Авдотья Елисѣевна? скажите на милость, что тамъ?»

— Подите сами, посмотрите — обиженнымъ тономъ отвѣчала Авдотья Елисѣевна — посмотрите-ка, согласитесь ли вы, чтобы ваша жена и ваши дочери осрамились такъ передъ публикою? —

Евлампій Савельевичь взглянулъ въ ложу и... и не увидѣлъ ровно ничего: ложа была пуста, кресла въ переднемъ ряду стояли уныло и задняя лавка была также пуста.

«Чтожъ, Авдотья Елисѣевна?» спросилъ Евлампій Савельевичь; «я ничего постыднаго не вижу ни для васъ, ни для дочерей на...»

— Такъ сунься же носомъ, батюшка!—гнѣвно сказала Авдотья Елисѣевна — да посмотри, какъ тутъ перейти? ноги такъ не подымешь.—

«Отъ чего же бы такъ?» спросилъ Евлампій Савельевичь.

— Отъ чего? отъ того, что черезъ проклятую лавку самъ чортъ не перешагнетъ. —

«Ваша правда, Авдотья Елисѣевна, оно немножко неловко; но коли такъ ужъ всѣ именитые дворяне здѣсь дѣлаютъ, чтожъ намъ дѣлать? перелѣзай-ка, матушка!»

— Помилуй, Евлампій Савельевичь! что ты это вздумалъ? Хоть убей, не допущу себя до такаго стыда. Чортъ съ нимъ и съ театромъ проклятымъ вашимъ! —

Не знаю, долго ли бы продолжались споры и ссоры у входа въ ложу, еслибъ капельдинеръ, видя замѣшательство огромнаго семейства Голоноговыхъ, не пришелъ къ нимъ на помощь и не вывелъ бы ихъ изъ бѣды, поднявъ часть лавки для пропуска Авдотьи Елисѣевны и ея дочерей.

Кое-какъ усѣлись; хоть и тѣсно, да хорошо. Занавѣсь взвилась. Знакамъ удивленія не было конца; каждый прыжекъ Тальони вызывалъ изъ устъ Голоноговыхъ восклицанія. Ахи и охи раздавались ежеминутно.

«Подлинно, что на-диво скачетъ», замѣтилъ Евлампій Савельевичь; «на одной ногѣ стоитъ, а другою поводитъ, какъ будто палочкой; словно костей въ бабѣ нѣтъ—вишь какъ гнется!»

— На-удивленіе, истинно на-удивленіе, такую танцорку поглядѣть — говоритъ Авдотья Елисѣевна. —Какъ птица какая по воздуху летаетъ. Одно жаль, больно высоко ногой вертитъ, да и платье черезъчуръ коротко; непристойно до крайности. —

«Ахтёры ужъ такіе есть безстыдники», замѣтилъ Евлампій Савельевичъ, «пожалуй-себѣ хоть что...»

— Что ты? что ты?—шепнула ему Авдотья Елисѣевна на ухо—полно при дѣтяхъ-то вздоръ городить.—

Между-тѣмъ въ театрѣ хлопали на-пропалую. Евлампій Савельевичъ, глядя на другихъ, также расхлопался.

— Полно въ самомъ дѣлѣ; уши проколотилъ— говоритъ Авдотья Елисѣевна.

«Зачѣмъ же отъ другихъ отставать?» отвѣчаетъ Евлампій Савельевичъ; «вѣдь я не хуже другихъ деньги заплатилъ за мѣсто.» И восторженный супругъ колотилъ, что есть мочи, не внимая ни жалобамъ, ни вздохамъ своей дражайшей половины. Невозможно выразить того изумленія, которое овладѣло семействомъ Голоноговыхъ, когда Сильфида-Тальони, стоя одной ногой на самопрялкѣ, принимала разныя граціозныя позы, или качалась на цвѣткѣ. Семикратное вызываніе г. Тальони послѣ перваго акта также не мало изумило семью Голоноговыхъ.

Авдотья Елисѣевна въ концѣ спектакля мучилась невыразимо: ей было жарко; потъ градомъ катился съ ея чела, и она едва успѣвала утирать его платкомъ, уже измокшимъ.

«Право, словно на полкѣ въ банѣ», говорила она, «хоть холодной водой обкачивайся.»

При разъѣздѣ случилась маленькая исторія. Долго ждали Голоноговы своихъ возковъ; наконецъ одинъ изъ нихъ подали. Вотъ они вышли на крыльцо, часть компаніи усѣлась.

«А другой гдѣ возокъ?» спрашиваетъ Евлампій Савельевичь лакея, запирающаго дверцы.

— Еще не подъѣхалъ, сударь. —

«Ну такъ подождемъ его», возразилъ Евлампій Савельевичь.

— Пошелъ!—кричитъ жандармъ.

«Графа Ѳлысова карета готова», оретъ другой жандармъ.

— Отъѣзжай отъ подъѣзда! —

«Помилуй, служивой!» говоритъ Евлампій Савельевичь, «какъ ты это гонишь? Возьми въ разсужденіе, что мы другаго возка ждемъ.»

Но служивой не слушаетъ Голопогова и кричитъ:

— Пошелъ! Что ты у подъѣзда остановился?

Извощикъ дернулъ возжами; лошади тронулись-было съ мѣста; но Евлампій Савельевичь отчаяннымъ голосомъ закричалъ: «стой!» Подскочилъ самъ къ возку, разкрылъ дверцы и пригласилъ жену и дочерей выйти, потому-де, что другаго возка еще не отыскали, а врознь ѣхать не приходится. Среди криковъ кучеровъ, форрейтеровъ, лакеевъ и жандармовъ, Авдотья Елисѣевна съ дочерьми выбралась изъ возка и поплелась въ театральныя сѣни. Возокъ ихъ между-тѣмъ угнали. Такимъ образомъ Голопоговы оставались въ сѣняхъ до тѣхъ поръ, пока рѣшительно всѣ разъѣхались, и приступлено уже было къ гашенію фонарей. Тогда возки ихъ подъѣхали, и они отправились домой. Дорогой въ обоихъ возкахъ то и рѣчи было, что о театрѣ. Слышалъ я даже, что Евлампій Савельевичь видѣлъ во снѣ прекрасныхъ танцовщицъ, ликующихъ вокругъ него съ ихъ соблазнительными плечами, грудью, ножками... Доведя, спроста, объ этомъ снѣ до свѣдѣнія Авдотьи Елисѣевны, Евлампій Савельевичь получилъ отъ нея строжайшій выговоръ за сновидѣнія, могущія потрясти супружескую вѣрность.

Изумляясь всему, что попадалось на глаза въ столицѣ, дожили наши провинціалы до бала въ дворянскомъ собраніи. Добыто достаточное число билетовъ для входа. Завтра балъ. Наканунѣ принесены платья. Примѣривали, примѣривали ихъ; оглядывали со всѣхъ сторонъ. Авдотья Елисѣевна осталась ими крайне недовольна.

«Въ подолѣ широко ужасно», говорила она, «на троихъ бы такой юбки стало; а въ талеѣ такъ узко, что смерть; того и гляди, лопнетъ, до грѣха недалеко; страму наживешь какъ разъ, пересудовъ не оберешься.»

Однако магазинная дѣвушка, принесшая платья, уговорила Авдотью Елисѣевну, и та кое-какъ успокоилась. Евлампій Савельевичъ купилъ себѣ готовый фракъ на Невскомъ проспектѣ; а Авдотья Елисѣевна купила чепчикъ съ лиловыми лентами, подъ цвѣтъ къ гродетуровому капоту, хранившемуся лѣтъ двадцать въ ея сундукахъ. Вынута Турецкая шаль. Евлампій Савельевичъ подвязалъ бѣлую косынку на шею и, посмотрѣвъ въ зеркало, остался совершенно доволенъ своей особой.

И такъ, вечеромъ, въ день бала, Евлампій Савельевичъ съ супругою и съ четырьмя дочерьми усѣлся въ наемный четырехмѣстный возокъ, и отпра-

вился въ дворянское собраніе, помѣщавшееся тогда въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, у Казанскаго мосту. Домъ горѣлъ огнями снаружи и внутри; у подъѣзда мерзли жандармы, но экипажей не было еще видно. Авдотья Елисѣевна, всходя по лѣстницѣ, мечтала о томъ великолѣпномъ эфектѣ, который произведутъ ея дочери; въ особенности считала она на одну изъ своихъ дѣвицъ, о которой мы упомянули съ похвалою въ общемъ перечнѣ семейства Голоноговыхъ.

Шесть человѣкъ, входящихъ разомъ въ залу, всегда обращаютъ на себя вниманіе, и это обстоятельство могло бы послужить съ пользою Авдотьѣ Елисѣевнѣ, еслибъ въ залахъ былъ хоть одинъ человѣкъ, на котораго появленіе такой большой компаніи могло произвести какое-либо впечатлѣніе. Но, къ несчастію, залы были пусты, если не считать лакеевъ, поправлявшихъ, въ зеркалахъ, свои отчаянные хохлы. Голоноговы пріѣхали первые.

«Ужъ не отказанъ ли балъ-отъ?» спрашивала сама у себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Авдотья Елисѣевна. «Что-то народу не видать.»

— Помилуйте, матушка! — возразилъ Евлампій Савельевичь, подслушавъ размышленія супруги своей — кабы отказали, такъ не стали бы и свѣчей зажигать. —

Въ большой залѣ былъ смертельный холодъ.

«Стыдно, право стыдно», замѣчала Авдотья Елисѣевна, укутываясь въ свою шаль, «даже и въ такой день, когда съѣздъ будетъ, поскупились лишнее полѣно дровъ бросить въ печь: здѣсь хоть волковъ морозить.»

Дѣвицы, въ своихъ букъ-муслиновыхъ платьяхъ, съ голыми шеями и руками, зябли ужасно. Онѣ тряслись и синѣли, а все говорили, что тепло. Евлампій Савельевичъ преспокойно дулъ въ кулаки и плясалъ на одной ножкѣ. Патріархальное семейство наше было въ такомъ жалкомъ положеніи около получаса. Въ это время Авдотья Елисѣевна перебранила весь міръ. Наконецъ, мало по малу начали являться въ залу посѣтители, и черезъ часъ, въ той самой комнатѣ, гдѣ Евлампій Савельевичъ, на просторѣ, попрыгивалъ отъ холода, едва можно было пройти, и Авдотья Елисѣевна, распахнувъ свою Турецкую шаль, принуждена была прибѣгнуть, также какъ и въ театрѣ, къ своему носовому платку, для утиранія поту на лицѣ. Начались танцы. Дѣвицы Голоноговы сидятъ на своихъ мѣстахъ.

По мѣрѣ того, какъ балъ продолжался, и дѣвицы Голоноговы, не смотря на ихъ новыя букъ-муслиновыя платья и молоденькія плечики, сидѣли, да сидѣли—Авдотья Елисѣевна сердилась, все болѣе и болѣе, на невѣжей-танцоровъ. Сравнивая былое съ настоя-

щимъ, она вполнѣ отдавала справедливость прошедшему и порицала настоящее.

Наряды дамъ также конфузили Авдотью Елисѣевну.

«Не срамятся, безстыдницы!» говорила она, «такъ спускать съ плечь платье, что смотрѣть тошно. Еще добро бы молоденькія, да хорошенькія, а то на иной кости да кожа, да и кожа-то черная, либо сморщеная, какъ старый грибъ, а тудаже лѣзетъ. Тьфу пропасть какая!»

— На-удивленіе, право, говорилъ Евлампій Савельевичь, глядя на танцующую молодежь—какъ они коверкаются, ломаются; совсѣмъ безъ граціи, а ноги по полу волочатъ; ни прыгнутъ, ни скокнутъ ни разу. То ли дѣло въ наше время? Ужъ подлинно тогда танцовали отлично. —

Но вотъ Евлампій Савельевичь завидѣлъ въ толпѣ генерала С***. Какъ не пойти, поговорить съ старымъ товарищемъ и пріятелемъ? Голоноговъ, со всею быстротою, какую позволяли ему употребить въ дѣйствіе обстоятельства, бросился въ слѣдъ за генераломъ С***. Не однаго мужчину толкнулъ локтемъ Евлампій Савельевичь; инымъ наступалъ даже на мозоли; не одной дамѣ помялъ онъ оборку на платьѣ, продираясь сквозь толпу къ эполетамъ Григорья Степановича. Но

фаросъ, къ которому стремился Евлампій Савельевичь, безпрестанно спутывалъ его стратегическія движенія. Генералъ С*** подвигался то въ одну, то въ другую сторону. Голоноговъ измучилъ и себя и другихъ своимъ толканьемъ. Вотъ онъ думаетъ поймать *Гришу*, не тутъ-то было; тотъ сдѣлаетъ шаговъ пять, шесть впередъ или въ сторону. Неутомимый Евлампій Савельевичь не унываетъ, слѣдитъ глазами за генераломъ, дѣлаетъ ему знаки, и вотъ, наконецъ, достигаетъ его. Генералъ взглянулъ на него. Голоноговъ дѣлалъ въ это время гримасы губами, давая тѣмъ знать Григорью Степановичу, что онъ къ нему идетъ. Генералъ улыбнулся, и форсированнымъ маршемъ ушелъ отъ преслѣдователя своего. Голоноговъ остановился, какъ бы пораженный громомъ. Онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Какъ смѣлъ *Гриша* такъ обойтись съ нимъ? Въ это время прошелъ мимо него статскій совѣтникъ В***, толкнулъ его нечаянно въ плечо и кивнулъ головою, въ видѣ извиненія. Евлампій Савельевичь сказалъ: «здравствуйте!» въ надеждѣ завязать разговоръ; но В*** сдѣлалъ, какъ будто не слышитъ привѣтствія, и пошелъ далѣе.

«Рѣшительно въ Питерѣ живутъ грубіяны», подумалъ Евлампій Савельевичь, и пошелъ къ своей женѣ и дѣтямъ. Но отыскать ихъ было не такъ легко. Евлампій Савельевичь бродилъ изъ угла въ уголъ по залѣ, смотрѣлъ во всѣ глаза, и не могъ признать

своего семейства въ пестрой толпѣ. Музыка гремѣла, пары кружились, а Евлампій Савельевичь все ходилъ да искалъ своихъ. Наконецъ спустя около получаса и болѣе онъ почувствовалъ, что его кто-то тянетъ за фалду фрака, и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкозвучный голосъ Авдотьи Елисѣевны поразилъ слухъ его:

«Гдѣ ты, батюшка, пропадалъ? Ужъ домой пора; вишь дѣти зѣвать начинаютъ.»

Евлампій Савельевичь, разобиженный генераломъ С*** и статскимъ совѣтникомъ В***, не противился желанію Авдотьи Елисѣевны. Онъ радъ былъ оставить пышный балъ, на которомъ, по его собственному выраженію, вполнѣ апробованному женой его, *кромѣ жары, давки и скуки, ровно ничего интереснаго нѣтъ.*

Когда провинціалы наши вышли на лѣстницу, тамъ уже было нѣсколько лицъ, собравшихся также домой. Какой-то мужчина, во фракѣ съ рукавами по локоть, съ воротникомъ на спинѣ и *въ кучерской прическѣ*, кричалъ: «Мордова человѣкъ! Мордова человѣкъ!» Евлампій Савельевичь обрадовался тому, что судьба навела его выучиться, что дѣлать при разъѣздѣ и, не теряя времени, онъ началъ кричать, что было силъ: Голоногова *люди*! ударяя съ важностію на последнее слово, дабы всякъ могъ слышать, что оно употребляется во множественномъ числѣ. Однако этотъ крикъ не имѣлъ желаннаго успѣха, а потому Евлам-

ній Савельевичь и принужденъ былъ обратиться къ обыкновенной своей методѣ звать людей, т. е. кричать: Сенька! Васька! Сенька! Васька! Васька! Сенька! Сенька! Васька! Подстрекаемый Авдотьей Елисѣевной, которая говорила, что холодно въ однихъ платьяхъ на лѣстницѣ стоять, Евламній Савельевичь все громче и громче кричалъ: Сенька! Васька! Когда онъ повторилъ разъ по двадцати каждое изъ сихъ именъ, то наконецъ появились внизу лѣстницы два чудовища съ заспанными рожами и смятыми шляпами. Они глядѣли во всѣ стороны, доискиваясь, откуда долетали до нихъ звуки голоса ихъ господина, пока наконецъ увидѣли и пошли вверхъ. На лѣстницѣ, запутавшись въ шубы и платки господъ своихъ, они упали, каждый по два раза, къ немалому удовольствію остальной арміи лакеевъ.

Кареты ждали Голоноговы ровно часъ; въ каковое время мимо ихъ прошло по крайней мѣрѣ триста человѣкъ. Наконецъ все кончено; семейство провинціаловъ въ возкѣ; измученное, раздосадованное, ѣдетъ домой, проклиная всѣ балы въ мірѣ, въ особенности же тѣ, гдѣ бываетъ такъ много публики.

«Никогда, во вѣки вѣковъ не поѣду», говоритъ Авдотья Елисѣевна.

— И я тоже — вторитъ Евламній Савельевичь.

Не беремся описывать сновидѣній многочисленнаго семейства Голоноговыхъ въ ту ночь, когда, усталые отъ бальныхъ приключеній, они съ неистовствомъ бросились въ объятія Морфея. Но мы это дѣлаемъ не потому, чтобы не знали, а потому, что время дорого, и расказъ нашъ и безъ того становится длиненъ. И такъ перешагнемъ черезъ нѣсколько дней.

Мы застаемъ Евлампія Савельевича въ-попыхахъ. По совѣту однаго человѣка, съ которымъ онъ свелъ знакомство, Голоноговъ рѣшился показать женѣ и четыремъ избраннымъ дѣтямъ чудную штуку: какъ люди безъ лошадей ѣздятъ изъ Питера въ Царское Село!

Авдотья Елисѣевна сначала принимала это за острую шутку; а потомъ, когда ее начали увѣрять въ подлинности такаго явленія, то она разсердилась, выбранила мужа и объявила ему, что онъ простъ какъ... не знаю что, если вѣрить такому вздору. Евлампій Савельевичь струхнулъ отъ женнина гнѣва и замолчалъ. Тогда Авдотья Елисѣевна объявила мужу, что согласна ѣхать съ нимъ и взять съ собою дѣтей, только для того, чтобы имѣть право говорить всякому, кто будетъ толковать ей объ этой небывальщинѣ, что она-де сама знаетъ, что это вранье.

Но каково было изумленіе Авдотьи Елисѣевны, когда она подошла къ желѣзной дорогѣ?

Паровозъ дымился, свистѣлъ, ворчалъ, бросалъ искры. Авдотья Елисѣевна осмотрѣла все въ подробности и рѣшила, что — кто поѣдетъ на этакой дьяволыцинѣ, тому, должно быть, свѣтъ опостылъ и жизнь не мила. А по этой причинѣ г-жа Голоногова объявила мужу своему, что она ни за какія благополучія на свѣтѣ не поѣдетъ по желѣзной дорогѣ, а равно не пуститъ ни его, ни дѣтей. Евлампій Савельевичь какъ ни юлилъ около жены, въ надеждѣ выпросить у нея позволеніе поѣхать въ Царское Село, однако Авдотья Елисѣевна употребила все, чтобы отговорить его, и наконецъ настояла на своемъ. Положено было, что они дождутся отхода *машины* и посмотрятъ, какъ она покатится безъ лошадей. Ожиданія продолжались съ полчаса. Евлампій Савельевичь былъ большой охотникъ слушать, что говорятъ другіе, а потому онъ и радовался довольно большому стеченію публики, ожидавшей отбытія паровоза. Но, къ несчастію, Авдотья Елисѣевна съ дочерьми усѣлась въ большой залѣ, а остальная часть публики ходила по ней взадъ и впередъ, такъ-что до Евлампія Савельевича долетали только отрывистыя фразы, какъ напримѣръ:

«Вчера машина ползла три часа изъ Царска...»

Говорившій прошелъ далѣе.

—...ужасная. Вы не простудились? У меня такъ насм... —

Говорившій прошелъ далѣе.

«Обѣдъ скверный, и дорого берутъ; а вино въ ротъ...»

Говорившій прошелъ далѣе.

— Произвели въ поручики. Вы давно ли прапор... —

Говорившій прошелъ далѣе.

«...такіе поставила мужу, что тотъ похожъ на ол...»

Говорившій шелъ далѣе.

—...такъ ущипнулъ за...—

Говорившій шелъ далѣе.

«Въ буфетѣ хлѣбъ черствый, масло воняетъ; право не знаю, какъ такіе...»

Говорившій шелъ далѣе.

—...три раза дорогой останавливалась; то отцѣпилась, то зацѣп... —

Говорившій шелъ далѣе.

«Какъ она не стыдится? такое поведеніе...»

Говорившій шелъ далѣе.

—...вчера мы были у Софьи А... —

Говорившій шелъ далѣе.

«Жуковъ табакъ лучше всѣхъ на свѣтѣ.»

Говорившій шелъ далѣе.

— Слышали? вчера одна женщина родила въ каретѣ на желѣзной дорогѣ. —

Услыша эти слова, Авдотья Елисѣевна вскочила съ мѣста, покраснѣвъ какъ піонъ, и сказала мужу:

«Пойдемъ прочь! Вишь, срамники, о чемъ говорятъ; не возмутъ въ разсужденіе, что дѣвушки тутъ сидятъ.»

Евламиій Савельевичь, желавшій дождаться отхода *машины* и, слыша, что осталось всего пять минутъ, уговорилъ жену выйти на галлерею.

Вотъ они вышли.

Около каретъ суетились кондукторы, размѣщая по мѣстамъ публику. Раздался звонокъ. Суета увеличилась. Торопливо влезали разнаго рода люди въ экипажи; иной съ узломъ, иной съ ребенкомъ. Машинистъ, выпачканный въ сажѣ, ходилъ около паровоза, засунувъ руки въ карманы и ругая по-Англійски мужика, клавшаго уголья въ печь.

Возлѣ семейства Голоноговыхъ завязался любопытный разговоръ. Какая-то старуха, довольно дурно одѣтая, говорила другой, подобной ей особѣ:

«Извѣстно, матушка, что нечисгая сила. Куда бы добромъ такихъ страстей надѣлать! И везутъ-то окаянную машину все утопленники, что сами на себя руку наложили; вотъ нечистый и заперъ ихъ въ котелъ, а они и кричатъ, и охаютъ, и пыхтятъ, и везутъ машину. И говорить-то про нее, прости Господи, грѣшно. Вишь, фыркаетъ какъ, словно звѣрь какой!»

— Вѣстимо голубушка — отвѣчаетъ другая старуха—не кто, какъ нечистый.—

«Видишь ли? Слышишь, что люди говорятъ», замѣтила Авдотья Елисѣевна мужу, «а ты насъ хотѣлъ прокатить на этой машинѣ.»

Евлампій Савельевичь молчалъ. Раздался еще звонокъ. Паровозъ пискнулъ и поѣздъ двинулся съ мѣста.

«Съ нами сила крестная!» сказала Авдотья Елисѣевна, и ушла съ галлереи, уводя съ собой мужа и дочерей.

Евлампій Савельевичь... но довольно на первый случай. Когда-нибудь, можетъ быть, и доведется мнѣ досказать повѣсть о Евлампіи Савельевичѣ и его безчисленномъ семействѣ. «Можетъ быть, это начало романа?» скажетъ какой-нибудь черезъ-чуръ догадливый и проницательный читатель. Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Заключу этотъ отрывокъ или обрывокъ Латинскими словами:

Difficile est satiram non scribere.

Бар. Ѳ. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗВѢЗДЫ ПОЛУНОЧИ.

Ye stars, the poetry of heaven!..
CHILDE-HAROLD.

Кому блестите вы, о звѣзды полуночи?
Чей взоръ прикованъ къ вамъ съ участьемъ и мечтой?
Кто вами восхищенъ?.. Кто къ вамъ подыметъ очи,
Незасоренныя землей?

Не хладный астрономъ, упитанный наукой,
Не мистикъ-астрологъ васъ могутъ понимать!..
Нѣтъ!.. для изящнаго ихъ дума близорука:
Тотъ испытуетъ васъ, тотъ мнитъ васъ разгадать.

Поэтъ, одинъ поэтъ съ восторженной душою,
Съ воображеніемъ и страстнымъ и живымъ,
Пусть наслаждается безсмертной красотою,
И вдохновеніемъ пусть васъ почтитъ своимъ!

Да женщина еще—мятежное созданье,
Рожденное мечтать, сочувствовать, любить —
На небеса глядитъ, чтобъ свѣтъ и упованье
Въ душѣ пугливой пробудить.

Гр--ня Е. Р--на.

Село Вороново.
Августъ. 1840.

КЪ РЕЙНУ.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
Онѣ, при вешнемъ свѣтѣ дня,
Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня.
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и рапны,
И виноградъ по скатамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ былыхъ богатырей —
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувшихъ дней!
Я Волжанинъ—тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже быстрая и шире голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда поднимется погода верховая
И бѣлый валъ заговоритъ!
А какова она—шумящихъ волнъ громада —
Весной, какъ съ выси береговъ,

Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда —
Чрезъ море водъ и острововъ!
По Царству и рѣка!.. Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ
Обширныхъ, Русскихъ водъ, простершей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ
До темныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей:
Тверды, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,
Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ;
Тебѣ привѣтъ Оки, поемистой, дубравной
Въ раздольѣ Муромскихъ песковъ,
Текущей царственно, блистательно и плавно
Въ виду почтенныхъ береговъ —
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
Завѣтный голосъ старины;
Суры-красавицы, задумчиво бродящей —
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ;
Свіяги пажитной, игривой и безсонной
Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ и блескъ неугомонной,
И гулъ работающихъ водъ;

Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы, сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобѣгъ,
Подъ кликами орловъ, свои валы сѣдые
Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
На плоскодонахъ и ладьяхъ;
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Неслышно въ говорѣ гостей,
Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу—золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихаго Черемшана,
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихоструйнаго, привольнаго Сызрана,
И всѣхъ и большихъ и меньшихъ
Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой,
Державной сѣверной рѣки,
Привѣты я принесъ тебѣ! Теки со славой,
Князь многихъ рѣкъ! свѣтло теки;
Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
Ни пѣсень радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
Твои покоитъ берега;
Да сладостно, на нихъ мечтая и гуляя,
Въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
Цалуется любовь и юность удалая
При звонѣ синихъ хрусталей.

Н. Языковъ.

ПЕРО.

«Въ Финляндіи, накапунѣ Рождества, вечеромъ, подкидывается втайнѣ много затѣйливыхъ подарковъ (julklapp), и виновника не всегда удается открыть.»

Частное письмо.

«Det var en oförgätlig qväll	«И незабвенъ былъ вечеръ сей
Uti det goda folkets tjäll;	Подъ кровомъ набожныхъ людей;
Och skönare var ingen fäst,	Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Ty engeln blef hos dem som gäst.	Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.
. . . .	. . . .
Det var så ljust, det var så gladt!»	Такъ было чудно, такъ свѣтло!»

РУНЕБЕРГЪ. *Вечеръ на Рождество.*

Вчера таинственно влетѣло
Ко мнѣ прекрасное Перо,
И стебль его изъ кости бѣлой,
И сталь внизу и серебро.
Вверху, подъ склономъ расширеннымъ,
Есть краткій стихъ и точекъ рядъ —
И много чувствамъ умиленнымъ

Слова простыя говорятъ.
Тамъ въ чуждыхъ звукахъ я читаю:
«Такъ было весело, свѣтло!..»
И дивный Вечеръ вспоминаю,
И вижу Ангела чело.

Но кто же ты, кто такъ прекрасно
Мнѣ вѣсть участья нынѣ шлешь,
И ободренья знакъ такъ ясно
И такъ умно мнѣ подаешь?
Ктобъ ни былъ ты—счастливъ подаркомъ,
Я за него благодарю!
Когда въ уборѣ пестро-яркомъ *
Вдругъ посѣтилъ онъ сѣнь мою,
Казалось: въ вечеръ тотъ священный
И у меня былъ Ангелъ: да,
То будетъ «вечеръ незабвенный»
Въ моемъ жилищѣ навсегда!..

Ктобъ ни былъ ты, прими въ отплату
Дань этихъ первыхъ строкъ Пера,
Тобою поданнаго брату
Съ завѣтомъ Правды и Добра.
О, я завѣтъ сей принимаю;
Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и Правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,

* Въ бонбоньеркѣ съ малиновыми и серебряными клѣтками.

Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатной,
И Ангелъ скроется изъ глазъ!..

Но нѣтъ — я не страшусь паденья!
Когда душой дремать начну
Во мглѣ тоски или сомнѣнья,
Лишь на Перо твое взгляну;
Прочту завѣтныя три слова,
Блеснетъ мнѣ Ангела чело —
И у меня на сердцѣ снова
«Такъ станетъ весело, свѣтло!»
. . . .

Г.

Гельсингфорсъ.
28/13 Декабря 1840.

ГАЛОПАДЪ.

Вихремъ въ кругѣ галопада
Мчатся легкія четы:
То изяществомъ наряда,
То магнитомъ красоты
Очарованные взоры
Нимфы бальныя манятъ;
И звучатъ и блещутъ шпоры,
Ножки по полу скользятъ —
Волшебства столичной моды
Отверзается тайникъ,
Какъ невянущей природы
Рѣзво скачущій цвѣтникъ!
Прихотливо перья вѣютъ
Между роскоши волосъ;
Нити жемчуга свѣтлѣютъ
Въ густотѣ широкихъ косъ;

Розы, ландыши, лилеи
Въ кудряхъ змѣйчатыхъ цвѣтутъ;
Кудри, прыгая у шеи,
Скромно плечи стерегутъ.
Но—одна царица бала;
Съ нею мчится адъютантъ
Вкругъ пестрѣющаго зала —
И красивый аксельбантъ
На груди его высокой
Звонко пляшетъ по крестамъ
Битью золота широкой.
Какъ вожатый всѣмъ четамъ,
Адъютантъ съ своей царицей,
Повелительницей залъ,
Какъ орелъ съ младой орлицей,
Галопадъ опережалъ.
Станъ плѣнительно-воздушный
Чуть перстами охватя,
Сердца прихоти послушный,
Къ ней склоняясь, съ ней летя
По зеркальному паркету,
Въ упоительныхъ кругахъ,
Внемлетъ *онъ* души привѣту
Въ голубыхъ *ея* очахъ!
Эти очи—пылъ и нѣга,
Такъ чудесно хороши;
Это—альфа и омега
Обаянія души!
Ручка-прелесть, отдыхая,
Бременитъ ему плечо;
Сладость амвры изливая,

Устъ дыханье горячо;
Дѣтской ножки перелетной
Стройный, узенькій носокъ
Проскользаетъ мимолетно,
Будто крылышко легокъ,
И чета несется птицей...
Вотъ отхлынула волна
Прежнихъ паръ — и вереницей
Новыхъ паръ замѣнена...
Взоръ красавицы тускнѣетъ,
Сердце нѣгою болитъ,
Пурпуръ устъ ея блѣднѣетъ,
Ножка трепетно скользитъ;
Но *ее* неутомимо
Увлекаетъ въ вихрѣ *онъ*,
И шипитъ невыразимо
Шопотъ злой со всѣхъ сторонъ.
Вотъ опять все лица тѣ же,
Понеслись всѣ пары вдругъ,
Вотъ мелькаютъ рѣже, рѣже —
Уменьшился полукругъ...
Двое мчатся... вотъ ужъ внемлетъ
Злому шопоту *она*,
Холодъ члены ей объемлетъ,
Грудь въ дыханьѣ стѣснена:
«Не могу, не въ силахъ болѣ,»
Шепчутъ блѣдныя уста,
И—красавица на волѣ,
И—разрознена чета!

Елисавета Шахова.

ПРИМИРЕНІЕ.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой;
И я, въ безумномъ изступленьѣ,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ, на праздникъ шумный,
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ:
На злобу—злобой ополчился,
И на бѣду—съ бѣдой пошелъ,
Противъ людей я грудью сталъ;
На смертный бой судьбу я вызвалъ!..
И гдѣ жъ она?.. гдѣ злые люди?..
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?..
Ихъ зло на нихъ же обратилось;
И все, кругомъ меня, безмолвно,
Въ одно мгновенье покорилось...
А я стоялъ, глядѣлъ на небо,
И улыбнулось небо мнѣ;
Не небо — нѣтъ! ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ.

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
Оставь меня! Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій,
Не увлечешь меня ты больше.
Не для тебя, для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ ужъ нѣтъ пространства между нами;
И вотъ ужъ нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я — различные два міра —
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!

Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель всѣ истины на свѣтѣ —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувствъ —
Людскихъ страстей пустая тѣнь?..
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!..

А. Кольцовъ.

РУССКІЙ ШТЫКЪ.

Стоитъ властительно трехгранный часовой
    На рубежѣ двухъ граней міра;
    Онъ Божій Ангелъ въ годы мира,
Онъ Божій мечь въ годинѣ боевой.
Всегда, вездѣ онъ царь! И на снѣгахъ Балкановъ,
У Сенскихъ береговъ, и у Евфратскихъ водъ,
Въ игрѣ за Терекомъ и въ битвѣ великановъ
    Ему достойнѣйшій почетъ.
Онъ любитъ насъ, онъ нашъ! Не твердостью булата—
    Славянскимъ духомъ онъ могучь:
Въ немъ Русская душа; онъ Русскаго солдата
    Безсмертья лучь!

Но чу! я слышу васъ, завистливыя дѣти,
Ораторы въ бояхъ, герои въ кабинетѣ;
    Что? плохо помнится *вчера*?
Что? видно зажили борьбы послѣдней раны?
    Такъ ихъ напомнитъ троегранный
    Подъ Бородинское ура.
Постыдный вашъ побѣгъ освѣтитъ вновь пожаромъ;
Не сломится, небось — Самъ Богъ его сковалъ,
И Русскому вручилъ, и, кажется, недаромъ
    Судьбой земли его назвалъ.

О! я люблю тебя, почтенный, благородный —
Не мститель, а судья; люблю я твой глаголъ,
Слуга моихъ Царей и гордости народной
Воинственный символъ.
Затѣмъ, что на твоей блестящей троеграни
Народа Русскаго вся жизнь закалена:
Такъ много доблестныхъ сказаній —
И ни единаго пятна,
И ни единаго постыднаго упрека.
Пускай всемірные глашатаи клеветъ
Внимательно прочтутъ скрижаль твоихъ побѣдъ,
Что по лицу земли ты начерталъ далеко —
И вѣчно былъ правдивъ и благъ
Державный твой размахъ!

Промчатся годы; наше племя
Смѣнится племенемъ другимъ;
Всесокрушительное время
Воздвигнетъ тягостное бремя —
Могилы грустныя надъ нимъ;
Другой народъ, другіе нравы
Пройдутъ, исчезнутъ мимо насъ:
Но ты, перунъ нашъ величавый!
Въ завѣтахъ доблестей и славы
Немолченъ будетъ твой расказъ;
Но ты, вѣнцомъ своимъ лавровымъ
Одѣтый въ мирѣ и войнѣ,
Взойдешь надъ міромъ солнцемъ новымъ
И станешь съ солнцемъ наравнѣ!

К. Айбулатъ.

ВАЛЬСЪ.

Все блеститъ: цвѣты, кенкеты,
И алмазъ, и бирюза,
Ленты, звѣзды, эполеты,
Серги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Все въ движеньи: воздухъ, люди,
Блонды, локоны и груди,
И достойныя вѣнца
Ножки съ тайнымъ ихъ обѣтомъ,
И страстями и корсетомъ
Изнуренныя сердца.

Бурей вальса утомленной
Кругъ рѣдѣетъ постепенно;
Много блеска своего
Ужъ утратилъ; прихотливо
Пары, съ искрами разрыва,

Отпадаютъ отъ него,
Будто прахъ неоцѣнимый—
Пыль съ алмазнаго кольца,
Осыпь съ пышной діадимы,
Брызги съ царскаго вѣнца,
Будто звѣзды золотыя,
Что, покинувъ небеса,
Вдругъ летятъ въ края земные,
Будто блестки разсыпныя,
Переливчато-цвѣтныя
Съ огневаго колеса.

Вотъ осталась только пара,
Лишь она и онъ. На ней
Тонкій газъ бѣлѣе пара,
Онъ — весь облака чернѣй.
Геній тьмы и духъ эдема,
Мнится, рѣютъ въ облакахъ,
И Коперника система
Торжествуетъ въ ихъ глазахъ.
Вотъ летятъ! Смычки живѣе
Сыплютъ громъ. Чета быстрѣе
Въ новомъ блескѣ торжества
Чертитъ молніи кругами,
И плотнѣй сплелись крылами
Неземныя существа.
Тщетно хочетъ чернокрылый
Удержать полетъ свой: силой
Непонятною влекомъ,
Какъ надъ бездной океана,
Онъ летитъ въ слояхъ тумана,

Весь обхваченный огнемъ
Въ сферѣ радужнаго свѣта,
Сквозь хаосъ и огнь и дымъ
Мчится мрачная планета
Съ яснымъ спутникомъ своимъ.
Тщетно бѣлый херувимъ
Ищетъ силы иль заклятій—
Разломить кольцо объятій:
Грудь томится; рвется рѣчь;
Мрутъ безплодныя усилья;
Надъ огнемъ открытыхъ плечь
Вьютъ блондовыя крылья;
Брызжетъ локоновъ рѣка;
Въ персяхъ мѣста нѣтъ дыханью;
Воспаленная рука
Крѣпко сжата адской дланью,
А другою горячо
Ангелъ, въ ужасѣ паденья,
Держитъ демона круженья
За желѣзное плечо.

В. Бенедиктовъ.

БОЮСЬ!

Who better loves must greatly fear,
Who fears, must duply feel!

LADY STUART.

Боюсь, боюсь!... Я не привыкла къ счастью!
Всегда за радостью встрѣчала горе я;
Всегда средь яснаго, блистательнаго дня
Приготовлялась я къ несчастью.

Боюсь, боюсь!... Любимыхъ грезъ моихъ
Я недовѣрчиво увижу исполненье,
И буду трепетать, чтобъ бури дуновенье
Не размѣтало мигомъ ихъ!

Боюсь, боюсь!... Покуда думы были
Надеждой дальною, я ихъ могла забыть:
Теперь возможностью онѣ меня плѣнили,
Теперь мнѣ ихъ не пережить!...

Гр--ня Е. Р--на.

Москва.
19 Сентября 1840.

МАРКИЗѢ М. А. ДЕ Т-СЕ.

Изъ краевъ сихъ безмятежныхъ,
Изъ среды сестеръ своихъ,
Отъ утесовъ нашихъ снѣжныхъ,
Отъ заливовъ ледяныхъ
Вы на новыя забавы
Улетите въ край другой,
Въ исполинскій, величавый
Градъ, стоящій надъ Невой.
Берегитесь: край болотной!
Градъ отравой напоенъ!
Не ввѣряйтесь беззаботно
Жизни, къ коей манитъ онъ.
Не берите жадно чаши,
Разносимой спѣсью тамъ, —
Иль уста поблекнутъ ваши,
Приложась къ ея краямъ!

Есть тамъ много дѣвъ цвѣтущихъ
И красавцевъ молодыхъ,
Пѣснь хваленья имъ поющихъ
И вздыхающихъ о нихъ;
Но подобной вамъ межъ ними
Ни одной, быть можетъ, нѣтъ:
Сколько чарами своими
Вы одержите побѣдъ!
О, внимайте осторожно
Лепетанью красныхъ словъ!
Много прелести въ нихъ ложной,
Мало въ нихъ души слѣдовъ.

Удаляясь, прочь веселье
Вы уносите отъ насъ;
Но мы вѣримъ: новоселье
Не измѣнитъ въ сердцѣ васъ,
И столичныя тревоги
Испытавъ, но не любя,
Вы чрезъ бѣлыя дороги
Возвратите намъ—*себя.*

Г.

Гельсингфорсъ.

СВИДАНІЕ.

Изъ Гёте.

Возможно ль? вновь нѣмыя руки
Тебя, свѣтилъ свѣтило, жмутъ!
О, что за бездна — ночь разлуки!
Какая цѣпь скорбей и смутъ!
Такъ, это ты, струя живая
Моихъ возвышенныхъ отрадъ!
Я трепещу предъ встрѣчей рая,
Мученій прошлыхъ помня адъ.

Когда міръ темный въ снѣ глубокомъ
На лонѣ Бога жизнь таилъ,
И въ люботворчествѣ высокомъ
Богъ первый часъ установилъ

И рекъ *да будетъ*! зазвучало
Тогда болѣзненное — *ахъ*!
И мощной бытности начало
Заговорило въ пустотахъ.

Явился свѣтъ! Полна испуга,
Въ пучины ринулася ночь,
И побѣжали другъ отъ друга,
Раздѣлены, стихіи прочь.
Еще не вѣдая призванья,
Какъ въ грезахъ дикихъ и слѣпыхъ,
Мертво, безъ звука, безъ желанья,
Стремилась каждая изъ нихъ.

Все было пусто, непробудно...
— — — — — — — —
Тогда зарю Богъ создалъ чудно —
И ужасъ весь предъ нею легъ.
Она игрою красокъ нѣжной
Міръ безотрадный обняла,
И въ широтѣ его безбрежной
Любовь и сила ожила.

И жаждетъ все неодолимо
Съ частицей встрѣтиться родной,
И чувство, взоръ ненасытимо
Стремятся къ жизни золотой...
И вотъ, подъ вихремъ сочетанья,
Слилося все одно съ другимъ!
— — — — — — — —
— — — — — — — —

Такъ, запылавъ, заря спѣшила
Къ твоимъ устамъ меня примчать —
И ночь къ союзу приложила
Тысячезвѣздную печать.
— — — — — — —
— — — — — — —
— — — — — — —
— — — — — — —

Эм--въ.

РИФМА.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ Музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила;
Свободнымъ и широкимъ метромъ,
Какъ жатва зыблемая вѣтромъ,
Его гармонія текла.
Толпа вниманіемъ окована была,
Пока, могучимъ сотрясеньемъ
Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца
И лиру звучную пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.

А нынѣ кто у нашихъ лиръ
Имъ дружелюбной тайны проситъ?
Кого за нами въ горній міръ
Опальный голосъ ихъ уноситъ?

Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣшитъ вопросъ неразрѣшимый!
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма, родуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна, ему, съ роднаго брега,
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты.

Е. Баратынскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXI ТОМА.

VII. Стихотворенія.

Поправка. *На страницѣ* 220 (второй нумераціи), *въ стихѣ II, вмѣсто* Тверды *читай* Тверцы.

Конецъ двадцать перваго тома.

